

Александр Блок

**Полное собрание
стихотворений**

Александр Александрович Блок
Полное собрание стихотворений
Серия «Список школьной литературы 10-11 класс»
Серия «Список школьной литературы 7-8 класс»
Серия «Список школьной литературы 9 класс»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176042

Аннотация

На поэтическом небосклоне России Александр Александрович Блок воспринимается как крупнейший русский поэт XX века. *"Блоку — верьте, это настоящий, волею Божией поэт и человек бесстрашной искренности"*, – писал о нем М.Горький. Огромная сила дарования Блока, лиризм и проникновенность его поэзии, раздумья о судьбе России трагично и неразрывно слились с его личной судьбой – короткой, драматической, яркой.

Содержание

Стихотворения 1898 года	27
«Пусть светит месяц – ночь темна...»	27
«Одной тебе, тебе одной...»	28
«Ты много жил, я больше пел...»	29
«Пора забыться полным счастья сном...»	30
«Пусть рассвет глядит нам в очи...»	31
«Муза в уборе весны постучалась к поэту...»	32
«Полный месяц встал над лугом...»	33
«Ловя мгновенья сумрачной печали...»	34
«Она молода и прекрасна была...»	35
«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...»	36
Моей матери	37
«Я шел во тьме к заботам и веселью...»	38
«Я стремлюсь к роскошной воле...»	39
«Ты, может быть, не хочешь угадать...»	40
«Как мучительно думать о счастье былом...»	41
«В ночи, когда уснет тревога...»	42
«Душа моя тиха. В натянутых струнах...»	43
«Жизнь – как море она – всегда исполнена бури...»	44
«Усталый от дневных блужданий...»	45
«Без веры в бога, без участия...»	46
«Есть в дикой роще, у оврага...»	47
«Мне снилась смерть любимого созданья...»	48
«Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина...»	49
«Вхожу наверх тропой кремнистой...»	50
«Офелия в цветах, в уборе...»	51
«Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...»	52
«В болезни сердца мыслю о Тебе...»	53
Летний вечер	54
«Луна проснулась. Город шумный...»	55
«Я думал, что умру сегодня к ночи...»	56
«Путник, ропщи...»	57
На вечере в честь Л. Толстого	58
«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...»	59
«Немало времени прошло уже с тех пор...»	60
«О, не просите скорбных песен!...»	61
Стихотворения 1899 года	62
«Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою...»	62
«Над старым мраком мировым...»	63
Одиночество	64
«Окрай небес – звезда омега...»	66
«В минутном взрыве откровений...»	67
«Милый друг! Ты юною душою...»	68
Песня Офелии	69
«Ночной туман застал меня в дороге...»	70
«Между страданиями земными...»	71

«Когда мы любим безотчетно...»	72
«О, презирать я вас не в силах...»	73
«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...»	74
Гамаюн, птица вещая	75
Сирин и Алконост	76
«Мы были вместе, помню я...»	77
«Темнеет небо. Туч гряда...»	78
«Я шел к блаженству. Путь блестел...»	79
«Гроза прошла, и ветка белых роз...»	80
«Сама судьба мне завещала...»	81
После дождя	82
«Когда же смерть? Я всё перестрадал...»	83
«Я стар душой. Какой-то жребий черный...»	84
«Там, за далью бесконечной...»	85
«Не проливай горючих слез...»	86
«Я был влюблен. И лес ночной...»	87
Накануне Иванова дня...	88
«Зачем, зачем во мрак небытия...»	89
«И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...»	90
«Когда кончается тетрадь моих стихов...»	91
«Готов ли ты на путь далекий...»	92
«Я – человек и мало богу равен...»	93
«Сомкни уста. Твой голос полн...»	94
Перед грозой	95
«Сомненья нет: мои печали...»	96
Черная дева	97
«Дышит утро в окошко твое...»	98
«Тяжелый занавес упал...»	99
Накануне XX века	100
«Глухая полночь. Цепененье...»	101
«Помнишь ли город тревожный...»	102
«Город спит, окутан мглою...»	103
Кошмар	104
«О, как безумно за окном...»	105
Голос	106
Неведомому богу	107
«Ты не научишь меня проклинать...»	108
«Не легли еще тени вечерние...»	109
Servus-reginae[4]	110
Песня за стеной	111
«Когда докучливые стоны...»	112
Моей матери	113
«Ты много жил. Негодованье...»	114
«Пока спокойно стою...»	115
Dolor ante lucem[5]	116
«Как всякий год, ночной порою...»	117
«За краткий сон, что нынче снится...»	118
«Как сон молитвенно-бесстрастный...»	119
«Когда с безжалостным страданьем...»	120

Стихотворения 1900 года	121
Осенняя элегия	121
1	121
2	121
«Я умирал. Ты расцветала...»	122
«Приветный Лель, не жду рассвета...»	123
«В те дни, когда душа трепещет...»	124
«Ярким солнцем, синей далью...»	125
«Восходишь ты, что строгий день...»	126
«Лениво и тяжело плывут облака...»	127
«Шли мы стезею лазурною...»	128
«О, не тебя люблю глубоко...»	129
«Ночь теплая одела острова...»	130
«Утро брезжит. День грозит ненастьем...»	131
«Разверзлось утреннее око...»	132
«Я шел во тьме дождливой ночи...»	133
«Сегодня в ночь одной тропею...»	134
«В ночи, исполненной грозой...»	135
«Поэт в изгнании и в сомнении...»	136
«Мы все уйдем за грань могил...»	137
«Хоть всё по-прежнему певец...»	138
«Напрасно, дева, ты бежала...»	139
«До новых бурь, до новых молний...»	140
«Хожу по камням старых плит...»	141
«В фантазии рождаются порою...»	142
«Мы не торопимся заране...»	143
«К ногам презренного кумира...»	144
«Теряет берег очертанья...»	145
«Есть много песен в светлых тайниках...»	146
«Бежим, бежим, дитя свободы...»	147
«Звезда полночная скатилась...»	148
«Пусть я покину этот град...»	149
«Прошедших дней немеркнущим сияньем...»	150
«Не призывай и не сули...»	151
После грозы	152
«В часы вечернего тумана...»	153
«Уже бледнеет день прощальный...»	154
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...»	155
«В ночь молчаливую чудесен...»	156
«Облит последними лучами...»	157
«Полна усталого томленья...»	158
«Была пора – в твоих глазах...»	159
«Пророк земли – венец творенья...»	160
«В часы безмолвия ночного...»	161
«Смеялись бедные невежды...»	162
«Не доверяй своих дорог...»	163
«Увижу я, как будет погибать...»	164
«Погибло всё. Палящее светило...»	165
«К чему бесцельно охранять...»	166

«Они расстались без печали...»	167
«Новый блеск излило небо...»	168
«То отголосок юных дней...»	169
«Последний пурпур догорал...»	170
«Не утоленная кровавыми струями...»	171
«Порою вновь к твоим ногам...»	172
Аграфы догмата[6]	173
«В седую древность я ушел, мудрец...»	174
Смерть	175
«Под вечер лет с немим вниманьем...»	176
Аметист	177
«Твой образ чудится неволью...»	178
«Ночь грозой бушевала, и молний огни...»	179
«Курятся алтари, дымят паникадила...»	180
«Напрасно я боролся с богом...»	181
« Ты была у окна...»	182
«Поклонник эллинов – я лиру забывал...»	183
Артистке	184
«Я знаю, смерть близка. И ты...»	185
«Пора вернуться к прежней битве...»	186
«Отрекись от любимых творений...»	187
«Измучен бурей вдохновенья...»	188
«Не отравляй души своей...»	189
«В те целомудренные годы...»	190
«Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...»	191
«Там жили все мои надежды...»	192
«Ищу спасенья...»	193
«Медленно, тяжело и верно...»	194
«Завтра с первым лучом...»	195
«Была и страсть, но ум холодный...»	196
Поэма философская	197
I	197
II	197
III	198
Последняя часть философской поэмы	199
Е. А. Баратынскому	200
После битвы	201
«Не нарушай гармонии моей...»	202
Две любви	203
«В полночь глухую рожденная...»	204
«Ты не обманешь, призрак бледный...»	205
«Нет ни слезы, ни дерзновенья...»	206
Валкирия	207
31 декабря 1900 года	208
Стихотворения 1901 года	209
«Когда я одинок и погружен в молчанье...»	209
«Я никогда не понимал...»	210
«Ты – думы вечной, вдохновенной...»	211
«Благоуханных дней теченье...»	212

«Часто в мысли гармония спит...»	213
«Я вышел. Медленно сходили...»	214
«Ветер принес издалёка...»	215
«Над синевой просторной дали...»	216
«Тихо вечерние тени...»	217
«Душа молчит. В холодном небе...»	218
«Я сходил в стремнины горные...»	219
«Мой путь страстями затемнен...»	220
«Ныне, полный блаженства...»	221
«Я понял смысл твоих стремлений...»	222
«Ты отходишь в сумрак алый...»	223
«Так – одинокой, легкой тенью...»	224
«Сбылось пророчество мое:...»	225
Моей матери	226
«Пять изгибов сокровенных...»	227
«Отзвучала гармония дня...»	228
«Я недаром боялся открыть...»	229
«Ночью сумрачной и дикой...»	230
«Навстречу вешнему расцвету...»	231
«В день холодный, в день осенний...»	232
«Всё отлетают сны земные...»	233
«В передзакатные часы...»	234
«Он уходил, а там глубоко...»	235
«Ты ли это прозвучала...»	236
«Всё бытие и сущее согласно...»	237
«Кто-то шепчет и смеется...»	238
«Белой ночью месяц красный...»	239
«Небесное умом не измеримо...»	240
«Они звучат, они ликують...»	241
«Одинокий, к тебе прихожу...»	242
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	243
«И поздно, и темно. Покину без желаний...»	244
«И я, неверный, тосковал...»	245
«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...»	246
«Молитву тайную твори...»	247
«За туманом, за лесами...»	248
«В бездействии младом, в передрагасветной лени...»	249
«Какому богу служишь ты?...»	250
«Сегодня шла Ты одиноко...»	251
«Она росла за дальними горами...»	252
«Я помню час глухой, бессонной ночи...»	253
«Тебя в страны чужие звали...»	254
«Внемля зову жизни смутной...»	255
«Прозрачные, неведомые тени...»	256
«Я жду призыва, ишу ответа...»	257
«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...»	258
«Вечереющий день, догорая...»	259
«За городом в полях весною воздух дышит...»	260
«Входите все. Во внутренних покоях...»	261

«Ты прошла голубыми путями...»	262
«Не жди последнего ответа...»	263
«Не пой ты мне и сладостно, и нежно:...»	264
«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...»	265
«Признак истинного чуда...»	266
«Нас старость грустная настигнет без труда...»	267
Преображение	268
«Ты далека, как прежде, так и ныне...»	269
«Стою на царственном пути...»	270
«Сумерки, сумерки вешние...»	271
«Наступает пора небывалая...»	272
«Ты горишь над высокой горою...»	273
«Видно, дни золотые пришли...»	274
«Кругом далекая равнина...»	275
«Я всё гадаю над тобою...»	276
«Когда-то долгие печали...»	277
«Синие горы вдали...»	278
«Нет конца лесным тропинкам...»	279
«Внемлю голосу свободы...»	280
«Глушь родного леса...»	281
«Мчит меня мертвая сила...»	282
Ожидание	283
«Знаю, бедная, тяжкое бремя...»	284
Посвящение	285
«Смотри – я отступаю в тень...»	286
«Пройдет зима – увидишь ты...»	287
«Грустно и тихо у берега сонного...»	288
«Встану я в утро туманное...»	289
«Ранний час. В пути незрима...»	290
«Ты уходишь от земной юдоли...»	291
«Ходит месяц по волне...»	292
«Снова ближе вечерние тени...»	293
«Я бремя похитил, как тать...»	294
«Хранила я среди младых созвучий...»	295
«Медленно в двери церковные...»	296
«Ловлю я тонкий прах надежды...»	297
«Скрипнула дверь. Задрожала рука...»	298
«Зарево белое, желтое, красное...»	299
«Восходя на первые ступени...»	300
«Один порыв – безвластный и плакучий...»	301
«Я ли пишу, или ты из могилы...»	302
«Жду я холодного дня...»	303
«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...»	304
«Будет день и свершится великое...»	305
«Я долго ждал – ты вышла поздно...»	306
«Ночью вьюга снежная...»	307
Ворожба	308
«Недосказанной речи тревогу...»	309
«Тёмно в комнатах и душно...»	310

«Мне битва сердце веселит...»	311
«Неотвязный стоит на дороге...»	312
«Смотри приветно и легко...»	313
«Молчи, как встарь, скрывая свет...»	314
«Вечереющий сумрак, поверь...»	315
«Сумрак дня несет печаль...»	316
При посылке роз	317
«Старый год уносит сны...»	318
Двойнику	319
«Черты знакомых лиц...»	320
«Мы, два старца, бредем одинокие...»	321
Ночь на новый год	322
Стихотворения 1902 года	323
«Я шел – и вслед за мною шли...»	323
«Бегут неверные дневные тени...»	324
«Сгущался мрак церковного порога...»	325
«Высоко с темнотой сливается стена...»	326
«Туман скрывает берег отдаленный...»	327
«Там, в полусумраке собора...»	328
«Из царства сна выходит безнадежность...»	329
«Озарен таинственной улыбкой...»	330
«Но прощай, о, прощай, человеческий род!...»	331
«Мы преклонились у завета...»	332
На могиле друга	333
«Я укрыт до времени в приделе...»	334
«Целый день – суета у могил...»	335
«Война горит неукротимо...»	336
«Вдали мигнул огонь вечерний...»	337
«...И были при последнем издыханьи...»	338
«В пути – глубокий мрак, и страшны высоты...»	339
«Уходит день. В пыли дорожной...»	340
«Сны раздумий небывалых...»	341
«На весенний праздник света...»	342
«Ты была светла до странности...»	343
«Не поймут бескорбные люди...»	344
«Или устал ты до времени...»	345
«Сны безотчетны, ярки краски...»	346
«Мы живем в старинной келье...»	347
«Ты – божий день. Мои мечты...»	348
«Верю в Солнце Завета...»	349
«Кто-то с богом шепчется...»	350
«Мы всё простим – и не нарушим...»	351
«Целый день передо мною...»	352
У дверей	353
«Всю зиму мы плакали, бедные...»	354
«Там сумерки невнятно трепетали...»	355
«Мы странствовали с Ним по городам...»	356
«Успокоительны, и чудны...»	357
«Гадай и жди. Среди полночи...»	358

«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...»	359
«Ты не пленишь. Не жди меня...»	360
«Мы шли заветною тропой...»	361
«Травы спят красивые...»	362
«Мой вечер близок и безволен...»	363
«Ты – злая колдунья. Мой вечер в огне...»	364
«На темном пороге тайком...»	365
«Я медленно сходил с ума...»	366
«Я жалок в глубоком бессильи...»	367
«Испытанный, стою на грани...»	368
«Весна в реке ломает льдины...»	369
«Ищи разгадку ожиданий...»	370
«Кто-то вздохнул у могилы...»	371
«Кто плачет здесь? На мирные ступени...»	372
«Ловлю дрожащие, хладеющие руки;...»	373
«У окна не ветер бродит...»	374
«Ты, отчаянье жизни моей...»	375
«Утомленный, я терял надежды...»	376
«Станных и новых ищу на страницах...»	377
«Днем вершу я дела суеты...»	378
«Люблю высокие соборы...»	379
«В сумерки девушку стройную...»	380
«Я знаю день моих проклятий...»	381
«Мы отошли и стали у кормила...»	382
«Завтра в сумерки встретимся мы...»	383
«Я тишиною очарован...»	384
«Я – тварь дрожащая. Лучами...»	385
«Ты – молитва лазурная...»	386
«Слышу колокол. В поле весна...»	387
«Там – в улице стоял какой-то дом...»	388
«Я и мир – снега, ручьи...»	389
«Мы встречались с тобой на закате...»	390
«Ты не ушла. Но, может быть...»	391
«Тебя скрывали туманы...»	392
«Когда святого забвения...»	393
«Проходят сны и женственные тени...»	394
«Поздно. В окошко закрытое...»	395
«Сплетались времена, сплетались страны...»	396
«Брожу в стенах монастыря...»	397
«Ушли в туман мечтания...»	398
«Вот снова пошатнулись дали...»	399
«Хоронил я тебя, и, тоскуя...»	400
«На ржавых петлях открываю ставни...»	401
«Золотокудрый ангел дня...»	402
«Пробивалась певучим потоком...»	403
На смерть деда	404
«Не бойся умереть в пути...»	405
«Я, отрок, зажигаю свечи...»	406
«Говорили короткие речи...»	407

«Сбежал с горы и замер в чаще...»	408
«Как сон, уходит летний день...»	409
«Зову тебя в дыму пожара...»	410
«Я и молод, и свеж, и влюблен...»	411
«Ужасен холод вечеров...»	412
«Инок шел и нес святые знаки...»	413
«За темной далью городской...»	414
«Свет в окошке шатался...»	415
Боец	416
«Всё, чем дышал я...»	417
«Тебе, Тебе, с иного света...»	418
«Моя душа в смятении страха...»	419
«Прости. Я холодность заметил...»	420
«Пытался сердцем отдохнуть я...»	421
«Золотистою долиной...»	422
«Без Меня б твои сны улетали...»	423
«В чужбину по гудящей стали...»	424
«Я вышел в ночь – узнать, понять...»	425
«Безрадостные всходят семена...»	426
«Давно хожу я под окнами...»	427
«Смолкали и говор, и шутки...»	428
«В городе колокол бился...»	429
«Я просыпался и всходил...»	430
«Как старинной легенды слова...»	431
«Мы – чернецы, бредущие во мгле...»	432
Экклесиаст	433
«Она стройна и высока...»	434
«Они говорили о ранней весне...»	435
«Когда я вышел – были зори...»	436
«Был вечер поздний и багровый...»	437
Старик	438
Случайному	439
«Стремленья сердца непомерны...»	440
«Передо мной – моя дорога...»	441
«Всё, что в море покоит волну...»	442
«Все они загораются здесь...»	443
«Я ждал под окнами в тени...»	444
«При желтом свете веселились...»	445
«О легендах, о сказках, о тайнах...»	446
«Он входил простой и скудный...»	447
«Явился он на стройном бале...»	448
«Свобода смотрит в синеву...»	449
«Ушел он, скрылся в ночи...»	450
«О легендах, о сказках, о мигах:...»	451
Religio[9]	452
1	452
2	452
«Вхожу я в темные храмы...»	453
«Ты свята, но я Тебе не верю...»	454

«Будет день, словно миг веселья...»	455
«Блаженный, забытый в пустыне...»	456
«Его встречали повсюду...»	457
«Они живут под серой тучей...»	458
«Мысли мои утопают в бессилии...»	459
«Разгораются тайные знаки...»	460
«Мне страшно с Тобой встречаться...»	461
«Дома растут, как желанья...»	462
7 – 8 ноября 1902 года	463
«Я их хранил в приделе Иоанна...»	464
Сфинкс	465
«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...»	466
«Стою у власти, душой одинок...»	467
«Ушел я в белую страну...»	468
«Еще бледные зори на небе...»	469
Жрец	470
«Я надел разноцветные перья...»	471
Песня Офелии	472
«Мы проснулись в полном забвении...»	473
«Я, изнуренный и премудрый...»	474
«Золотит моя страстная осень...»	475
Голос	476
«Я буду факел мой блюсти...»	477
«Мы всюду. Мы нигде. Идем...»	478
«Я смотрел на слепое людское строение...»	479
«Любопытство напрасно глазело...»	480
«Царица смотрела заставки...»	481
«Вот она – в налетевшей волне...»	482
«Все кричали у круглых столов...»	483
«Покраснели и гаснут ступени...»	484
«На обряд я спешил погребальный...»	485
«Я искал голубую дорогу...»	486
«Мы отошли – и тяжело поднимали...»	487
«Она ждала и билась в смертной муке...»	488
«Запевающий сон, зацветающий цвет...»	489
Стихотворения 1903 года	490
«Целый год не дрожало окно...»	490
«Здесь ночь мертва. Слова мои дики...»	491
«Я к людям не выйду навстречу...»	492
Отшедшим	493
«В посланьях к земным владыкам...»	494
«Днем за нашей стеной молчали, – ...»	495
«Здесь память волны святой...»	496
«Потемнели, поблекли залы...»	497
«Разгадал я, какие цветы...»	498
«Старуха гадала у входа...»	499
«Погружался я в море клевера...»	500
«Зимний ветер играет терновником...»	501
«Снова иду я над этой пустынной равниной...»	502

«Всё ли спокойно в народе?...»	503
«Дела свершились...»	504
«Мне снились веселые думы...»	505
«Никто не умирал. Никто не кончил жить...»	506
«Отворяются двери – там мерцанья...»	507
Noli tangere circulos meos[10]	508
«Всё тихо на светлом лице...»	509
«Я вырезал посох из дуба...»	510
«У забытых могил пробивалась трава...»	511
«Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...»	512
«Вот они – белые звуки...»	513
А. М. Добролюбов	514
«Кто заметил огненные знаки...»	515
«Глухая полночь медленный кладет покров...»	516
«У берега зеленого на малой могиле...»	517
«Я был весь в пестрых лоскутьях...»	518
«По городу бегал черный человек...»	519
«Мой остров чудесный...»	520
«Просыпаюсь я – и в поле туманно...»	521
«Моя сказка никем не разгадана...»	522
«На Вас было черное закрытое платье...»	523
«Я умер. Я пал от раны...»	524
«Если только она подойдет...»	525
«Когда я стал дряхлеть и стынуть...»	526
«Неправда, неправда, я в бурю влюблен...»	527
«Скрипка стонет под горой...»	528
«Очарованный вечер мой долог...»	529
«Сердито волновались нивы...»	530
«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...»	531
«Многое замолкло. Многие ушли...»	532
«День был нежно-серый, серый, как тоска...»	533
Заклинание	534
«Пристань безмолвна. Земля близка...»	535
«Я – меч, заостренный с обеих сторон...»	536
Двойник	537
«Горит мой день, будя ответы...»	539
«Над этой осенью – во всем...»	540
Вербная суббота	541
«Я был невенчан. Премудрость храня...»	542
«Я мог бы ярче просиять...»	543
Ответ	544
«Мой месяц в царственном зените...»	545
«Возвратилась в полночь. До утра...»	546
«Я бежал и спотыкался...»	547
«Сижу за ширмой. У меня...»	548
«...И снова подхожу к окну...»	549
«Когда я уйду на покой от времен...»	550
«Так. Я знал. И ты задул...»	551
«Ты у камина, склонив седины...»	552

«Крыльцо Ее словно паперть...»	553
Рассвет	554
«Облака небывалой улады...»	555
«Спустишь в подземные ущелья...»	556
«Темная, бледно-зеленая...»	557
Фабрика	558
Заключение спора	559
«Что с тобой – не знаю и не скрою...»	560
«Мы шли на Лидо в час рассвета...»	561
«Мне гадалка с морщинистым ликом...»	562
«Плачет ребенок. Под лунным серпом...»	563
«Среди гостей ходил я в черном фраке...»	564
Из газет	565
Статуя	566
«По берегу плелся больной человек...»	567
«Протянуты поздние нити минут...»	568
«Я кую мой меч у порога...»	569
«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»	570
«Отдых напрасен. Дорога крута...»	571
Стихотворения 1904 года	572
«Жду я смерти близ денницы...»	572
Последний день	573
Петр	574
Поединок	575
«Светлый сон, ты не обманешь...»	577
Обман	578
«Я восходил на все вершины...»	580
«Мой любимый, мой князь, мой жених...»	581
Молитвы	582
1	582
2. Утренняя	582
3. Вечерняя	583
4. Ночная	583
5. Ночная	584
« На перекрестке...»	585
«Ты оденешь меня в серебро...»	586
«Фиолетовый запад гнетет...»	587
«Дали слепы, дни безгневны...»	588
Взморье	591
«В час, когда пьянеют нарциссы...»	592
«Я живу в глубоком покое...»	593
«Вот он – ряд гробовых ступеней...»	594
«Вечность бросила в город...»	595
«Город в красные пределы...»	596
«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...»	597
«Поет, краснея, медь. Над горном...»	598
Гимн	599
«Поднимались из тьмы погребов...»	600
«В высь изверженные дымы...»	601

Колыбельная песня	602
«Зажигались окна узких комнат...»	603
«Всё бежит, мы пребываем...»	604
«Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...»	605
«Нежный! У ласковой речки...»	606
«Гроб невесты легкой тканью...»	607
«Тяжко нам было под выюгами...»	608
Ночь	609
«Вот – в изнурительной работе...»	610
Моей матери	611
«Все отошли. Шумите, сосны...»	612
«День поблек, изящный и невинный...»	613
«В кабаках, в переулках, в извивах...»	614
«Барка жизни встала...»	615
Стихотворения 1905 года	616
«Шли на приступ. Прямо в грудь...»	616
«Улица, улица...»	617
Болотные чертенятки	618
«Я живу в отдаленном скиту...»	619
Повесть	620
Твари весенние	622
«Иду – и всё мимолетно...»	624
Песенка	625
Легенда	626
«Ты в поля отошла без возврата...»	628
«Я вам поведал неземное...»	629
Невидимка	630
Болотный попик	631
«На весеннем пути в теремок...»	632
«Вот на тучах пожелтелых...»	633
Война	634
Влюбленность	635
«Она веселой невестой была...»	636
«Полюби эту вечность болот...»	638
«Белый конь чуть ступает усталой ногой...»	639
«Болото – глубокая впадина...»	640
«Не строй жилищ у речных излучин...»	641
«Потеха! Рокочет труба...»	642
Старушка и чертенята	643
У моря	644
Балаганчик	645
Поэт	646
Моей матери	647
«Старость мертвая бродит вокруг...»	648
«В туманах, над сверканьем рос...»	649
Осенняя воля	650
«Не мани меня ты, воля...»	651
«Утихает светлый ветер...»	652
«Оставь меня в моей дали...»	653

«Осень поздняя. Небо открытое...»	654
«Девушка пела в церковном хоре...»	655
«В лапах косматых и страшных...»	656
«Там, в ночной завывающей стуже...»	657
Пляски осенние	658
«В голубой далекой спальне...»	660
Эхо	661
«Вот Он – Христос – в цепях и розах...»	662
«Так. Неизменно всё, как было...»	663
Митинг	664
«Вися над городом всемирным...»	666
«Еще прекрасно серое небо...»	667
«Ты проходишь без улыбки...»	668
Перстень-страданье	669
«Прискакала дикой степью...»	670
Бред	671
Сытые	673
«Свободны дали. Небо открыто...»	674
Стихотворения 1906 года	675
Сказка о петухе и старушке	675
«Милый брат! Завечерело...»	677
«Мы подошли – и воды синие...»	679
«Ты придешь и обнимешь...»	680
«Лазурью бледной месяц плыл...»	681
Вербочки	683
Учитель	684
Снег да снег	685
Ветхая избушка	686
Зайчик	687
Иванова ночь	688
Сольвейг	689
«Ты был осыпан звездным цветом...»	691
«Твое лицо бледней, чем было...»	692
Незнакомка	693
«Там дамы щеголяют модами...»	695
«Прошли года, но ты – всё та же...»	696
Ангел-хранитель	697
Деве-революции	699
Русь	700
«Есть лучше и хуже меня...»	702
«Передвечернею порою...»	703
Холодный день	704
В октябре	705
«Шлейф, забрызганный звездами...»	707
Сын и мать	708
«Нет имени тебе, мой дальний...»	710
«К вечеру вышло тихое солнце...»	711
«Ночь. Город угомонился...»	712
«Я в четырех стенах – убитый...»	713

Угар	714
Тишина цветет	715
«Так окрыленно, так напевно...»	716
«Ты можешь по траве зеленой...»	717
Окна во двор	718
«Ищу огней – огней попутных...»	719
Рождество	720
Проклятый колокол	722
«О жизни, догоревшей в хоре...»	723
«В синем небе, в темной глуби...»	724
Балаган	725
«Твоя гроза меня умчала...»	726
«В час глухой разлуки с морем...»	727
«Хожу, брожу понурый...»	728
Пожар	730
«Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...»	731
«На серые камни ложилась дремота...»	732
«Ты смотришь в очи ясным зорям...»	733
На чердаке	734
«В серебре росы трава...»	736
«Вот явилась. Заслонила...»	737
«Я был смущенный и веселый...»	738
Поэмы 1897-1906 годов	739
Неоконченная поэма	739
1	739
2	739
3	740
4	740
Ее прибытие	741
1. Рабочие на рейде	741
2. Так было	742
3. Песня матросов	742
4. Голос в тучах	743
5. Корабли идут	744
6. Корабли пришли	745
7. Рассвет	745
Ночная фиалка	747
Стихотворения 1907 года	754
«Я в дольний мир вошла, как в ложу...»	754
Снежная маска	755
Снега	755
Снежное вино	755
Снежная вязь	755
Последний путь	756
На страже	757
Второе крещение	757
Настигнутый метелью	758
На зов метелей	759
Ее песни	760

Крылья	760
Влюбленность	761
Не надо	762
Тревога	762
Прочь!	763
И опять снега	765
Голоса	765
В снегах	767
Маски	768
Под масками	768
Бледные сказанья	768
Сквозь винный хрусталь	769
В углу дивана	770
Тени на стене	771
Насмешница	772
Они читают стихи	772
Неизбежное	773
Здесь и там	773
Смятение	774
Обреченный	775
Нет исхода	775
Сердце предано метели	776
На снежном костре	776
Усталость	777
Ненужная весна	777
1	777
2	778
3	778
«Придут незаметные белые ночи...»	779
«Ушла. Но гиацинты ждали...»	779
«За холмом отзвенели упругие латы...»	780
«Зачатый в ночь, я в ночь рожден...»	781
«В темной комнате ты обещана...»	782
«Я насадил мой светлый рай...»	782
«Ты пробуждалась утром рано...»	783
«С каждой весною пути мои круче...»	783
«Ты отошла, и я в пустыне...»	784
«Я ухо приложил к земле...»	784
«Тропами тайными, ночными...»	785
Девушке	785
«Сырое лето. Я лежу...»	786
Песельник	787
«В этот серый летний вечер...»	787
Вольные мысли	788
1. О смерти	788
2. Над озером	791
3. В северном море	793
4. В дюнах	795
«Везде – над лесом и над пашней...»	797

«В густой траве пропадешь с головой...»	797
Осенняя любовь	798
1	798
2	798
3	799
«Когда я создавал героя...»	800
«Всюду ясность божия...»	800
«В те ночи светлые, пустые...»	800
Снежная дева	801
«И я провел безумный год...»	802
Заклятие огнем и мраком	804
1	804
2	805
3	805
4	806
5	807
6	807
7	808
8	809
9	811
10	812
11	812
«Меня пытали в старой вере...»	813
Инок	813
«Она пришла с заката...»	814
Клеопатра	815
«Стучится тихо. Потом погромче...»	816
Стихотворения 1908 года	817
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...»	817
«Когда вы стоите на моем пути...»	819
«Она пришла с мороза...»	820
«Я миновал закат багряный...»	821
Не пришел на свиданье	822
«Душа! Когда устанешь верить?...»	824
«И я любил. И я изведаль...»	825
«Их было много – дев прекрасных...»	826
«Свирель запела на мосту...»	827
«В глубоких сумерках собора...»	828
«Май жестокий с белыми ночами!...»	829
«Всё помнит о весле вздыхающем...»	830
Встречной	831
На поле Куликовом	832
1	832
2	832
3	833
4	834
5	835
«Я помню длительные муки:...»	836
За гробом	837

Мэри	838
1	838
2	838
3	839
Друзьям	840
Поэты	841
«Она, как прежде, захотела...»	843
«Усните блаженно, заморские гости, усните...»	844
«Когда замрут отчаянье и злоба...»	845
Забывшие тебя	846
«Твое лицо мне так знакомо...»	847
Россия	848
«Я пригвожден к трактирной стойке...»	849
«Часовая стрелка близится к полночи...»	850
«Старинные розы...»	851
«Вот он – ветер...»	852
«Ночь – как ночь, и улица пустынна...»	853
«Ты так светла, как снег невинный...»	854
«Своими горькими слезами...»	855
«Уже над морем вечереет...»	857
«Не могу тебя не звать...»	858
«Всё б тебе желать веселья...»	859
«Я не звал тебя – сама ты...»	860
«Грустя и плача и смеясь...»	861
«Опустишь, занавеска линиялая...»	862
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	863
«Не затем величал я себя паладином...»	864
«Ты из шепота слов родилась...»	865
Стихотворения 1909 года	866
Осенний день	866
«Мой милый, будь смелым...»	867
«Не венчал мою голову траурный лавр...»	868
«Под шум и звон однообразный...»	869
«Я сегодня не помню, что было вчера...»	870
«Покойник спать ложится...»	871
«Так. Буря этих лет прошла...»	872
«В голодной и больной неволе...»	873
«Уж вечер светлой полосой...»	874
На смерть младенца	875
«Здесь в сумерки в конце зимы...»	876
«Не спят, не помнят, не торгуют...»	877
«Когда я прозревал впервые...»	878
«Дохнула жизнь в лицо могилой...»	879
«Весенний день прошел без дела...»	880
«Когда, вступая в мир огромный...»	881
«Какая дивная картина...»	882
«Ты в комнате один сидишь...»	883
Итальянские стихи	884
Равенна	884

* * *	885
Девушка из Spoleto	885
Венеция	886
1	886
2	886
3	887
Перуджия	888
Флоренция	888
1	888
2	889
3	889
4	890
5	890
6	890
7	890
«Вот девушка, едва развившись...»	892
Madonna da Settignano	892
Фьёзоле	892
Сиена	893
Сиенский собор	893
«Искусство – ноша на плечах...»	895
«Глаза, опущенные скромно...»	896
Благовещение	897
Успение	898
Эпитафия фра Филиппо Липпи[20]	898
«Кольцо существования тесно:...»	900
Через двенадцать лет	901
1	901
2	901
3	902
4	902
5	903
6	903
7	904
8	904
Утро в Москве	905
«Чем больше хочешь отдохнуть...»	906
«„Дым от костра струею сизой...“»	907
«Всё это было, было, было...»	908
«Как прощались, страстно клялись...»	909
«Всё на земле умрет – и мать, и младость...»	910
«Из хрустального тумана...»	911
«В эти желтые дни меж домами...»	912
Песнь ада	913
Двойник	916
«Поздней осенью из гавани...»	917
На островах	918
Сусальный ангел	920
«Как из сумрачной гавани...»	921

Стихотворения 1910 года	922
«С мирным счастьем покончены счета...»	922
«Седые сумерки легли...»	923
«Черный ворон в сумраке снежном...»	924
Голоса скрипок	925
На смерть Коммиссаржевской	926
«Дух пряный марта был в лунном круге...»	928
На пасхе	929
В ресторане	930
Демон	931
«Как тяжело ходить среди людей...»	932
На железной дороге	933
Сон	935
«Когда-то гордый и надменный...»	936
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...»	937
«Где отдается в длинных залах...»	938
«Сегодня ты на тройке звонкой...»	939
«Я коротаю жизнь мою...»	940
«Там неба осветленный край...»	941
Юрию Верховскому	942
Посещение	943
Комета	944
«Идут часы, и дни, и годы...»	945
«Знаю я твое льстивое имя...»	947
«В неуверенном, зыбком полете...»	948
Стихотворения 1911 года	949
«В огне и холоде тревог...»	949
«Когда мы встретились с тобой...»	950
«О, как смеялись вы над нами...»	951
«Да. Так диктует вдохновенье:...»	952
«Земное сердце стынет вновь...»	953
Унижение	954
«Без слова мысль, волнение без названья...»	956
Стихотворения 1912 года	957
«Ветр налетит, завоюет снег...»	957
«Шар раскаленный, золотой...»	958
«Повеселясь на буйном пире...»	959
«Благословляю всё, что было...»	960
Авиатор	961
Шаги Командора	963
Пляски смерти	965
1	965
2	966
3	966
4	967
5	967
Валерию Брюсову	969
Владимиру Бестужеву	970
Вячеславу Иванову	971

«Сквозь серый дым от краю и до краю...»	973
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»	974
«И вновь – порывы юных лет...»	975
«Миры летят. Года летят. Пустая...»	976
«Есть минуты, когда не тревожит...»	977
Сны	978
На лугу	980
Ворона	981
Сочельник в лесу	982
Тишина в лесу	983
«Болотистым, пустынным лугом...»	984
Испанке	985
«В небе – день, всех ночей суеверней...»	986
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»	987
К музе	988
«Мой бедный, мой далекий друг!...»	989
«В сыром ночном тумане...»	990
Стихотворения 1913 года	991
О чем поет ветер	991
1	991
2	992
3	992
4	993
5	993
6	994
«Есть времена, есть дни, когда...»	996
Седое утро	997
Новая Америка	998
Художник	1000
«Я вижу блеск, забытый мной...»	1001
«Ты говоришь, что я дремлю...»	1002
«Ваш взгляд – его мне подстеречь...»	1003
«О, нет! не расколдуешь сердца ты...»	1004
Анне Ахматовой	1006
«Есть игра: осторожно войти...»	1007
«Натянулись гитарные струны...»	1009
«Как свершилось, как случилось?...»	1010
«Как растет тревога к ночи!...»	1012
«Ты – буйный зов рогов призывных...»	1013
Стихотворения 1914 года	1014
Черная кровь	1014
1	1014
2	1014
3	1015
4	1015
5	1015
6	1016
7	1016
8	1017

9	1018
«О, я хочу безумно жить:...»	1019
«Я – Гамлет. Холодеет кровь...»	1020
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»	1021
Жизнь моего друга	1022
1	1022
2	1023
3	1023
4	1024
5	1024
6	1025
7	1026
8	1027
«Как день, светла, но непонятна...»	1028
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»	1029
Голос из хора	1030
Кармен	1031
1	1031
2	1031
3	1031
4	1032
5	1032
6	1032
7	1033
8	1034
9	1034
10	1035
«Петербургские сумерки снежные...»	1037
Последнее напутствие	1038
«Смычок запел. И облак душный...»	1040
Королевна	1041
«Я помню нежность ваших плеч...»	1042
«Ты жил один! Другей ты не искал...»	1043
«Грешить бесстыдно, непробудно...»	1044
«Задобренные лесом кручи:...»	1045
«Та жизнь прошла...»	1046
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»	1047
«Ветер стих, и слава заревая...»	1048
Женщина	1049
«Петроградское небо мутилось дождем...»	1051
«Рожденные в года глухие...»	1052
Антверпен	1053
«Он занесен – сей жезл железный...»	1054
«Я не предал белое знамя...»	1055
«Разлетаясь по всему небосклону...»	1056
«Распушилась, раскачнулась...»	1057
Стихотворения 1915 года	1058
«Протекли за годами года...»	1058
«За горами, лесами...»	1059

«Пусть я и жил, не любя...»	1060
Перед судом	1061
«Похоронят, зарюют глубоко...»	1063
«Милая девушка, что ты колдуешь...»	1064
«На улице – дождик и слякоть...»	1065
«От знающего почерк ясный...»	1066
Стихотворения 1916 года	1067
«Превратила всё в шутку сначала...»	1067
« Дикий ветер...»	1068
Коршун	1069
Демон	1070
«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...»	1072
Стихотворения 1918 года	1074
Скифы	1074
З. Гиппиус	1077
Стихотворения 1919 года	1078
Русский бред	1078
«Вы жизнь по-прежнему нисколько...»	1079
Стихотворения 1920 года	1080
«Яблони сада вырваны...»	1080
Две надписи на сборнике «Седое утро...»	1081
1	1081
2	1081
Стихотворения 1921 года	1082
Пушкинскому дому	1082
Поэмы 1907-1921 годов	1084
Соловьиный сад	1084
1	1084
2	1084
3	1085
4	1086
5	1086
6	1087
7	1087
Возмездие	1089
Предисловие	1089
Пролог	1092
Первая глава	1093
Вторая глава	1114
I	1114
II	1114
III	1115
IV	1115
Третья глава	1116
Двенадцать	1127
1	1127
2	1129
3	1130
4	1130

	5	1131
	6	1131
	7	1132
	8	1133
	9	1134
	10	1134
	11	1135
	12	1135
2		1137

Александр Александрович Блок Полное собрание стихотворений

Стихотворения 1898 года

«Пусть светит месяц – ночь темна...»

Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменил бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрагсветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не сменил бурного ненастья.

Январь 1898

«Одной тебе, тебе одной...»

A la tres-chere, a la tres-belle...
*Baudelaire*¹

Одной тебе, тебе одной,
Любви и счастья царице,
Тебе прекрасной, молодой
Все жизни лучшие страницы!

Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.

Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница.

Февраль – март 1898

¹ Самой дорогой, самой прекрасной... Бодлер (фр.).

«Ты много жил, я больше пел...»

Н. Гуну

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя – вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я – к тебе, мой друг желанный!

Февраль – март 1898

«Пора забыться полным счастья сном...»

Пора забыться полным счастья сном,
Довольно нас терзало сладострастье...
Покой везде. Ты слышишь: за окном
Нам соловей пророчит счастье?

Теперь одной любви полны сердца,
Одной любви и неги сладкой.
Всю ночь хочу я плакать без конца
С тобой вдвоем, от всех украдкой.

О, плачь, мой друг! Слеза туманит взор,
И сумрак ночи движется туманно...
Смотри в окно: уснул безмолвный бор,
Качая ветвями таинственно и странно.

Хочу я плакать... Плач моей души
Твоею страстью не прервется...
В безмолвной, сладостной, таинственной тиши
Песнь соловьиная несется...

Февраль – март 1898

«Пусть рассвет глядит нам в очи...»

Пусть рассвет глядит нам в очи,
Соловей поет ночной,
Пусть хоть раз во мраке ночи
Обовью твой стан рукой.

И челнок пойдет, качаясь
В длинных темных камышах,
Ты прильнешь ко мне, ласкаясь,
С жаркой страстью на устах.

Пой любовь, пусть с дивной песней
Голос льется всё сильнее,
Ты прекрасней, ты прелестней,
Чем полночный соловей!..

Май 1898 (3 марта 1921)

«Муза в уборе весны постучалась к поэту...»

Муза в уборе весны постучалась к поэту,
Сумраком ночи покрыта, шептала неясные речи;
Благоухали цветов лепестки, занесенные ветром
К ложу земного царя и посланницы неба;
С первой денницей взлетев, положила она,
отлетая,
Желтую розу на темных кудрях человека:
Пусть разрушается тело – душа пролетит
над пустыней,
Будешь навеки печален и юн, обрученный
с богиней.

Май 1898 (Апрель 1918),

«Полный месяц встал над лугом...»

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898

«Ловя мгновенья сумрачной печали...»

Ловя мгновенья сумрачной печали,
Мы шли неровной, скользкою стезей.
Минуты счастья, радости нас ждали,
Презрели их, отвергли мы с тобой.

Мы разошлись. Свободны жизни наши,
Забыли мы былые времена,
И, думаю, из полной, светлой чаши
Мы счастье пьем, пока не видя дна.

Когда-нибудь, с последней каплей сладкой,
Судьба опять столкнет упрямо нас,
Опять в одну любовь сольет загадкой,
И мы пойдем, ловя печали час.

21 июля 1898

«Она молода и прекрасна была...»

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...»

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула – погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять – во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет – выйдет, не обманет,
Только солнце встанет – сердце солнце встретит!..

Июль 1898. Трубицыно (Май 1918)

Моей матери

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил..
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил.

Июль 1898

«Я шел во тьме к заботам и веселью...»

*Тоску и грусть, страданья, самый ад,
Всё в красоту она преобразила.*

Гамлет

Я шел во тьме к заботам и веселью,
Вверху сверкал незримый мир духов.
За думой вслед лилися трель за трелью
Напевы звонкие пернатых соловьев.
И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея...
Я шел во тьме, и эхо повторяло:
«Зачем дитя Офелия моя?»

2 августа 1898

«Я стремлюсь к роскошной воле...»

*Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...*

Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.

Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!

Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел – и сорву!

*7 августа 1898
Дедово*

«Ты, может быть, не хочешь угадать...»

Ты, может быть, не хочешь угадать,
Как нежно я люблю Тебя, мой гений?
Никто, никто не может так страдать,
Никто из наших робких поколений.

Моя любовь горит огнем порой,
Порой блестит, как звездочка ночная,
Но вечно пламень вечный и живой
Дрожит в душе, на миг не угасая.

О, страсти нет! Но тайные мечты
Для сердца нежного порой бывают сладки,
Когда хочу я быть везде, где Ты,
И целовать Твоей одежды складки.

Мечтаю я, чтоб ни одна душа
Не видела Твоей души нетленной,
И я лишь, смертный, знал, как хороша
Одна она, во всей, во всей вселенной.

21 сентября 1898

«Как мучительно думать о счастье былом...»

Как мучительно думать о счастье былом,
Невозвратном, но ярком когда-то,
Что туманная вечность холодным крылом
Унесла, унесла без возврата.

Это счастье сулил мне изнеженный Лель,
Это счастье сулило мне лето.
О, обманчивый голос! певучая трель'
Ты поешь и не просишь ответа!

Я любил и люблю, не устану любить
Я по-прежнему стану молиться.
Ты, прекрасная, можешь поэта забыть
И своей красотой веселиться.

А когда твои песни польются вдали
Беспокойной, обманчивой клятвой,
Вспомню я, как кричали тогда журавли
Над осенней темнеющей жатвой.

23 сентября 1898 (Начало 1915)

«В ночи, когда уснет тревога...»

В ночи, когда уснет тревога,
И город скроется во мгле —
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что человеческие слезы,
Когда румянится закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

Сентябрь (?) 1898 (2 июня 1919)

«Душа моя тиха. В натянутых струнах...»

Душа моя тиха. В натянутых струнах
Звучит один порыв, здоровый и прекрасный,
И льется голос мой задумчиво и страстно.
И звуки гаснут, тонут в небесах...
Один лишь есть аккорд, взлелеянный ненастьем,
Его в душе я смутно берегу
И с грустью думаю: «Ужель я не могу
Делиться с Вами Вашим счастьем?»
Вы не измучены душевною грозой,
Вам не узнать, что в мире есть несчастный,
Который жизнь отдаст за мимолетный вздох,
Которому наскучил этот бог,
И Вы – один лишь бог в мечтаньи ночи страстной,
Всесильный, сладостный, безмерный и живой...

9 октября 1898 (1918)

«Жизнь – как море она – всегда исполнена бури...»

Жизнь – как море она – всегда исполнена бури.
Зорко смотри, человек: буря бросает корабль.
Если спустится мрачная ночь – управляй им тревожно,
Якорь спасенья ищи – якорь спасенья найдешь...

Если же ты, человек, не видишь конца этой ночи,
Если без якоря ты в море блуждаешь глухом,
Ну, без мысли тогда бросайся в холодное море!
Пусть потонет корабль – вынесут волны тебя!

30 октября 1898 (Май 1918)

«Усталый от дневных блужданий...»

Усталый от дневных блужданий
Уйду порой от суеты
Вспомнить язвы тех страданий,
Встревожить прежние мечты...

Когда б я мог дохнуть ей в душу
Весенним счастьем в зимний день!
О, нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брезжит нам порою,
Но предназначено – не нам.

30 октября 1898 (Декабрь 1914)

«Без веры в бога, без участия...»

Без веры в бога, без участия,
В скитаньи пошлом гибну я,
О, дай, любовь моя, мне счастья,
Спокойной веры бытия!

Какая боль, какая мука,
Мне в сердце бросили огня!
Подай спасительную руку,
Спаси от пламени меня!

О, нет! Молить Тебя не стану!
Еще, еще огня бросай,
О, растравляй живую рану
И только слез мне не давай!

Зачем нам плакать? Лучше вечно
Страдать и вечный жар любви
Нести в страданьи бесконечном,
Но с страстным трепетом в крови!

3 ноября 1898 (1918)

«Есть в дикой роще, у оврага...»

Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг – ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.

Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? —
Там, там, глубоко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!

3 ноября 1898 (24 декабря 1914)

«Мне снилась смерть любимого создания:...»

*Мне снилось, что ты умерла,
Гейне*

Мне снилась смерть любимого создания:
Высоко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял,
Толпа теснилась вокруг, и речи сострадания
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел кругом без думы, без участия,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя – безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твоё мученье!
Блажен утративший создание любви!»

10 ноября 1898

«Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина...»

Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина.
Всё уснуло, да мне-то не спится.
Я хотел бы уснуть, да уж очень темна
Эта ночь, – и луна не сребрится.
Думы всё неотвязно тревожат мой сон.
Вспоминаю я прошлые ночи:
Мрак неясный... По лесу разносится звон...
Как сияют прекрасные очи!
Дальше, дальше... Как холодно! Лед на Неве,
Открываются двери на стужу...
Что такое проснулось в моей голове?
Что за тайна всплывает наружу?..
Нет, не тайна: одна неугасшая страсть...
Но страстям я не стану молиться!
Пред другой на колени готов я упасть!..
Эх, уснул бы... да что-то не спится.

18 ноября 1898

«Вхожу наверх тропой кремнистой...»

Вхожу наверх тропой кремнистой,
Смотрю вперед: там всё молчит,
Лишь далеко источник чистый
О безмятежьи говорит.

Мой дух усталый в даль несется,
Тоска в груди; смотрю назад:
В долинах сквозь камень рвется
Грозный белый водопад.

Не знаю, что мой дух смутило
И вниз влечет с безлюдных скал...
«Явись, явись мне, образ милый!»
В смятении диком я зывал...

И Ты явилась: тихой властью
В моей затеплилась груди,
И я зову к Тебе со страстью:
«Не покидай! Не уходи!»

27 ноября 1898

«Офелия в цветах, в уборе...»

Офелия в цветах, в уборе
Из майских роз и нимф речных
В кудрях, с безумием во взоре,
Внимала звукам дум своих.

Я видел: ива молодая
Томилась, в озеро клонясь,
А девушка, венки сплетая,
Всё пела, плача и смеясь.

Я видел принца над потоком,
В его глазах была печаль.
В оцепенении глубоком
Он наблюдал речную сталь.

А мимо тихо проплывало
Под ветками плакучих ив
Ее девичье покрывало
В сплетеньи майских роз и нимф.

30 ноября 1898 (24 декабря 1914)

«Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...»

Когда я вспоминал о прошлом, о забытом,
Меня опять влекло к утраченным годам,
Я чувствовал себя в земле давно зарытым,
В сырых досках, где воли нет мечтам.
И правда, что мне было в этом мире?
Я жил давно угасшим, прожитым
И, вздохи хладные вверяя хладной лире,
Не мог отдаться веяньям былым...
Но Ты явилась в жарком блеске лета,
Как вестник бури – дольний листьев шум,
И вновь душа любовью согрета,
И мысли черные оставили мой ум.
И я живу, пою, пока поется,
И сладко мне, как в ясной тишине...
Что, если сердце бурно оборвется? —
Я не привык к безоблачной весне.

Ноябрь (?) 1898

«В болезни сердца мысля о Тебе:...»

В болезни сердца мысля о Тебе:
Ты близ меня проходишь в сновиденьях,
Но я покорен року и судьбе,
Не смея высказать горячие моления.

О, неужели утро жизни вешней
Когда-нибудь взойдет в душе моей?
Могу ли думать я о радости нездешней
Щедрот Твоих и благости Твоей?

Надежды нет: вокруг и ветер бурный,
И ночь, и гребни волн, и дым небесных туч
Разгонят всё, и образ Твой лазурный
Затмят, как всё, как яркий солнца луч...

Но если туча с молнией и громом
Пройдет, закрыв Тебя от взора моего,
Всё буду я страдать и мыслить о знакомом.
Желанном образе полудня Твоего.

11 декабря 1898

Летний вечер

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей – красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

13 декабря 1898 (Июль 1916)

«Луна проснулась. Город шумный...»

К. М. С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, – а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,

И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости...²

14 декабря 1898

² Стихи Полонского.

«Я думал, что умру сегодня к ночи...»

Я думал, что умру сегодня к ночи,
Но, слава богу, нет! Я жив и невредим, —
Недаром надо мной Твои сияли очи,
И крылья простирал стокрылый серафим.
Ты, Щедрая, царила в сердце знойном,
Увы, забывшем сладости весны,
И так задумчиво, задумчиво спокойно
Навеяла безоблачные сны...
Но лучше умереть во мраке без надежды,
Чет мучиться, любя и не любя,
Пусть вечный сон сомкнет навеки вежды,
Убив мечты, страданье и Тебя!.

18 декабря 1898

«Путник, ропщи...»

Путник, ропщи,
Бога ищи,
Бога тебе не найти.
Долог твой путь,
Всё позабудь,
Всё у тебя впереди!
Молодость, прочь!
Черная ночь
Молодость скроет от глаз.
Видишь других,
Вечно больных, —
Свет их погас!
Всё впереди,
Смело иди,
Черная двинулась ночь.
Нет, не дойдешь,
Прежде умрешь...
Прочь, безотрадная, прочь!
О, не томи,
Сердце уйми,
Сердца страданья не множь!
Друг, негодуй,
Вечно тоскуй,
Бога в могиле найдешь!..

18 декабря 1898

На вечере в честь Л. Толстого

В толпе, родной по вдохновенью,
В тумане, наполнявшем зал,
Средь блеска славы, средь волненья
Я роковой минуты ждал...

Но прежним холодом могилы
Дышали мне Твои уста.
Как прежде, гибли жизни силы,
Любовь, надежда и мечта.

И мне хотелось блеском славы
Зажечь любовь в Тебе на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь воздвиг!..

20 декабря 1918 (1915)

«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...»

Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта,
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоём благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в руках...

23 декабря 1898

«Немало времени прошло уже с тех пор:....»

Немало времени прошло уже с тех пор:
Ты взглянешь на меня с безвестной тихой думой,
Я всё по-прежнему безжизненный актер,
Влачащий муки детские угрюмо.

Ты всё по-прежнему прекрасна и чиста,
Ты всё не видишь, – я сильнее стражду,
О, как мне хочется, чтоб Ты, о. Красота.
Узнала то, чего я страстно жажду!

И как мне хочется поплакать близ Тебя,
Как малому ребенку в колыбели!
Так чисто, так приветливо любя,
Мы слова вымолвить друг другу не успели

Да, я измученный, усталый соловей,
Пресеклись звуки, песня оборвалась,
Но с ясною гармонией Твоей
Моя душа больная не рассталась.

Теперь Тебе и говорить и петь,
Я буду слушать, плакать неутешно,
Ты сердце-то ведь можешь пожалеть?
О, оправдай, когда Ты так безгрешна!

Когда и Ты, одна моя мечта,
Не дашь мне выплакать давнишние страданья,
Я буду знать, что в мире красота
Всегда нема и нет в ней состраданья!

Декабрь 1898 (3 марта 1921)

«О, не просите скорбных песен!...»

О, не просите скорбных песен!
К чему томиться и вздыхать?..
Взгляните: майский день чудесен,
И в сердце снова благодать.

А вам томиться – тратить время,
Живите, если жизнь дана,
И песни скорби – только бремя, —
Его не выдержит весна!

1898 (?)

Стихотворения 1899 года

«Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою...»

Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою.
Пусть разрушается тело и страсти земные бушуют...
Дух молодой пролетит над пустыней бесплодных терзаний,
Всё молодой, ясноокий, – и чуждый печальных страданий!

15 января 1895

«Над старым мраком мировым...»

Над старым мраком мировым,
Исполненным враждой и страстью,
Навстречу кликам боевым
Зареет небо новой властью.

И скоро сумрак туч прорвут
Лучи – зубцы ее короны,
И люди с битвы потекут
К ее сверкающему трону.

Ослепнем в царственных лучах
Мы, знавшие лишь ночь да бури,
И самый мир сотрется в прах
Под тихим ужасом лазури...

Помедли, ночь! Небесный луч!
Не озаряй тюрьмы лазурной!
Пускай мерцают нам сквозь туч
Лишь звезды – очи ночи бурной!

20 января 1899 (Март 1918)

Одиночество

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.
Из отплавшего камина
Неясный мрак вечерний плыл.
И он сидел перед камином,
Он отгорел и отстрадал
И взглядом, некогда орлиным,
Остывший пепел наблюдал.
В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней,
Будя старинные печали
Игрой бесплотною теней.
Один, один, забытый миром,
Безвластный, но еще живой,
Из сумрака былым кумирам
Кивал усталой головой...
Друзей бывалых вереница,
Врагов жестокие черты,
Любивших и любимых лица
Плывут из серой темноты...
Все бросили, забыли всюду,
Не надо мучиться и ждать,
Осталось только пепла груду
Потухшим взглядом наблюдать
Куда неслись его мечтанья?
Пред чем склонялся бедный ум?
Он вспоминал свои метанья,
Будил тревоги прежних дум...
И было сладко быть усталым,
Отрадно так, как никогда,
Что сердце больше не желало
Ни потрясений, ни труда,
Ни лести, ни любви, ни славы,
Ни просветлений, ни утрат...
Воспоминанья величаво,
Как тучи, обняли закат,
Нагромоздили груды башен,
Воздвигли стены, города,
Где небосклон был желт и страшен,
И грозен в юные года...
Из отплавшего камина
Неясный сумрак плыл и плыл,
Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.

25 января 1899 (24 мая 1918)

«Окрай небес – звезда омега...»

Окрай небес – звезда омега,
Весь в искрах, Сириус цветной.
Над головой – немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как та холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!

27 января 1899 (1913)

«В минутном взрыве откровений...»

В минутном взрыве откровений,
В часы Твоей, моей весны,
Узнал я Твой блестящий гений
И дивных мыслей глубины.
Те благодатные порывы
Свободных дум о божестве
Вздымали чувства переливы
В моем угасшем существе...
Я буду помнить те мгновенья,
Когда душа Твоя с моей
Слились в блаженном упоеньи
Случайно сплетшихся ветвей...

3 февраля 1899 (1910)

«Милый друг! Ты юною душою...»

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!

Ты проснешься, будет ночь и вьюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер воеет, —
Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всею душой!

8 февраля 1899

Песня Офелии

Разлучаясь с девой милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжело всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899

«Ночной туман застал меня в дороге...»

Ночной туман застал меня в дороге.
Сквозь чащу леса глянул лунный лик.
Усталый конь копытом бил в тревоге —
Спокойный днем, он к ночи не привык.
Угрюмый, неподвижный, полусонный
Знакомый лес был страшен для меня,
И я в просвет, луной осеребренный,
Направил шаг храпящего коня.
Туман болотный стелется равниной,
Но церковь серебрится на холме.
Там – за холмом, за рощей, за долиной —
Мой дом родной скрывается во тьме.
Усталый конь быстрее скачет к цели,
В чужом селе мерцают огоньки.
По сторонам дороги заалели
Костры пастушьи, точно маяки.

10 февраля 1899 (Июль 1916)

«Между страданиями земными...»

Между страданиями земными
Одна земная благодать:
Живя заботами чужими,
Своих не видеть и не знать,

10 февраля 1899

«Когда мы любим безотчетно...»

Когда мы любим безотчетно
Черты нам милого лица,
Все недостатки мимолетны,
Его красотам нет конца.

10 февраля 1899

«О, презирать я вас не в силах...»

О, презирать я вас не в силах,
Я проклинать и мстить готов!
Сегодня всех, когда-то милых,
Из сердца выброшу богов!

Но день пройдет, и в сердце снова
Ворвутся, не боясь угроз,
Слепые призраки бывшего,
Толпы вчера прошедших грез!

21 февраля 1899

«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...»

*К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.*
Лермонтов

Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил...
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я – равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит – я хладен бесконечно,
Толпа зовет – я нем и недвижим.

23 февраля 1899

Гамаюн, птица вещая (Картина В. Васнецова)

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

Сирин и Алконост *Птицы радости и печали*

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
И, затаив в груди дыханье,
Перистый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Весны неведомой прилив...
И нега мощного усилья
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распушит крылья
И улетит в снопах лучей!

Другая – вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над ее ветвистым тронем
Нависло черное крыло...
Вдали – багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

25 февраля 1899

«Мы были вместе, помню я...»

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была – моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки.

9 марта 1899 (Апрель 1918)

«Темнеет небо. Туч гряда...»

Темнеет небо. Туч гряда,
Дождем пролившись, отлетела.
Высоко первая звезда
Зажглась, затеплилась, зардела...

Скажи мне, ночь, когда же вновь
Вернутся радостные муки?
Когда душа поймет любовь,
Свиданья счастье, гнет разлуки?

17 мая 1899

«Я шел к блаженству. Путь блестел...»

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом.
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

18 мая 1899 (1910)

«Гроза прошла, и ветка белых роз...»

Гроза прошла, и ветка белых роз
В окно мне дышит ароматом...
Еще трава полна прозрачных слез,
И гром вдали гремит раскатом.

20 мая 1899 (8 октября 1919)

«Сама судьба мне завещала...»

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер – до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899 (1910)

После дождя

Сирени бледные дождем к земле прибиты...
Замолкла песня соловья;
Немолчно говор слышится сердитый
Разлитого ручья.

Природа ждет лучей обетованных:
Цветы поднимут влажный лик,
И вновь в моих садах благоуханных
Раздастся птичий крик.

1 июня 1899 (1916 ?)

«Когда же смерть? Я всё перестрадал...»

Когда же смерть? Я всё перестрадал,
Передо мною – мир надзвездный.
Отсюда – юноше, мне Сириус сверкал,
Дрожал и искрился над бездной.

Прими, стоцветная звезда!
Прими меня в свой мир высокий,
Чтоб я дрожал и искрился всегда
Твоею мощью одинокой!

Дай мне твой свет – пустыню озарить,
Спасти от боли, от юдоли!
Дай сладкий яд мне – стражу отравить!
Дай острый луч мне – двери отворить!

4 июня 1899 (Апрель 1918)

«Я стар душой. Какой-то жребий черный...»

Я стар душой. Какой-то жребий черный
Мой долгий путь.
Тяжелый сон, проклятый и упорный,
Мне душит грудь.
Так мало лет, так много дум ужасных
Тяжел недуг...
Спаси меня от призраков неясных,
Безвестный друг!
Мне друг один – в сыром ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья – как в темном океане —
Одна печаль.
Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон – проклятый и упорный —
Мне душит грудь.

6 июня 1899

«Там, за далью бесконечной...»

Там, за далью бесконечной,
Дышит счастье прошлых дней.
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?

Это – звезды светят вечно
Над землею без теней.
В их сияньи бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

8 июня 1899 (1918)

«Не проливай горячих слез...»

Не проливай горячих слез
Над кратковременной могилой.
Пройдут часы видений, грез,
Вернусь опять в объятия милой.
Не сожалей! Твоим страстям
Готов любовью я ответить,
Но я нашел чистейший храм,
Какого в жизни мне не встретить
Не призывай! Мирская власть
Не в силах дух сковать поэта.
Во мне – неведомая страсть
Живым огнем небес согрета.
Тебя покину. Скоро вновь
Вернусь к тебе еще блаженней
И обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней.

8 июня 1899

«Я был влюблен. И лес ночной...»

Я был влюблен. И лес ночной
Внушал мне страх. И я дичился
Болот, одетых белой мглой,
И конь, пугливо, сторонился.

Так мало лет прошло с тех пор,
А в сердце – пусто и бездольно.
Когда въезжаю в темный бор
Ночной порой, – мне только больно.

18 июня 1899 (1918)

Накануне Иванова дня...

Накануне Иванова дня
Собирал я душистые травы,
И почуял, что нежит меня
Ароматом душевной отравы.

Я собрал полевые цветы
И росистые травы ночные
И на сон навеваю мечты,
И проходят они, голубые...
В тех мечтаньях ночных я узнал
Недалекую с милой разлуку,
И как будто во сне целовал
Я горячую нежную руку...
И катились слезы мои,
Дорогая меня обнимала,
Я проснулся в слезах от любви
И почуял, как сердце стучало...

С этих пор не заманишь меня
Ароматом душевной отравы,
Не сберу я душистые травы
Накануне Иванова дня...

*24 июня 1899
Иванов день*

«Зачем, зачем во мрак небытия...»

Зачем, зачем во мрак небытия
Меня влекут судьбы удары?
Ужели всё, и даже жизнь моя —
Одни мгновенья долгой кары?
Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет,
И нечем сердцу веселиться,
Но всё вперед влечет какой-то свет,
И будто им могу светиться!
Пусть призрак он, желанный свет здали!
Пускай надежды все напрасны!
Но там, — далёко суетной земли, —
Его лучи горят прекрасно!

29 июня 1899 (1910)

«И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...»

И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны.
Идет гроза, блещут вдали зарницы,
Чернеет ночь, – а песни старины,
По-прежнему, – немые небылицы.
Я знаю – лес ночной далёко вокруг меня
Простер задумчиво свои немые своды,
Нигде живой души, ни крова, ни огня, —
Одна безмолвная природа...
И что ж? Моя душа тогда лишь гимн поет,
Мне всё равно – раздвинет ли разбойник
Кустов вблизи угрюмый черный свод,
Иль с кладбища поднимется покойник
Бродить по деревням, нося с собою страх..
Моя душа вся тает в песнях дальних,
И я могу тогда прочесть в ночных звездах
Мою судьбу и повесть дней печальных...

14 июля 1899

«Когда кончается тетрадь моих стихов...»

Когда кончается тетрадь моих стихов,
И я их перечту, мне грустно. Сердце давит
Печаль прошедших дней, прошедших слез и снов,
Душа притворствует, лукавит
И говорит: «Вперед! Там счастье! Там покой!»
Но знаю я: ни счастья, ни покоя...
Покой – далек; а счастье – не со мной,
Со мной – лишь дни и холода и зноя;
Порой мне холод душу леденит,
И я молчу; порой же ветер знойный
Мне душу бедную дыханием палит,
И я зову – несчастный, беспокойный...

15 июля 1899

«ГОТОВ ЛИ ТЫ НА ПУТЬ ДАЛЕКИЙ...»

Готов ли ты на путь далекий,
Добра певец?
Узрел ли ты в звезде высокой
Красот венец?
Готов ли ты с прощальной песней
Покинуть свет,
Лететь к звезде, что всех прелестней,
На склоне лет?
Готовься в путь! Близка могила, —
Спеши, поэт!
Земля мертва, земля уныла, —
Вдали – рассвет.

18 июля 1899

«Я – человек и мало богу равен...»

Моей матери

Я – человек и мало богу равен.
В моих стихах ты мощи не найдешь.
Напев их слаб и жизненно бесславен,
Ты новых мыслей в них не обретишь.

Их не согрел ни гений, ни искусство,
Они туманной, долгой чередой
Ведут меня без мысли и без чувства
К земной могиле, бедной и пустой.

О; если б мог я силой гениальной
Прозреть века, приблизить их к добру!
Я не дал миру мысли идеальной,
Ни чувства доброго покорному перу

Блажен поэт, добром проникновенный,
Что миру дал незаблемый завет
И мощью вечной, мощью дерзновенной
Увел толпы в пылающий рассвет!

18 июля 1899 (1918)

«Сомкни уста. Твой голос полн...»

Εἶνε γενοίμην οὐρανοῦ ὡς πολλοῖς ὀμμασιν εἰς σέ βλέπω.³

Сомкни уста. Твой голос полн
Страстей без имени и слова.
Нарушить гимн воздушных волн,
Стремящих вверх, к стопам Святого.
Пусть в безмолвных небесах,
Как факел, издали сияет
Огонь огней в твоих очах
И звезды ночи вопрошает.
А я, ничтожный смертный прах,
У ног твоих смятенно буду
Искать в глубоких небесах
Христа, учителя Иуды.

26 июля 1899 (1910)

³ О, если бы я был небом, чтобы смотреть на тебя многими очами! (*греч.*).

Перед грозой

Закат горел в последний раз.
Светило дня спустилось в тучи,
И их края в прощальный час
Горели пламенем могучим.

А там, в неведомой дали,
Где небо мрачно и зловеще,
Немые грозы с вихрем шли,
Блестя порой зеницей вещей.

Земля немела и ждала,
Прошло глухое рокотанье,
И по деревьям пронесла
Гроза невольное дрожанье.

Казалось, мир – добыча гроз,
Зеницы вскрылись огневые,
И ветер ночи к нам донес
Впервые – слезы грозовые.

31 июля 1899 (8 октября 1919)

«Сомненья нет: мои печали...»

Сомненья нет: мои печали,
Моя тоска о прошлых днях
Душе покой глубокий дали,
Отняв крыла широкий взмах.
Моим страстям, моим забвеньям,
Быть может, близится конец,
Но буду вечно с упоеньем
Ловить счастливых дней венец.
Влачась по пажитям и долам,
Не в силах смятых крыл поднять,
Внимать божественным глаголам,
Глаголы бога— повторять.
И, может быть, придет мгновенье,
Когда крыла широкий взмах
Вернет былое вдохновенье —
Мою тоску о прошлых днях.

1 августа 1899

Черная дева Северное преданье

В дальних северных туманах
Есть угрюмая скала.
На безбрежных океанах
Чудный лик свой вознесла.

Тех утесов очертанье
Бедный северный народ,
По глубокому преданью,
Черной Девой зовет.

В час, когда средь океана
Нет спасенья, всё во мгле, —
Вдруг пловец из-за тумана
Видит Деву на скале...

Он молитву ей возносит...
Если Дева смягчена,
То корабль к земле приносит
Ей послушная волна...

4 августа 1899 (Июль 1912)

«Дышит утро в окошко твое...»

Дышит утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,
Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся бог...
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись,
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

5 августа 1899

«Тяжелый занавес упал...»

Тяжелый занавес упал.
Толпа пронзительно кричала,
А я, униженный, молчал —
Затем, что ты рукоплескала.

И этот вычурный актер
Послал тебе привет неожиданный,
И бросил дерзкий, жадный взор
К твоим плечам благоуханным!

Но нет! довольно! Боже мой!
Устал я ревностью терзаться!
Накинь личину! Смейся! Пой!
Ты, сердце, можешь разорваться!

9 августа 1899. Трубицыно (1910)

Накануне xx века

Влачим мы дни свои уныло,
Волнений далеки чужих;
От нас сокрыто, нам не мило,
Что вечно радует других...
Влачим мы дни свои без веры,
Судьба устала нас карать...
И наша жизнь тяжка без меры,
И тяжело будет умирать...
Так век, умчавшись беспощадно,
Встречая новый строй веков,
Бросает им загадкой хладной
Живых, безумных мертвецов...

11 августа 1899

«Глухая полночь. Цепененье...»

Глухая полночь. Цепененье
На душу сонную легло.
Напрасно жажду вдохновенья —
Не бьется мертвое крыло.

Кругом глубокий мрак. Я плачу,
Зову мои родные сны,
Слагаю песни наудачу,
Но песни бледны и больны.

О, в эти тяжкие мгновенья
Я вижу, что мне жизнь сулит,
Что крыл грядущее биенье —
Печаль, не песни породит.

20 августа 1899

«Помнишь ли город тревожный...»

К. М. С

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли...
Шли мы – луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла...
Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли...

23 августа 1899

«Город спит, окутан мглою...»

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари...
Там далёко, за Невою,
Вижу отблески зари.
В этом дальнем отраженья,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня.

23 августа 1899

Кошмар

Я проснулся внезапно в ночной тишине
И душа испугалась молчания ночи.
Я увидел на темной стене
Чьи-то скорбные очи

Без конца на пустой и безмолвной стене
Эти полные скорби и ужаса очи
Всё мерещатся мне в тишине
Леденеющей ночи.

24 августа 1899 (1910)

«О, как безумно за окном...»

Вы, бедные, нагие несчастливцы

Лир

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождем,
И ветер воеет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь —
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

24 августа 1899

Голос

Чей-то обманчивый голос поет,
Кто пробудился от сна и зовет?

Где-то в далеких знакомых краях
Гаснут и тают лучи в облаках.

Ночь наступает, но кто-то спешит,
К ночи в объятья зовет и манит...

Кто же ты, ночью поешь и не спишь?
Чей же ты, голос, обман мне сулишь?

9 сентября 1899 (Апрель 1918)

Неведомому богу

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны?..

О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда несчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня – я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

22 сентября 1899 (1910)

«Ты не научишь меня проклинать...»

Ты не научишь меня проклинать,
Сколько ни трать свои силы!
Сердце по-прежнему будет рыдать
У одинокой могилы...

О, не грусти: бесполезен твой труд.
Сколько ни бейся ревниво:
Сонмы веков поколенья сотрут, —
Сердце останется живо!

Бездна – душа моя, сердце твое
Скроется в этой пустыне...
К вольному миру стремленье мое...
Мир близ тебя лишь, богиня!

1 октября 1899

«Не легли еще тени вечерние...»

Не легли еще тени вечерние,
А луна уж блестит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце – везде...
Суеверье рождает желания,
И в туманном и чистом везде
Чует сердце блаженство свидания,
Бледный месяц блестит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любит, —
Я дыханье мое затаил, —
В этом блеске великое чувствуется,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...

5 октября 1899 (1910)

Servus-reginae⁴

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой – слуга; порою – милый;
И вечно – раб.

14 октября 1899 (1909)

⁴ Слуга – царице (*лат.*).

Песня за стеной

О, наконец! Былой тревоге
Отдаться мыслью и душой!
Вздыхать у милой на пороге
И слушать песню за стеной...
Но в этой песне одинокой,
Что звонко плачет за стеной...

Один мучительный, глубокий
Тоскливый призрак молодой...
О, кто ужасному поверит
И кто услышит стон живой,
Когда душа внимает, верит, —
А песня смолкла за стеной!..

9 ноября 1899

«Когда докучливые стоны...»

Когда докучливые стоны
Моей души услышишь ты,
Храни стыдливости законы
В благоуханьи красоты.
Не забывай, что беспощадно,
За каждый жалости порыв,
Тебе отплатят мезтью жадной,
Твое прошедшее забыв...
Ты недостойна оправданья,
Когда за глупую мечту,
За миг короткий состраданья
Приносишь в жертву красоту.

10 ноября 1899 (1918)

Моей матери

Спустилась мгла, туманами чревата.
Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда.
Объемлет сырый дух бессилие труда,
Тоскующий покой, какая-то утрата.

Как уследишь ты, чем душа больна,
И, милый друг, чем уврачуешь раны?
Ни ты, ни я сквозь зимние туманы
Не можем зреть, зачем тоска сильна.

И нашим ли умам поверить, что когда-то
За чей-то грех на нас наложен гнет?
И сам покой тосклив, и нас к земле гнетет
Бессильный труд, безвестная утрата?

22 ноября 1899

«Ты много жил. Негодванье...»

Ты много жил. Негодванье
В своей душе взлелеял ты.
Теперь отдайся на прощанье
Бессмертью чистой красоты.

Увенчан трепетом любимым,
Отдай источник сил твоих
Иным богам неумолимым
Для новых сеяний живых.

А сам, уверенно бесстрастный,
Направь к могиле верной путь,
И – негодующий напрасно —
Умри, воскресни и забудь.

23 ноября 1899

«Пока спокойною стою...»

Пока спокойною стою
Иду, и мыслю, и пою,
Смеюсь над жалкою толпою
И вздохов ей не отдаю.

Пока душа еще согрета,
И рок велит в себе беречь
И дар незыблемый поэта,
И (сцены выпрENNюю речь..

28 ноября 1899 (1910)

Dolor ante lucem⁵

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землею опять,
Чтобы зло проклинать, о добре тосковать!..

Боже, боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грез,
О тебе тосковать без отдыха нес?..

3 декабря 1899

⁵ Предрассветная тоска (*лат.*)

«Как всякий год, ночной порою...»

Как всякий год, ночной порою,
Под осень, в блеске красоты,
Моя звезда владеет мною, —
Так ныне мне восходишь Ты.

13 декабря 1899

«За краткий сон, что нынче снится...»

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра – нет,
Готов и Смерти покориться
Младой поэт.

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен, —
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять – тревога, опять – стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!

25 декабря 1899 (18 января 1919)

«Как сон молитвенно-бесстрастный...»

Как сон молитвенно-бесстрастный,
На душу грешную сошла;
И веют чистым и прекрасным
Ее прозрачные крыла.

Но грех, принявший отраженье,
В среде самих прозрачных крыл
Какой-то призрак искушенья
Греховным помыслам открыл.

25 декабря 1899

«Когда с безжалостным страданьем...»

Когда с безжалостным страданьем
В окно глядит угрюмый день,
В душе проходит тоскованьем
Прошедших дней молодая тень.

Душа болит бесплодной думой,
И давит, душит мыслей гнет:
Назавтра новый день угрюмый
Еще безрадостней придет.

26 декабря 1899

Стихотворения 1900 года

Осенняя элегия

1

Медлительной чередой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

2

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней, —

Затем, что тени дня – избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волненья
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

5 января 1900

«Я умирал. Ты расцветала...»

Я умирал. Ты расцветала.
И вдруг, взглянув на смертный лик,
В чертах угасших угадала,
Что эта смерть – бессильный крик...

Смири же позднюю тревогу;
И я под осень дней моих,
Как лист, упавший на дорогу,
Смешаюсь с прахом остальных...

27 января 1900 (1910)

«Приветный Лель, не жду рассвета...»

Приветный Лель, не жду рассвета,
Но вижу дивный блеск вдали;
Скажи мне, Лель, не солнце ль это
За краем мертвенной земли?
Зачем же, Лель, ты будишь рано
Нас, не готовых в сонный час
Принять богиню, из тумана
Зарю несущую для нас?
Еще не время солнцу верить;
Нам, бедным жителям миров,
Не оценить и не измерить
Его божественных даров.
Оно взойдет, потоком света
Нас, полусонных, ослепит,
И лишь бессмертный дух поэта
К нему в объятья отлетит...

29 января 1900

«В те дни, когда душа трепещет...»

В те дни, когда душа трепещет
Избытком жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, далекая, чертог.

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
К твоим чертогам труден путь.

Оттуда светит луч холодный,
Сияет купол золотой,
Доступный лишь душе свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослепишь сверканьем
Отвыкший от видений взгляд,
И уязвленная страданьем
Душа воротится назад

И будет жить, и будет видеть
Тебя, сквозящую вдали,
Чтоб только злее ненавидеть
Пути постылые земли.

17 февраля 1900 (21 мая 1918)

«Ярким солнцем, синей далью...»

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...

Кто поймет, измерит оком,
Что за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...

17 февраля 1900 (1910)

«Восходишь ты, что строгий день...»

Восходишь ты, что строгий день
Перед задумчивой природой.
В твоих чертах ложится тень
Лесной неволи и свободы.

Твой день и ясен и велик,
И озарен каким-то светом,
Но в этом свете каждый миг
Идут виденья – без ответа.

Никто не тронет твой покой
И не нарушит строгой тени.
И ты сольешься со звездой
В пути к обители видений.

25 февраля 1900

«Лениво и тяжело плывут облака...»

Лениво и тяжело плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижимом томлении лес.

Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!

Лениво и тяжело плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня – мой спутник и друг.

27 февраля 1900

«Шли мы стезею лазурною...»

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слезы мешают с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошное вспомнить вдвоем?
Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской
В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!

28 февраля 1900 (1918)

«О, не тебя люблю глубоко...»

О, не тебя люблю глубоко,
Не о тебе – моя тоска!
Мне мнится – вечер недалеко,
Мне кажется, что ночь близка..

Укроет мрачной пеленою
Всё то, что я боготворил...
О, день, исполненный тобою!
Нет, нет! Я не тебя любил!

9 марта 1900 (10 апреля 1918)

«Ночь теплая одела острова...»

Ночь теплая одела острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль светла. Душа моя жива.
И вечная холодная Нева
У ног сурово колыхнулась.

Ты, счастье! Ты, радость прежних лет!
Весна моей мечты далекой!
За годом год... Всё резче темный след,
И там, где мне сиял когда-то свет,
Всё гуще мрак... Во мраке – одиноко —

Иду – иду – душа опять жива,
Опять весна одела острова.

11 марта 1900 (12 мая 1918)

«Утро брезжит. День грозит ненастьем...»

Утро брезжит. День грозит ненастьем.
Вечер будет холоден, но ясен.
Будет время надыхаться счастьем,
Чуять всё, чем божий мир прекрасен..

Одного не даст душе природа,
И у бога нет довольно власти,
Чтоб душа почуяла свободу
От прошедшей, вечно сущей страсти..

12 марта 1900

«Разверзлось утреннее око...»

Разверзлось утреннее око,
Сиянье льется без конца.
Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам творца.
Когда я день молитвой встречу
На светлой утренней черте, —
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
И после странствия земного
В лучах вечернего огня
Душе легко вернуться снова
К молитве завтрашнего дня.

14 марта 1900

«Я шел во тьме дождливой ночи...»

Я шел во тьме дождливой ночи
И в старом доме, у окна,
Узнал задумчивые очи
Моей тоски. – В слезах, одна
Она смотрела в даль сырую...
Я любовался без конца,
Как будто молодость былую
Узнал в чертах ее лица.
Она взглянула. Сердце сжалось,
Огонь погас – и рассвело.
Сырое утро застучалось
В ее забытое стекло.

15 марта 1900

«Сегодня в ночь одной тропею...»

Сегодня в ночь одной тропею
Тенями грустными прошли
Определенные судьбою
Для разных полюсов земли.

И разошлись в часы рассвета,
И каждый молча сохранял
Другому чуждого завета
Отвека розный идеал...

В тенях сплетенные случайно
С листьями чуждые листы —
Всё за лучом стремятся тайно
Принять привычные черты.

19 марта 1900 (1915)

«В ночи, исполненной грозой...»

В ночи, исполненной грозой,
В середине тучи громовой,
Исполнен мрачной красотой,
Витает образ грозовой.

То – ослепленная зарницей,
Внемя раскатам громовым,
Юнона правит колесницей
Перед Юпитером самим.

20 марта 1900 (11 июля 1919)

«ПОЭТ В ИЗГНАНИИ И В СОМНЕНИИ...»

Поэт в изгнании и в сомнении
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомнении и в изгнании
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

31 марта 1900 (1918)

«Мы все уйдем за грань могил...»

Мы все уйдем за грань могил,
Но счастье, краткое быть может,
Того, кто больше всех любил,
В земном скитаньи потревожит.

Любить и ближних и Христа —
Для бедных смертных – труд суровый.
Любовь понятна и проста
Душе неведомо здоровой.

У нас не хватит здравых сил
К борьбе со злом, повсюду сущим,
И все уйдем за грань могил
Без счастья в прошлом и в грядущем.

2 апреля 1900 (1918)

«Хоть всё по-прежнему певец...»

Хоть всё по-прежнему певец
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных, —
Но к цели близится поэт,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

5 апреля 1900 (1918)

«Напрасно, дева, ты бежала...»

Напрасно, дева, ты бежала,
Моей пытливости страшась.
Моя мечта дорисовала
Тебя, волнуясь и смеясь.

И я узнал твои приметы
По искрам тайного огня
В твоих глазах, где бродят светлы
Жестокого и злого дня.

Ты ныне блещешь красотой,
Ты древним молишься богам,
Но беззаконною тропюю
Идешь к несчастным берегам

6 апреля 1900 (2 января 1916)

«До новых бурь, до новых молний...»

До новых бурь, до новых молний
Раскройся в пышной красоте
Всё безответней, всё безмолвней
В необъяснимой чистоте.

Но в дуновеньи бури новом
Украсть надеждой скучный путь,
Что в этом хаосе громовом
Могу в глаза твои взглянуть.

14 апреля 1900

«Хожу по камням старых плит...»

Хожу по камням старых плит,
Душа опять полна терзаний...
Блаженный дом! – Ты не закрыт
Для горечи воспоминаний!

Здесь – бедной розы лепестки
На камне плакали, алея...
Там – зажигала огоньки
В ночь уходящая аллея...

И ветер налетал, крутя
Пушинки легкие снежинок,
А город грохотал, шутя
Над святостью твоею, инок...

Где святость та? – У звезд спроси,
Святящих, как тогда светили...
А если звезды изменили —
Один сквозь ночь свой крест неси

14 апреля 1900 (2 января 1916)

«В фантазии рождаются порою...»

В фантазии рождаются порою
Немые сны.
Они горят меж солнцем и Тобою
В лучах весны.
О, если б мне владеть их голосами!
Они б могли
И наяву восстать перед сынами
Моей земли!
Но звук один – они свое значенье
Утратят вмиг.
И зазвучит в земном воображеньи
Земной язык.

22 апреля 1900 (24 января 1915)

«Мы не торопимся заране...»

Мы не торопимся заране
Огни ненужные зажечь,
Уже милее прежних встреч —
В вечернем встретиться тумане.

И пусть докучливая мать
Не будет наших разговоров
Дозором поздним нарушать.
Уйдем от материнских взоров,

И пусть прервется речи нить.
Так сладко в час очарованья
Твои волненья и молчанья
И тайные мечты следить.

29 апреля 1900 (1918)

«К ногам презренного кумира...»

К ногам презренного кумира
Слагать божественные сны
И прославлять обитель мира
В чаду убийства и войны,

Вперясь в сумрак ночи хладной,
В нем прозревать огонь и свет, —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью поэт!

Весна 1900 (Декабрь 1914)

«Теряет берег очертанья...»

Теряет берег очертанья.
Плыви, челнок!
Плыви вперед без содроганья —
Мой сон глубок.

Его покоя не нарушит
Громада волн,
Когда со стоном вниз обрушит
На утлый челн.

В тумане чистом и глубоком,
Челнок, плыви.
Всё о бессмертья в сне далеком
Мечты мои.

1 мая 1900

«Есть много песен в светлых тайниках...»

Есть много песен в светлых тайниках
Ее души невинной и приветной.
И грусти признак есть в его чертах,
Старинной грусти и заветной.

Им бог один – прозрачная печаль.
Единый бог – залог слиянья.
И, может быть, вдвоем – еще туманней даль
И обаятельней незнанье.

3 мая 1900 (Февраль 1914)

«Бежим, бежим, дитя свободы...»

Бежим, бежим, дитя свободы,
К родной стране!
Я верен голосу природы,
Будь верен мне!

Здесь недоступны неба своды
Сквозь дым и прах!
Бежим, бежим, дитя природы,
Простор – в полях!

Бегут... Уж стогны миновали,
Кругом – поля.
По всей необозримой дали
Дрожит земля.

Бегут навстречу солнца, мая,
Свободных дней...
И приняла земля родная
Своих детей...

И приняла, и обласкала,
И обняла,
И в вешних далях им качала
Колокола...

И, поманив их невозможным,
Вновь предала
Дням быстротечным, дням тревожным,
Злым дням – без срока, без числа...

7 мая 1900 (12 мая 1918)

«Звезда полночная скатилась...»

Звезда полночная скатилась
И не оставила следа...
Окно бесшумно растворилось...
Прости, крылатая мечта!
Ты здесь еще, но ты растаешь.
К моим сомненьям на пути,
Пока ты ночь в себя вдыхаешь,
Я буду все твердить: прости...
Я буду верить: не растает
До утра нежный облик твой:
То некий ангел расстилат
Ночные перлы предо мной.

16 мая 1900

«Пусть я покину этот град...»

Пусть я покину этот град...
Тоска невольная сжимает
Мне сердце. Я б остаться рад.
Что будет там, душа не знает...
Там – новый натиск бурь и бед,
Моя тоска – тому залогом.
В глубокой мгле грядущих лет
Каким предамся я дорогам?

Здесь – в свете дня, во тьме ночной
Душа боролась, погибала,
Опять воспрянув, свой покой
Вернуть не в силах, упала
В тревоги жизни городской
И, дна достигнув, поднимала
Свой нежный цвет над черной мглой
Так – без конца, так – без начала...

Или бушующая кровь
Рождала новую любовь?

Иль в муке и тревоге тайной
И в сочетаньях строгих числ
Таился тот – необычайный,
Тот радостный, великий смысл?

Да, да! Моей исконной мукой
Клянусь, пожар иной любви
Горел, горит в моей крови!
Моя тоска – тому порукой!

16 мая 1900 (12 мая 1918)

«Прошедших дней немеркнувшим сияньем...»

Прошедших дней немеркнувшим сияньем
Душа, как прежде, вся озарена.
Но осень ранняя, задумчиво грустна,
Овеяла меня тоскующим дыханьем.
Близка разлука. Ночь темна.
А всё звучит вдали, как в те молодые дни:
Мои грехи в твоих святых молитвах,
Офелия, о нимфа, помяни.
И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаньем дальным и прекрасным.

28 мая 1900

«Не призывай и не сули...»

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья.
Я – одинокий сын земли,
Ты – лучезарное виденье.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звездах – немая тишина —
Обитель страха и молчанья.

Я знаю твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен твой язык,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Не жди былого обаянья,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

1 июня 1900

После грозы

Под величавые раскаты
Далеких, медленных громов
Встает трава, грозой примята,
И стебли гибкие цветов.

Последний ветер в содроганье
Приводит влажные листья,
Под ярким солнечным сияньем
Блестят зеленые кусты.

Всеохранительная сила
В своем неведомом пути
Природу чудно вдохновила
Вернуться к жизни и цвести.

3 июня 1900 (1915)

«В часы вечернего тумана...»

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвенную мне.

Ум полон томного бессилья,
Душа летит, летит...
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

3 июня 1900 (Февраль 1914)

«Уже бледнеет день прощальный...»

Уже бледнеет день прощальный.
Ты эту ночь мне подари.
Услышишь мой рассказ печальный,
Внимай ему и жди зари.

Заря в твои заглянет очи.
И ты поймешь в ее огне,
Что в эти дни, что в эти ночи
В твоей душе открылось мне.

9 июня 1900 (24 января 1915)

«На небе зарево. Глухая ночь мертва...»

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вокруг меня лесных деревьев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

10 июня 1900

«В ночь молчаливую чудесен...»

В ночь молчаливую чудесен
Мне предстоит твой светлый лик.
Очарованья старых песен
Объемлют душу в этот миг.

Своей дорогой голубою
Проходишь медленнее ты,
И отдыхают над тобою
Две неподвижные звезды.

13 июня 1900 (Февраль 1914)

«Облит последними лучами...»

Облит последними лучами,
Чудесно вечереет день.
Идет с вечерними тенями
На душу пламенная тень.

Кто вознесет ее из тени,
Пока огонь горит в крови,
В твои тоскующие сени,
На чистый жертвенник любви?

17 июня 1900 (Февраль 1914)

«Полна усталого томленья...»

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, господь, успокоенье
И очищенье от забот.

Дыханием живящей бури
Дохни в удушливой глуши,
На вечеряющей лазури,
Для вечеряющей души.

18 июня 1900 (Февраль 1914)

«Была пора – в твоих глазах...»

Была пора – в твоих глазах
Огни безумные сверкали:
Ты обрела в моих словах
Свои заветные печали.

Теперь их смысл тобой забыт.
Слова воскреснут в час победный,
Затем, что тайный яд разлит
В их колыбели заповедной.

20 июня 1900

«Пророк земли – венец творенья...»

Пророк земли – венец творенья,
Подобный молниям и громам,
Свои земные откровенья
Грядущим отдавал векам.

Толпы последних поколений,
Быть может, знать обречены,
О чем не ведал старый гений
Суровой Английской страны.

Но мы, – их предки и потомки, —
Сиянья их ничтожный след,
Земли ненужные обломки
На тайной грани лучших лет.

21 июня 1900

«В часы безмолвия ночного...»

В часы безмолвия ночного
Тревоги отлетают прочь.
Забудь события дня пустого
И погрузись в родную ночь.

Молись, чтоб осень озарила,
Как ту весну, твоя звезда.
Тоскуй свободно над могилой
Весны, прошедшей без следа.

24 июня 1900 (Февраль 1914)

«Смеялись бедные невежды...»

Смеялись бедные невежды,
Похитил я, молодой певец,
У безнадежности – надежды,
У бесконечности – конец.

Мне самому и дик и странен
Тот свет, который я зажег,
Я сам своей стрелой ранен,
Сам перед новым изнемог.

Идите мимо – погибаю,
Глумитесь над моей тоской.
Мой мир переживет, я знаю,
Меня и страшный смех людской.

25 июня 1900 (10 апреля 1918)

«Не доверяй своих дорог...»

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:
Они сломают твой чертог,
Погасят жертвенник заветный.

Все, духом сильные, – одни
Толпы нестройной убегают,
Одни на холмах жгут огни,
Завесы мрака разрывают.

25 июня 1900

«Увижу я, как будет погибать...»

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

Пусть одинок, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный.
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной.

26 июня 1900 (Февраль 1914)

«Погибло всё. Палящее светило...»

Погибло всё. Палящее светило
По-прежнему вертит годов круговорот.
Под холмами тоскливая могила
О прежнем бытии прекрасном вопиет.
И черной ночью белый призрак ждет
Других теней безмолвно и уныло.
Ты обретешь, белеющая тень,

Толпы других, утративших бывшее.
Минует ночь, проснется долгий день —
Опять взойдет в своем палящем зное
Светило дня, светило огневое,
И будет жечь тоскующую сень.

2 июля 1900

«К чему бесцельно охранять...»

К чему бесцельно охранять
Свои былые вдохновенья?
Уже на всем – годов печать,
Седых времен прикосновенье.

Стихай, заветная печаль,
Проснулся день,дохнул страданьем.
Годов седеющая даль
Покрыта мраком и молчаньем.

И дале в сердце уходи
Ты, безнадежное стремленье,
Не отравляй и не буди
Меня, бывшее вдохновенье!

4 июля 1900 (24 января 1915)

«Они расстались без печали...»

Они расстались без печали,
Забыты были счастья дни;
Но неутешно тосковали
И снова встретились они.

Над ними плакал призрак юный
Уже увядшей красоты;
И эти жалобные струны
Будили старые мечты.

Но были новые свиданья
Так безмятежно холодны;
Их не согрел огонь желанья,
Ни говор плачущей струны.

Меж ними тайны не лежали,
Всё было пусто и мертво;
Они в скитаньи угасали
И хоронили божество.

10 июля 1900 (Февраль 1914)

«Новый блеск излило небо...»

Новый блеск излило небо
На небесные поля.
Мраком древнего Эреба
Преисполнена земля.

Вознесясь стезею бледной
В золотое *без конца*,
Стану, сын покорно-бедный,
В осиянности творца.

Если тайный грешный помысл
В душу скорбную слетит,
Лучезарный бога промысл
Утолит и осенит.

Вознесусь душой нетленной
На неведомых крылах.
Сердцем чистые блаженны —
Узрят бога в небесах.

25 июля 1900 (24 января 1915)

«То отголосок юных дней...»

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая,
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.

То сон предутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы забытых откровений.

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.

29 июля 1900 (1918)

«Последний пурпур догорал...»

Последний пурпур догорал,
Последний ветер вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалёка.

Все упования юных лет
Восстали ярче и чудесней,
Но скорбью наполнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900

«Не утоленная кровавыми струями...»

Не утоленная кровавыми струями,
Безмолвствует земля.
Иду вперед поспешными шагами,
Ищу от жертв свободные поля.

Но, как в темнице узник заключенный,
Ищу напрасно: кровь и мрак!
Лишь там, в черте зари окровавленной —
Таинственный, еще невнятный знак.

14 августа 1900 (13 января 1915)

«Порою вновь к твоим ногам...»

Порою вновь к твоим ногам
Меня влечет души смиренье.
Я с благодарностью отдам
Избыток властного презренья.

Не доверяйся страстным снам:
Пройдет короткое мгновенье —
Я с новой силою воздам
И власть и должное презренья.

18 августа 1900 (Февраль 1914)

Аграфы догматы⁶

Я видел мрак дневной и свет ночной.
Я видел ужас вечного сомненья.
И господа с растерзанной душой
В дыму безверья и смятенья.

То был рассвет великого рожденья,
Когда миров нечисленный хаос
Исчезнул в бесконечности мученья. —
И всё таинственно роптало и несло.

Тяжелый огонь окутал мирозданье,
И гром остановил стремящие созданья.
Немая грань внедрилась до конца.

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горной высоте – без страха и усилья
Мерцающих идей ему взыграли крылья

22 августа 1900

⁶ Неписанные догматы (*греч.*).

«В седую древность я ушел, мудрец...»

Revertitur in terrain suam unde erat, Et spiritus redit ad Deum, qui dedit ilium. Amen.⁷

В седую древность я ушел, мудрец.
Эллада холодна. Безмолвствует певец.
Эллада умерла, стяжав златой венец
И мудрости, и силы, и свободы.

Ту мудрость я передаю уму.
Ту силу я провижу и пойму.
Но жизнь души свободной не уйму —
Затем, что я – певец природы.

В холодном мраке эллинских могил
Я ум блуждающий напрасно укрепил.
Но пролил в сердце жар глубокий.
И первый зов души мне будет приговор
Седеющих веков меня покинет взор,
И в мир вернусь один – для песни одинокой

27 августа 1900

⁷ Вернется в землю свою, которую был, и дух отдаст богу, который даровал его. Аминь (лат.).

Смерть

Прислушайся к земле в родных полях»
Тебя овеет чуждыми странами,
Но вместе родственный обнимет некий страх.
Ты ощутишь шаги, следящие за нами.

О, друг мой, не беги родной своей земли,
Смотри: я жду таинственной прищлицы
И каждый час могу следящую вдали,
Но близкую всегда, принять в мои темницы.

13 сентября 1900

«Под вечер лет с немым вниманьем...»

Под вечер лет с немым вниманьем
В былое смутно погружен,
Я буду жить воспоминаньем,
Лелея жизни прошлой сон.
И вновь мне будет близко время,
Когда, в предчувствии беды,
Ума живительное семя
Взрослило смелые плоды.
На молодых весенних грезях
Подстережет меня недуг,
Для опочившего на розах
Замкнется жизни светлый круг.

18 сентября 1900 (18 ноября 1920)

Аметист

К. М. С.

Порою в воздухе, согретом
Вспоминаньем и тобой,
Необычайно хладным светом
Горит прозрачный камень твой.

Гаси, крылатое мгновенье,
Холодный блеск его лучей,
Чтоб он воспринял отраженье
Ее ласкающих очей.

19 сентября 1900

«Твой образ чудится невольно...»

Твой образ чудится невольно
Среди знакомых пошлых лиц.
Порой легко, порою больно
Перед Тобой не падать ниц.

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,
Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Ты не жила в моем волненьи,
Но в том родном для нас краю
И в одиноком поклоненьи
Познал я истинность Твою.

22 сентября 1900

«Ночь грозой бушевала, и молний огни...»

Ночь грозой бушевала, и молний огни
Озаряли гряды отдаленных холмов,
Только утром я поднял безжизненный труп
И зарыл под холмами, у края земли.

День прошел молчалив и таинственно свеж
Вечеру подошла непроглядная тьма,
И у края земли, над холмами вдали
Я услышал безжизненный голос тоски

Я пытался разбить заколдованный круг,
Перейти за черту оглушающей тьмы,
Но наутро я сам задохнулся вдали,
Беспокойно простертый у края земли.

24 сентября 1900 (1908?)

«Курятся алтари, дымят паникадила...»

Курятся алтари, дымят паникадила
Детей земли.
Богиня жизни, тайное светило —
Вдали.
Поют торжественно; победно славословят
Немую твердь.
И дланями пустынный воздух ловят,
Приемля смерть.
Неуловимая, она не между нами
И вне земли.
А мы, зовущие победными словами, —
В пыли.

29 сентября 1900 (1910)

«Напрасно я боролся с богом...»

Напрасно я боролся с богом.
Он – громоносный чудодей —
Над здешним, над земным чертогом
Воздвиг чертог еще страшней.

И средь кощунственных хулений,
Застигнут ясностью Зари,
Я пал, сраженный, на колени,
Иные славя алтари...

И вопреки хулам и стонам,
Во храме, где свершалось зло,
Над пламенеющим амвоном
Христово сердце расцвело.

4 октября 1900 (13 февраля 1914)

« Ты была у окна... »

Ты была у окна,
И чиста и нежна,
Ты царила над шумной толпой.
Я стоял позабыт
И толпою сокрыт
В поклоненьи любви пред тобой.

Мне казалось тогда,
Что теперь и всегда
Ты без мысли смотрела вперед.

А внизу, у окна,
Как морская волна,
Пред тобой колыхался народ.

Поклоненьем горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слышал,
Как твой голос звучал, —
Ты в молчаньи владела толпой.

Я стоял позабыт
И толпою сокрыт.
Ты без мысли смотрела вперед,
И чиста, и нежна;
А внизу, у окна,
Вкруг меня волновался народ.

12 октября 1900 (1908)

«Поклонник эллинов – я лиру забывал...»

Поклонник эллинов – я лиру забывал,
Когда мой путь ты словом преграждала
Я пред тобой о счастье вздыхал,
И ты презрительно молчала.

И я горел душой, а ты была темна.
И я, в страданьи безответном,
Я мнил: когда-нибудь единая струна
На зов откликнется приветно.

Но ты в молчании прошла передо мной
И, как тогда, одним напоминаньем
Ты рвешь теперь и мучаешь порой
Мои эллинские призванья.

12 октября 1900

Артистке

Позволь и мне сгорать душою,
Мгновенье жизнь торжествовать
И одинокою мечтою
В твоём бессмертьи ликовать.

Ты несравненна, ты – богиня,
Твои веселье и печаль —
Моя заветная святыня,
Моя пророческая даль.

Позволь же мне сгорать душою
И пламенеть огнем мечты,
Чтоб вечно мыслить пред собою
Твои небесные черты.

15 октября 1900 (27 января 1916)

«Я знаю, смерть близка. И ты...»

Я знаю, смерть близка. И ты
Уже меня не презришь ныне.
Ты снизойдешь из чистоты
К моей тоскующей кончине.

Но мне любовь твоя темна,
Твои признанья необычны.
Найдешь ли в сердце имена
Словам и ласкам непривычным?

Что, если ты найдешь слова,
И буду в позднем умиленьи
Я, умирающий едва,
Взывать о новом воскресенья?

15 октября 1900

«Пора вернуться к прежней битве...»

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти счастливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И рампы светлые огни!

22 октября 1900

«Отрекись от любимых творений...»

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вождений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

1 ноября 1900 (1910)

«Измучен бурей вдохновенья...»

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в господний дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед Единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверьи идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,
Но чую – силы страстных дней
Дохнули раненому в битве,
Вновь разлились в душе моей.
Мне непонятно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир.
Назад! Язычница младая
Зовет на дружественный пир!

3 ноября 1900 (1918)

«Не отравляй души своей...»

Не отравляй души своей
Всегда угрюмым отрицаньем.
Видения былых скорбей
Буди, буди – воспоминаньем!

Придет на смену этих дней
Суровый день и вечер сонный,
И будет легче и светлей,
Воспоминаньем окрыленный.

Когда настанет черный день,
Зови, зови успокоенье,
Буди прошедшей скорби тень, —
Она приносит исцеленье!

5 ноября 1900 (13 февраля 1914)

«В те целомудренные годы...»

В те целомудренные годы
Я понял тайный жизни смысл,
Поклонник твой, дитя свободы,
Как ты, далекий строгих числ.

Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю в грядущие печали
И числю, числю без тебя?

Что ж! Пусть прошедшему забвенье
Не в настоящем жизни смысл!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятых числ!

15 ноября 1900

«Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...»

Мой монастырь, где я томлюсь безбожно, —
Под зноем разума расплавленный гранит.
Мне душно. Мне темно под этим зноем ложным.
Я уйду в другой палящий скит...

Там будет зной, но зной земли всегдашний
Кровавый шар расплавит мозг дотла,
И я сойду с ума спокойней и бесстрашной,
Чем здесь, где плоть и кровь изнемогла.

Где новый скит? Где монастырь мой новый?
Не в небесах, где гробовая тьма,
А на земле – и пошлый и здоровый,
Где всё найду, когда сойду с ума!..

17 ноября 1900

«Там жили все мои надежды...»

Там жили все мои надежды,
Там мне пылал огонь земной,
Но душу осенил покой, —
Смежились дремлющие вежды.

Где грозовые тучи шли,
Слеза последняя иссохла.
Душа смирилась и заглохла
В убогом рубище земли.

А прежде – небом ночи звездной
Она росла, стремилась вдаль,
И та заветная печаль
Плыла, казалось, лунной бездной.

22 ноября 1900 (1913)

«Ищу спасенья...»

О. М. Соловьевой

Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех – во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколенья.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты – виденье.
Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор
У ходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе – спасенье!

25 ноября 1900 (1907)

«Медленно, тяжело и верно...»

Медленно, тяжело и верно
В черную ночь уходя,
Полный надежды безмерной,
Слово молитвы твердя,
Знаю – молитва поможет
Ясной надежде всегда,
Тяжкая верность заложит
Медленный камень труда.
Медленно, тяжело и верно
Мерю ночные пути:
Полному веры безмерной
К утру возможно дойти.

5 декабря 1900

«Завтра с первым лучом...»

Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила
Встанет в сердце моем
Необъятная сила.
Дух всколеблет эфир
И вселенной немое забвенье,
Придвигается мир
Моего обновления.
Воскурю я кадило,
Опяшусь мечом
Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила.

6 декабря 1900 (24 января 1915)

«Была и страсть, но ум холодный...»

Была и страсть, но ум холодный
Ее себе поработил,
И, проклинаящий бесплодно,
В могильном мраке я бродил.

И час настал. Она далёко.
И в сновиденьях красоты
Меня не трогаешь глубоко,
Меня не посещаешь ты.

О, я стремлюсь к борьбе с собою,
К бесплодной, может быть, борьбе.
Когда-то полная тобою
Душа тоскует – о тебе!

9 декабря 1900 (1908)

Поэма философская *Первые три послылки*

*Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою.
Еванг. Матфея, XVI. 18*

*Introibo ad altare Dei.
Ad Deum, qui laetificat
juventutem meam.⁸*

*Мне сердце светом озарил
Ты, мой задумчивый учитель,
Ты темный разум просветил,
Эллады мощный вдохновитель.
А ты, певец родной зимы,
Меня ведешь из вечной тьмы.*

I

Здесь на земле единокельны
И дух и плоть путем одним
Бегут, в стремлении нераздельны,
И бог – одно начало им.

Он сотворил одно общенье,
И к нам донесся звездный слух,
Что в вечном жизненном теченьи
И с духом плоть, и с плотью дух.

И от рожденья – силой бога
Они, исчислены в одно,
Бегут до смертного порога —
Вселенной тайное звено.

9 декабря 1900

II

Вечный дух – властитель вышний тела —
Божеству подвластен, как оно.
Их союз до смертного предела —
Власти тайное зерно.

Вечен дух – и преходящим телом

⁸ Войду в алтарь бога. К богу, который веселит юность мою. (лат.).

Правит, сам подвластный божеству:
Власть в общеньи стала их уделом,
В ней – стремленье к естеству.

Их союз – к природной духа власти,
К подчиненью тела – их союз.
И бегут в едино сплоченные части
Силой вышних, тайных уз.

10 декабря 1900

III

Дух человеческий властен земное покинуть жилище,
Тело не властно идти против велений души.
Сила души – властелин и могучий даятель закона,
Сила телесная вмиг точно исполнит закон.

Так-то объемлемый дух его же обнявшему телу
Властно законы дает, тело наполнив собой.
Тело же точно и вмиг души исполняет законы,
В жизненной связи с душой, вечно подвластно душе

10 декабря 1900

Последняя часть философской поэмы

Ты, о Афина бессмертная
С неумирающим Эросом!
Бог бесконечного творчества
С вечно творящей богинею!
О, золотые родители
Все вдохновенных детей!

Ты, без болезни рожденное,
Ты, вдохновенно-духовное,
Мудро-любовное детище,
Умо-сердечное – ты!

Эроса мудро-блаженного,
Мудрой Афины божественной,
В вечном общении недремлющих,
Ты – золотое дитя!

11 февраля 1901

Е. А. Баратынскому

Так мгновенные создания

Поэтической мечты

Исчезают от дыханья

Посторонней суеты.

Баратынский

Тебе, поэт, в вечерней тишине
Мои мечты, волненья и досуги.
Близь Музы, ветреной подруги,
Попировать недолго, видно, мне.

Придет пора – она меня покинет,
Настанет час тревожной суеты,
И прихоть легкая задумчивой мечты
В моей груди увянет и застынет.

16 декабря 1900

После битвы

Я возвращусь стопой тяжелой,
Паду средь храма я в мольбе,
Но обновленный и веселый
Навстречу выйду я к тебе.

Взнеся хвалу к немому своду,
Освобожденный, обновлюсь.
Из покаянья на свободу
К тебе приду и преклонюсь.

И, просветленные духовно,
Полны телесной чистоты,
Постигнем мы союз любовный
Добра, меча и красоты.

16 декабря 1900 (13 января 1915)

«Не нарушай гармонии моей...»

Не нарушай гармонии моей —
В ней всё светло и всё духовно.
Когда и ты душой ответишь ей,
С тобой мы связаны любовно.

Но если ты погасишь свет,
Смутишь на миг затишье моря,
Тогда – прощай. Любви меж нами нет-
Одно сухое, горестное горе.

18 декабря 1900 (1918)

Две любви

Любви и светлой, и туманной
Равно изведаны пути.
Они равно душе желанны,
Но как согласие в них найти?

Несъединимы, несогласны,
Они равны в добре и зле,
Но первый – безмятежно-ясный,
Второй – в смятении и во мгле.

Ты огласи их славой равной,
И равной тайной согласи,
И, раб лукавый, своенравный,
Обоим жертвы приноси!

Но трепещи грядущей кары,
Страшись грозящего перста:
Твои блаженства и пожары —
Всё – прах, всё – тлен, всё – суета!

19 декабря 1900 (14 февраля 1916)

«В полночь глухую рожденная...»

В полночь глухую рожденная
Спутником бледным земли,
В ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шел я на север безлиственный,
Шел я в морозной пыли,
Слышал твой голос таинственный,
Ты серебрилась вдали.

В полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

Эллины, боги бессонные,
Встаньте в морозной пыли!
Солнцем своим опьяненные,
Солнце разлейте вдали!

Эллины, эллины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комом холодной земли!

24 декабря 1900

«Ты не обманешь, призрак бледный...»

К. М. С.

Ты не обманешь, призрак бледный
Давно испытанных страстей.
Твой вид нестройный, образ бедный
Не поразит души моей.
Я знаю дальнее былое,
Но в близком будущем не жду
Волнений страсти. Молодое —
Оно прошло, – я не найду
В твоём усталом, но зовущем,
Ненужном призраке – огня.
Ты только замыслом гнетущим
Еще измучаешь меня.

25 декабря 1900 (Декабрь 1908)

«Нет ни слезы, ни дерзновенья...»

Нет ни слезы, ни дерзновенья.
Всё тот же путь – прямой стрелы.
Где ваши гордые стремленья,
Когда-то мощные орлы?

Ужель и сила покидает,
И мудрость гасит светоч свой?
Ужель без песни умирает
Душа, сраженная тоской?

25 декабря 1900

Валкирия (На мотив из Вагнера)

Хижина Гундинга

Зигмунд *(за дверями)*

Одинокий, одичалый,
Зверь с косматой головой,
Я стучусь рукой усталой —
Двери хижины открой!
Носят северные волны
От зари и до зари —
Носят вместе наши челны.
Я изранен! Отвори!

Зигелинда

Кто ты, гость, ночной порою
Призывающий в тиши?
Черный Гундинг не со мною..
Голос друга... Клич души!

Зигмунд

Я в ночном бою с врагами
Меч разбил и бросил щит!
В темном доле, под скалами
Конь измученный лежит.
Я, в ночном бою усталый,
Сбросил щит с могучих плеч!
Черный меч разбил о скалы!
«Вельзе! Вельзе! Где твой меч!»

(Светится меч в стволе дерева)

Зигелинда

Вместе с кликами твоими
Загораются огни!
Ты, зовущий Вельзе имя,
Милый путник, отдохни!

(Отворяет двери)

Декабрь 1900 (1908)

31 декабря 1900 года

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне – одно:
Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем – кругом молчанье,
Мой кубок пуст,
И смерти раннее призванье
Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде – в ночь,

31 декабря 1900

Стихотворения 1901 года

«Когда я одинок и погружен в молчанье...»

Когда я одинок и погружен в молчанье,
Когда чужая речь давно мне не слышна,
Я чувствую в груди немое трепетанье,
И близким прошлым полнится она.

Когда я одинок, и голоса чужие
Не слышны, не нужны, и чужды, и темны,
Я чувствую в себе призвания былые,
И прошлого изгибы мне видны.

Не нужно мне грядущих, настоящих —
Всех пошлых сил, истраченных в «борьбе»
Я полн заветов дней моих давящих,
Подобных прошлой, может быть, судьбе.

4 января 1901 (1918)

«Я никогда не понимал...»

Я никогда не понимал
Искусства музыки священной,
А ныне слух мой различал
В ней чей-то голос сокровенный —

Я полюбил в ней ту мечту
И те души моей волненья,
Что всю былую красоту
Волной приносят из забвенья

Под звуки прошлое встает
И близким кажется и ясным:
То для меня мечта поет,
То веет таинством прекрасным.

17 января 1901

«Ты – думы вечной, вдохновенной...»

Ты – думы вечной, вдохновенной
Суровый блеск в вечерней мгле
С твоей улыбкой сокровенной
На незапятнанном челе!

Ты – откровение и тайна,
В вечерний час тебя мне жаль,
О, подаривший мне случайно
Живую радость и печаль...

Первоначальных лет счастливых
Остывший жар, потухший свет,
Ты всё еще на темных нивах
Огнистый оставляешь след.

20 января 1901 (1908)

«Благоуханных дней течение...»

Благоуханных дней течение
Сменяют тяжкие года,
Но этих прошлых дней значенье
Неизгладимо никогда...

Пускай зима снега покоит
На омертвелых лепестках, —
Мечта пророчески откроет
И в зимний день – цветистый прах.

2 января 1901 (1908)

«Часто в мысли гармония спит...»

Часто в мысли гармония спит
И не льется словесной волною.
И молчанье бесцельно таит
Непонятный упрек над собою.

Только чувствовать, верить, узрев,
Но сказать, – не услышишь ответа.
Точно песня, весь мир облетев,
Возвратилась, ничем не согрета.

23 января 1901

«Я вышел. Медленно сходили...»

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней молодые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

25 января 1901

«Ветер принес издалёка...»

Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 января 1901 (1907)

«Над синевой просторной дали...»

Над синевой просторной дали
Сквозили строгие черты.
Лик безмятежный обрамляли
Речные белые цветы.

Навек безмолвна и спокойна,
Она без мысли шла вперед,
И раболепно, и нестройно
Пред ней волнами шел народ.

Я, увлечен толпой народной
На обожанье красоты,
Смотрел, отвеча несвободный,
В ее спокойные черты.

30 января 1901 (16 марта 1918)

«Тихо вечерние тени...»

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в снеговой пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...

Разве воскреснуть возможно?
Разве былое – не прах?
Нет, из господнего дома
Полный бессмертия дух
Вышел родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...
Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

«Душа молчит. В холодном небе...»

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, – и внемлет крикам,
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умащенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Так – белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

«Я сходил в стремнины горные...»

Я сходил в стремнины горные,
Видел доли и леса.
Над мечтой моей упорною
Загорались небеса.

Ночи шли путями звездными,
Ярким солнцем дни текли
Над горами и над безднами,
Где томился я в пыли.

Где сходил в стремнины горные,
Где в долинах и лесах
Воскрешал мечтой упорною
Давней жизни мертвый прах...

7 февраля 1901 (1908)

«Мой путь страстями затемнен...»

Мой путь страстями затемнен,
Но райских снов в полнощном бденьи
Исполнен дух, – и светлый сон
Мне близок каждое мгновенье.

Живите, сны, в душе моей,
В душе безумной и порочной,
Живите, сны, под гнетом дней
И расцветайте в час урочный!

В суровый час, когда вокруг
Другие сны толпою властной
Обстанут вокруг, смыкая круг,
Объемля душу мглою страстной!

Плывите, райских снов четы,
И силой бога всемогущей
Развейте адские мечты
Души, к гибели идущей.

11 февраля 1901 (3 января 1916)

«Ныне, полный блаженства...»

Ныне, полный блаженства,
Перед божьим чертогом
Жду прекрасного ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжался, о боже,
Над блаженным рабом!
Вышли ангела, боже,
С нежно-белым крылом!

Боже! Боже!
О, поверь моей молитве,
В ней душа моя горит!
Извлеки из жалкой битвы
Истомленного раба!

15 февраля 1901

«Я понял смысл твоих стремлений...»

Я понял смысл твоих стремлений —
Тебе я заслоняю путь.
Огонь нездешних вожделий
Вздывает девственную грудь.
Моей ли жалкой, слабой речи
Бороться с пламенем твоим
На рубеже неизвестной встречи
С началом близким и чужим!
Я понял всё, и отхожу Я.
Благословен грядущий день.
Ты, в алом сумраке ликуя,
Ночную миновала тень.
Но риза девственная зрима,
Мой день с тобою проведен...
Пусть душа неисцелима —
Благословен прошедший сон.

26 февраля 1901

«Ты отходишь в сумрак алый...»

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я слышал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

Близко ты, или далече
Затерялась в вышине?
Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

«Так – одинокой, легкой тенью...»

Так – одинокой, легкой тенью
Перед душою, полной зла,
Свои благие исцеленья
Она однажды пронесла.

7 марта 1901

«Сбылось пророчество мое:....»

Сбылось пророчество мое:
Перед грядущею могилой
Еще однажды тайной силой
Зажглось святилище Твое.

И весь исполнен торжества,
Я упоен великой тайной
И твердо знаю – не случайно
Сбывались вещие слова.

7 марта 1901 (1910)

Моей матери

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это бог лазурный, нежный
Шлет свои дары.

8 марта 1901

«Пять изгибов сокровенных...»

Пять изгибов сокровенных
Добрых линий на земле.
К ним причастные во мгле
Пять стенаний вдохновенных.
Вы, рожденные вдали,
Мне, смятенному, причастны
Краем дальним и прекрасным
Переполненной земли.
Пять изгибов вдохновенных,
Семь и десять по краям,
Восемь, девять, средний храм —
Пять стенаний сокровенных,
Но ужасней – средний храм —
Меж десяткой и девяткой,
С черной, выпренной загадкой,
С воскуреньями богам.

10 марта 1901

«Отзвучала гармония дня...»

Отзвучала гармония дня —
Замирают последние песни...
Ты, душа, порожденье огня,
В наступающем мраке воскресни.

На границе печалей дневных,
На границе вечерних веселий,
Загорайся огнем новоселий
По краям облаков грозových.

19(?) марта 1901

«Я не даром боялся открыть...»

Я не даром боялся открыть
В непогодную полночь окно.
Как и встарь, привелось отравить,
Что надеждою было полно.

Буду прежнею думой болеть
В непогодной полуночной мгле,
Но молитвенным миром гореть
И таиться на этой земле.

В непрестанной молитве моей,
Под враждующей силой твоей,
Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей.

1 апреля 1901

«Ночью сумрачной и дикой...»

О. М. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледнолицый
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, заслышав бога,
Дочь блаженной стороны
Из родимого чертога
Гонит призрачные сны,
И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

23 апреля 1901

«Навстречу вешнему расцвету...»

Навстречу вешнему расцвету
Зазеленели острова.
Одна лишь песня недопета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремлении запоздала,
В пареньи смутном замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла...

И вот – в завистливом смущеньи
Глядит – растаяли снега,
И рек нестройное течение
Свои находит берега.

25 апреля 1901

«В день холодный, в день осенний...»

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидеть.

Я приду – и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, бывшие стоны
Не услышишь – я потух.

Самый огонь – слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день – темнее ночи
Усыпленному душой.

*27 апреля 1901
Поле за Старой Деревней
(1908)*

«Всё отлетают сны земные...»

Так – разошлись в часы рассвета.

А. Б.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны.
Страны холодные, немые,
И без любви, и без весны.

Там – далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там – мать сына не узнает,
Потухнут страстные сердца...
Там безнадежно угасает
Мое скитанье – без конца...

И вдруг, в преддверьи заточенья,
Послышу дальние шаги...
Ты – одиноко – в отдаленьи,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

«В передзакатные часы...»

В передзакатные часы
Среди деревьев вековых
Люблю неверные красы
Твоих очей и слов твоих.

Прощай, идет ночная тень,
Ночь коротка, как вешний сон,
Но знаю – завтра новый день,
И новый для тебя закон.

Не бред, не призрак ты лесной,
Но старина не знала фей
С такой неверностью очей,
С душой изменчивой такой!

5 мая 1901 (20 февраля 1915)

«Он уходил, а там глубоко...»

Он уходил, а там глубоко
Уже вещал ему закат
К земле, оставленной далеко,
Его таинственный возврат.

8 мая 1901

«Ты ли это прозвучала...»

Ты ли это прозвучала
Над темнеющей рекой?
Или вправду отвечала
Мне на крик береговой?

13 мая 1901

«Всё бытие и сущее согласно...»

Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, —
Мне всё равно – вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь.
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее – во мне.
Всё бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный прозренья.
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

«Кто-то шепчет и смеется...»

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнется
Снова смех из милых стран!

Снова шепот – и в шептаны
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901 (1910)

«Белой ночью месяц красный...»

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполненье тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?..

22 мая 1901

«Небесное умом не измеримо...»

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица – спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901

«Они звучат, они ликуют...»

Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют,
Они блаженны навсегда.
Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык?
Пусть всем чужда моя свобода,
Пусть всем я чужд в саду моем —
Звенит и буйствует природа,
Я – соучастник ей во всем!

30 мая 1901 (13 февраля 1914)

«Одинокий, к тебе прихожу...»

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. – Меня не зови. —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожкой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожкой полоненные дни
Я лелею года, – не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

1 июня 1901

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»

И тяжкий сон житейского сознания

Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появенье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901

«И поздно, и темно. Покину без желаний...»

И поздно, и темно. Покину без желаний
Бунтующий весельем божий дом.
Окончу светлый путь, не буду ждать свиданий,
Как шел туда, – и выйду, незнаком.

Последний вздох, и тайный, и бездонный,
Слова последние, последний ясный взгляд —
И кружный мрак, мечтою озаренный,
А светлых лет – не возвратить назад.

Еще в иную тьму, уже без старой силы
Безгласно отхожу, покинув ясный брег,
И не видать его – быть может, до могилы,
А может быть, не встретиться вовек.

6 июня 1901

«И я, неверный, тосковал...»

И я, неверный, тосковал,
И в поэтическом стремленьи
И я без нужды покидал
Свои родимые селенья.
Но внятен сердцу был язык,
Неслышный уху – в отдаленья,
И в запоздалом умиленьи
Я возвратился – и постиг.

9 июня 1901

«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...»

*...и поздно желать,
Всё минуло: и счастье, и горе.*

Вл. Соловьев

Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много,
Ты лазурью сильна,
Мне – другая и жизнь, и другая дорога,
И душе – не до сна.

Верь – несчастней моих молодых поклонений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

«Молитву тайную твори...»

Молитву тайную твори —
Уже приблизились лучи
Последней для тебя зари, —
Готовься, мысли и молчи.
Готовый, мыслящий, немой,
Взгляни наверх в последний раз,
Не хочет бог, чтоб ты угас,
Не встретив здесь Любви былой.
Как в первый, так в последний раз
Проникнешь ты в Ее чертог,
Постигнешь ты – так хочет бог —
Ее необычайный глаз.

10 июня 1901

«За туманом, за лесами...»

За туманом, за лесами
Загорится – пропадет,
Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.

Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.

Но и ночью нет ответа,
Ты уйдешь в речной камыш,
Унося источник света,
Снова издали манишь.

14 июня 1901 (1908)

«В бездействии младом, в передрагветной лени...»

В бездействии младом, в передрагветной лени
Душа парила ввысь, и там Звезду нашла.
Туманен вечер был, ложились мягко тени.
Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темные ступени
Вступила Ты, и. Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой в передрагветной лени
На звездные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений
И юность робкая с мечтами без числа.
И близится рассвет, И убегают тени.
И, Ясная, Ты с солнцем потекла.

19 июня 1901

«Какому богу служишь ты?...»

Какому богу служишь ты?
Родны ль тебе в твоём паренье
Передрасветное волненье,
Передзакатные мечты?
Иль ты, сливаясь со звездой,
Сама богиня – и с богами
Гордишься равной красотой, —
И равнодушными очами
Глядишь с нездешней высоты
На пламенеющие тени
Земных молитв и поклонений
Тебе – царица чистоты?

20 июня 1901

«Сегодня шла Ты одиноко...»

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

22 июня 1901 (1908)

«Она росла за дальними горами...»

С. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный дол – ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел – она одна росла.
И только лик бессмертного светила —
Что день – смотрел на девственный расцвет
И, влажный знак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайный след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах.
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеяна снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течет в ряду иных светил.

26 июня 1901

«Я помню час глухой, бессонной ночи...»

Я помню час глухой, бессонной ночи,
Прошли года, а память всё сильна.
Царила тьма, но не смежились очи,
И мыслил ум, и сердцу – не до сна.

Вдруг издали донесся в заточенье
Из тишины грядущих полуснов
Неясный звук невнятного моления,
Неведомый, бескрылый, страшный зов.

То был ли стон души безбожно-дикой,
И уж тогда не встретились сердца?
Ты мне знаком, наперсник мой двуликий,
Мой милый друг, враждебный до конца.

27 июня 1901
С. Боблово

«Тебя в страны чужие звали...»

Тебя в страны чужие звали,
Ты собиралась в дальний путь.
Мы безнадежно провожали,
И многим привелось вздохнуть.

Зима подкралась незаметно,
И с первым снегом со двора
Ты унесла весь пыл заветный,
Которым жили мы вчера.

Прощай, мы смотрим на дорогу,
А вьюга замечает след.
Мы возвратимся понемногу
К безбожной лени прежних лет,

И над мистической загадкой
Уже не будем колдовать,
И поздней ночью, встав украдкой,
При бледном месяце мечтать.

28 июня 1901 (1910)

«Внемля зову жизни смутной...»

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны – волны попутной
К лучезарной глубине.

Чуть слежу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Уплывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов миров иных.

3 июля 1901 (1908)

«Прозрачные, неведомые тени...»

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, – Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901 (13 февраля 1914)

«Я жду призыва, ищу ответа...»

Я жду призыва, ищу ответа,
Немее небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой – далёко где-то —
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду – и трепет объемлет новый,
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье..

7 июля 1901

«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...»

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?
Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песнью без конца растаяла в снегах
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла звездой мне, но шла в дневных лучах
И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез – в далекие туманы.
Я направляю взор в таинственные страны, —

Тебя не вижу я, и долго бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый,
Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый.

8 июля 1901 (1913)

«Вечереющий день, догорая...»

Вечереющий день, догорая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастая,
Неотступная Тайна моя.

Неужели и страстная дума,
Бесконечно земная волна,
Затерявшись средь здешнего шума,
Не исчерпает жизни до дна?

Неужели в холодные сферы
С неразгаданной тайной земли
Отошли и печали без меры,
И любовные сны отошли?

Умирают мои угнетенья,
Утоляются горести дня,
Только Ты одинокою тенью
Посети на закате меня.

11 июля 1901 (1913)

«За городом в полях весною воздух дышит...»

За городом в полях весною воздух дышит
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди – морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака – и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари – неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева;
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

«Входите все. Во внутренних покоях...»

С. Соловьеву

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий – здешний свет

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

14 июля 1901 (1910)

«Ты прошла голубыми путями...»

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туман.
Вечереющий сумрак над нами
Обратился в желанный обман.
Над твоей голубою дорогой
Протянулась зловещая мгла.
Но с глубокою верою в бога
Мне и темная церковь светла.

16 июля 1901

«Не жди последнего ответа...»

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, растет...

Всё ближе – чаянье сильнее,
Но, ах! – волненья не снести...
И вещей падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом – семья в чаду молений,
И над кладбищем – мерный звон.
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он!

19 июля 1901 (13 февраля 1914)

«Не пой ты мне и сладостно, и нежно:...»

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь.
Моря души – просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветешь.
А песни звук – докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной – туманы позади.
Объемли сны, какими я оваян,
Пойми сама, что будет впереди.

25 июля 1901

«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...»

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли – светло и беспокойно,
И вновь придут – они землей даны.

Мне жаль, что день великий скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг, – грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути, и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто здесь вздыхает обо мне.

27 июля 1901 (13 февраля 1914)

«Признак истинного чуда...»

Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и камней гряда,
В них горишь алмазом ты.

А сама – за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек!

30 июля 1901. Фабрика (1915)

«Нас старость грустная настигнет без труда...»

Нас старость грустная настигнет без труда,
Мы немощны теперь, и нет у нас желанья.
С тех пор, как умерла подруга, – никогда
Не полнится душа тревогой ожиданья.
Та жизнь прошла для нас, чудес и бед полна,
Оставив по себе одни воспоминанья.
Печальная, наш мир покинула она,
И в этой пустоте всё памятна весна,
Где каждый вздох хранит ее существованье

5 августа 1901

Преображение

Разверзаются туманы,
Буревестник на волне,
Пролетают ураганы
В бесконечной вышине.

В светлый день Преображенья
Дух безумца поражен:
Из неволи, из смятенья
Голос Твой услышал он.

Ныне скорбный, ныне бедный,
В лоне Вечного Отца,
Близ Тебя, в лазури бледной
Жаждет нового конца...

Лишь одна страна в тумане
(Буревестник на волне) —
Беспокойное желанье
Вместе с богом – в вышине.

6 августа 1901 (Февраль 1914)

«Ты далека, как прежде, так и ныне...»

Ты далека, как прежде, так и ныне,
Мне не найти родные берега.
Моя печаль чужда твоей святыне,
И радостью душа не дорога.

Суровый хлад – твоя святая сила:
Безбожный жар нейдет святым местам.
Пускай любви – забвенью и могила,
Ты над могилой – лучезарный храм.

11 августа 1901. Дедова (1918)

«Стою на царственном пути...»

Стою на царственном пути.
Глухая ночь, кругом огни, —
Неясно теплятся они,
А к утру надо всё найти.

Ступлю вперед – навстречу мрак,
Ступлю назад – слепая мгла.
А там – одна черта светла,
И на черте – условный знак.

Но труден путь – шумит вода,
Чернеет лес, молчат поля...
Обетованная земля —
Недостижимая звезда...

Звезда – условный знак в пути,
Но смутно теплятся огни,
А за чертой – иные дни,
И к утру, к утру – всё найти!

15 августа 1901 (1908)

«Сумерки, сумерки вешние...»

*Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?*

Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить – не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце – надежды нездешние,
Кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

«Наступает пора небывалая...»

Наступает пора небывалая.
В освященные ризы одет,
Вознесу я хвалы запоздалые, —
Не раздастся ли свыше ответ.

Пламя алое в сумраке носится,
Потухают желанья в крови.
Видю – к вышнему небу возносится
Безначальная дума Любви.

17 августа 1901 (Февраль 1914)

«Ты горишь над высокой горою...»

Ты горишь над высокой горою
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму, —
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

«Видно, дни золотые пришли...»

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поет – не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Всё равно – мне певца не понять.
От себя ли скрывать
Роковую потерю?

24 августа 1901

«Кругом далекая равнина...»

Кругом далекая равнина,
Да толпы обгорелых пней.
Внизу – родимая долина,
И тучи стелются над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет угрюмая тоска.

Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет – до поры.

И всё, что будет, всё, что было, —
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.

*26 августа 1901. Мелево
(24 июля 1908)*

«Я всё гадаю над тобою...»

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожкой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклятье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

«Когда-то долгие печали...»

Когда-то долгие печали
Связали нас.
Тогда мы вместе день встречали
В лазурный час.
И вечер гас. Хладели руки,
Среди огней
Мы шли под меркнущие звуки
Печальных дней.
Теперь – за ту младую муку
Я жизнь отдам...
О, если б вновь живую руку
Прижать к губам!

Лето 1901 (Февраль 1916)

«Синие горы вдали...»

Синие горы вдали —
Память горячего дня.
В теплой дорожной пыли —
Призрак бегущий коня.

Церковь в лесистой глуши
Только листья шелестят.
Стоны ли бедной души
Успокоенья хотят?..

*2 сентября 1901
Поляна в Прасолове
(1918)*

«Нет конца лесным тропинкам...»

Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным былинкам.

Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...
По верхушкам елок низких
Перелетные слова...

Не замечу ль по былинкам
Потаенного следа...
Вот она – зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.

2 сентября 1901. Церковный лес (1908)

«Внемлю голосу свободы...»

Внемлю голосу свободы,
Гулу утренней земли.
Там – вдали – морские воды
Схоронили корабли.

Но душа не сожалеет,
Все сомненья далеки:
На востоке пламенеют
Новой воли маяки!

Снова жду, надежды полный:
Солнце, светлый лик яви!
Пламенеющие волны
Расступились для любви!

4 сентября 1901 (Весна 1907)

«Глушь родного леса...»

Глушь родного леса,
Желтые листья.
Яркая завеса
Поздней красоты.

Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи —
Память всё жива.

5 сентября 1901 (1909?).

«Мчит меня мертвая сила...»

Мчит меня мертвая сила,
Мчит по стальному пути.
Небо уныньем затмило,
В сердце – твой голос: «Прости»

Да, и в разлуке чиста ты
И непорочно свята.
Вон огневого заката
Ясная гаснет черта.

Нет безнадежного горя!
Сердце – под гнетом труда,
А на небесном просторе —
Ты – золотая звезда.

*6 сентября 1901. Почтовый поезд
Между Клином и Тверью.
(20 февраля 1915)*

Ожидание

Дни текут молчаливо,
Непонятные дни.
Жду речного разлива,
Притаившись в тени.

В отдаленные страны,
В сероватую высь,
Все бывшие обманы
Без следа унеслись.

Но наутро чудесней
Вновь предстанут они:
Вслед таинственной песне
Светозарные дни.

9 сентября 1901 (13 января 1915)

«Знаю, бедная, тяжкое бремя...»

*Смерть и время царят на земле -
Ты владыками их не зови.*

Вл. Соловьев

Знаю, бедная, тяжкое бремя
Ты отвеча устала нести.
Ропщешь ты на бездушное время, —
Я с открытой душою в пути.

Здесь бушуют неверные бури,
Злые сны пролетают, звеня.
Над тобою – всевластность лазури,
Нет в тебе – лучезарного дня.

Но у тайны немого виденья
Расцветешь, обновленьем горя.
Все мечты мимолетного тленья
Молодая развеет заря.

16 сентября 1901

Посвящение

Встали надежды пророка —
Близки лазурные дни.
Пусть лучезарность востока
Скрыта в неясной тени.

Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет.
Мне – мировая разгадка
Этот безбрежный поэт.

Здесь – голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.
Всё голубое – за Вами
И лучезарное – к Вам.

18 сентября 1901

«Смотри – я отступаю в тень...»

Смотри – я отступаю в тень,
А ты по-прежнему в сомненьи
И всё боишься встретить день,
Не чуя ночи приближенья.

Не жди ты вдохновенных слов —
Я, запоздалый на границе,
Спокойно жду последних снов,
Забывших здесь, в земной темнице

Могу ли я хранить мечты
И верить в здешние виденья,
Когда единственная ты
Не веришь смертным песнопеньям?

Но предо мной кружится мгла,
Не чую мимолетной боли,
И ты безоблачно светла,
Но лишь в бессмертьи, – не в юдоли

20 сентября 1901

«Пройдет зима – увидишь ты...»

Пройдет зима – увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмы

21 сентября 1901

«Грустно и тихо у берега сонного...»

Грустно и тихо у берега сонного
Лодка плывет – ты дремли.
Я расскажу про мечты, озаренные
Прежнею лаской земли.
Только остались у берега сонного
Утлые в лодке мечты.
В этих мечтах – навсегда отдаленная,
Ты, лучезарная, ты...

Осень 1901

«Встану я в утро туманное...»

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

«Ранний час. В пути незрима...»

Ранний час. В пути незрима
Разгорается мечта.
Плещут крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый, белый ангел бога
Сеет розы на пути.

Жду в пленительном волненьи
Тайна плачущей жены
Разомкнет златые звенья,
Вскроет крылий белизны.

4 октября 1901

«Ты уходишь от земной юдоли...»

Ты уходишь от земной юдоли,
Сердца лучшего любовь тебе несут.
Страшных снов не жди от новой воли,
Хоры ангелов, не смертных, припадут.

Припадут и снимут власяницы —
Символ здешних непомерных бед.
Я, в тоске, покину на границе
Твой нездешний, твой небесный след.

Покидай бессилье мироздания,
Твой покой теперь ненарушим.
Предо мною – грань богопознания,
Неизбежный сумрак, черный дым.

6 октября 1901

«Ходит месяц по волне...»

Ходит месяц по волне,
Ходит солнце в синей зыби,
Но в неведомом изгибе
Оба зримы не вполне.

Странно бледны лики их,
Отраженья их дробимы.
Ты равно ль с другой палима,
Или пламень твой затих

И неверным отраженьем
На волнах моей мечты
Бродишь мертвым сновиденьем
Отдаленной красоты?

7 октября 1901

«Снова ближе вечерние тени...»

Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись – плывут – подошли

Что же ты на великую встречу
Не вскрываешь свои глубины?
Или чуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завизжу,
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты жив сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

«Я бремя похитил, как тать...»

Я бремя похитил, как тать,
Несчастье разбил я на части,
Но, боже! как тяжело внимать
Чужой нарастающей страсти!

Волна, забегая вперед,
У ног разобьется нещадно
И жадно меня обдает,
Бессильного, пеною хладной.

Не знаю – за дальней чертой
Живет ли лазурное счастье...
Теперь я внимаю чужой
И всё нарастающей страсти.

14 октября 1901 (1918)

«Хранила я среди молодых созвучий...»

Хранила я среди молодых созвучий
Задумчивый и нежный образ дня.
Вот дунул вихрь, поднялся прах летучий.
И солнца нет, и сумрак вокруг меня.

Но в келье – май, и я живу, незрима
Одна, в цветах, и жду другой весны
Идите прочь – я чую серафима,
Мне чужды здесь земные ваши сны

Идите прочь, скитальцы, дети, боги!
Я расцвету еще в последний день,
Мои мечты – священные чертоги,
Моя любовь – немеющая тень.

17 октября 1901

«Медленно в двери церковные...»

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.

17 октября 1901 (1908)

«Ловлю я тонкий прах надежды...»

Ловлю я тонкий прах надежды,
Ты замедляешь быстрый шаг,
Но через сомкнутые вежды
Горят слова: «Не друг, а враг».

Лишь отпылать – и правда ближе
Или – забвенные мечты
Проходят медленно, – и ниже
Пылаю я, и выше – ты.

Тогда, в спасительном забвении,
Улыбка бродит по лицу.
На завтра – в новом угнетении
Тоска по брачному венцу.

2 ноября 1901 (13 февраля 1914)

«Скрипнула дверь. Задрожала рука...»

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесьи, идут облака,
Через туман озаренные.

С ними – знакомое, слышу, вослед...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни ответ,
Вместе ли оба почудятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901

«Зарево белое, желтое, красное...»

Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке,
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вот они – тихие, светлые, скорые —
Мчатся ко мне издали.

6 ноября 1901

«Восходя на первые ступени...»

Восходя на первые ступени,
Я смотрел на линии земли.
Меркли дни – порывы исступлений
Гасли, гасли в розовой дали.
Но томим еще желаньем горя,
Плакал дух, – а в звездной глубине
Расступалось огненное море,
Чей-то сон шептался обо мне...

8 ноября 1901 (1910)

«Один порыв – безвластный и плакучий...»

Один порыв – безвластный и плакучий,
Одна мечта – чрезмерностью слаба, —
И снова он – до боли жгучий,
Бессильный сон раба.

Но ты вкуси волшебство бед вседневных
И сон другой – проклятый сон веков.
В горниле старостей душевных
Цветет восторг богов.

17 ноября 1901

«Я ли пишу, или ты из могилы...»

Я ли пишу, или ты из могилы
Выслала юность свою, —
Прежними розами призрак мне милый
Я, как тогда, обовью.

Если умру – перелетные птицы
Призрак развеют, шутя.
Скажешь и ты, разбирая страницы:
«Божье то было дитя».

21 ноября 1901

«Жду я холодного дня...»

Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звеня:
Ты говорила: «Приду, —

Жди на распутьи – вдали
Людных и ярких дорог,
Чтобы с величьем земли
Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру,
Как твое сердце, звеня,
Двери тебе отопру
В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...»

Ты страстно ждешь. Тебя зовут, —
Но голоса мне не знакомы,
Очаг остыл, – тебе уют —
Родная степь Лишь в ней ты – дома.

Там – вечеряющая даль,
Туманы, призраки, виденья,
Мне – беспокойство и печаль,
Тебе – покой и примиренье.

О, жалок я перед тобой!
Всё обнимаю, всем владею,
Хочу владеть тобой одной,
Но не могу и не умею!

22 ноября 1901 (Февраль 1914)

«Будет день и свершится великое...»

Будет день и свершится великое,
Чую в будущем подвиг души.
Ты – другая, немая, безлика,
Притаилась, колдуешь в тиши.

Но, во что обратишься – не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,
А уж Там веселятся победою
Над единой и страшной душой.

23 ноября 1901

«Я долго ждал – ты вышла поздно...»

Я долго ждал – ты вышла поздно,
Но в ожиданьи ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор, и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень,
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, – и сердце занялось.

Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

«НОЧЬЮ ВЬЮГА СНЕЖНАЯ...»

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

Ворожба

Я могуч и велик ворожбою,
Но тебя уследить – не могу.
Полечу ли в эфир за тобою —
Ты цветешь на земном берегу.
Опускаюсь в цветущие степи —
Ты уходишь в вечерний закат,
И меня оковавшие цепи
На земле одиноко бренчат.

Но моя ворожба не напрасна:
Пусть печально и страшно «вчера»,
Но сегодня – и тайно и страстно
Заалело полнеба с утра.
Я провижу у дальнего края
Разгоревшейся тучи – тебя.
Ты глядишь, улыбаясь и зная,
Ты придешь, трепеща и любя.

5 декабря 1901 (Декабрь 1915)

«Недосказанной речи тревогу...»

Недосказанной речи тревогу
Хороню до свиданья в ночи.
Окна терема – все на дорогу,
Вижу слабое пламя свечи.

Ждать ли поздней условленной встречи?
Знаю – юная сердцем в пути, —
Ароматом неведомой встречи
Сердце хочет дрожать и цвести.

В эту ночь благовонные росы,
Словно влажные страсти слова,
Тяжко лягут на мягкие косы —
Утром будет гореть голова...

Но несказанной речи тревогу
До свиданья в ночи – не уйму.
Слабый пламень глядит на дорогу,
Яркий пламень дрожит в терему.

6 декабря 1901

«Тёмно в комнатах и душно...»

Тёмно в комнатах и душно —
Выйди ночью – ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно,
Как сердца горят над бездной.

Их костры далеко зримы,
Озаряя мрак окрестный.
Их мечты неутолимы,
Непомерны, неизвестны...

О, зачем в ночном сияньи
Не взлетят они над бездной,
Никогда своих желаний
Не сольют в стране надзвездной?

11 декабря 1901

«Мне битва сердце веселит...»

*Все двери заперты, и отданы ключи
Тюремщиком твоей безжалостной царице
Петрарка*

Мне битва сердце веселит,
Я чую свежесть ратной неги,
Но жаром вражеских ланит
Повержен в запоздалом беге.

А всё милее новый плен.
Смотрю я в сумрак непробудный,
Но в долгий холод здешних стен
Порою страж нисходит чудный.

Он окрылит и унесет,
И озарит, и отуманит,
И сладко речь его течет,
Но каждым звуком – сердце ранит

В нем – тайна юности лежит,
И медленным и сладким ядом
Он тихо узника поит,
Заворожив бездонным взглядом.

15 декабря 1901

«Неотвязный стоит на дороге...»

Неотвязный стоит на дороге,
Белый – смотрит в морозную ночь.
Я – навстречу в глубокой тревоге,
Он, шатаясь, сторонится прочь.

Не осилить морозного чуда...
Рядом с ним вырастает вдали,
Там, где камней вздымается гряда,
Голубая царица земли.

И царица – в мольбе и тревоге,
Обрученная с холодом зим...
Он – без жизни стоит на дороге,
Я – навстречу, бессмертьем томим.

Но напрасны бессмертные силы —
И царице свободы не жаль...
Торжествуя победу могилы,
Белый – смотрит в морозную даль.

16 декабря 1901

«Смотри приветно и легко...»

Смотри приветно и легко
В глаза суровые разврата:
В них – бесконечно далеко —
Горит душа и ждет возврата
В жилище прежних благ и бед,
В миры молитвенных созвучий,
Где всем таинственный ответ
Дает Безвестный и Могучий,

Кому покорны мы, жрецы,
И те, кто проще, суеверней:
Те – бедняки – из наших терний
Себе плетущие венцы.

16 декабря 1901 (1918?)

«Молчи, как встарь, скрывая свет...»

Молчи, как встарь, скрывая свет, —
Я ранних тайн не жду.
На мой вопрос – один ответ:
Ищи свою звезду.

Не жду я ранних тайн, поверь,
Они не мне взойдут.
Передо мной закрыта дверь
В таинственный приют.

Передо мной – суровый жар
Душевных слез и бед,
И на душе моей пожар —
Один, один ответ.

Молчи, как встарь, – я услежу
Восход моей звезды,
Но сердцу, сердцу укажу
Я поздних тайн следы.

Но первых тайн твоей весны
Другим приснится свет.
Сольются наши две волны
В горниле поздних бед.

18 декабря 1901

«Вечереющий сумрак, поверь...»

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду – внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою – живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла,
За ладьей – огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.
В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню – отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

«Сумрак дня несет печаль...»

Сумрак дня несет печаль.
Тусклых улиц очерк сонный,
Город, смутно озаренный,
Смотрит в розовую даль.

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют ангелы вдали.

Близок пламенный рассвет,
Мертвецу заглянет в очи
Утро после долгой ночи...
Но бежит мелькнувший свет,

И испуганные лики
Скрыли ангелы в крылах:
Видят – мертвый и безликий
Вырастает в их лучах.

24 декабря 1901

При посылке роз

Смотрел отвеча бог лукавый
На эти душные цветы.
Их вековечною отравой
Дыши и упивайся ты.

С их страстной, с их истомной ленью
В молодые сумерки твои
И пламенной и льстивой тенью
Войдут мечтания мои.

Неотвратимы и могучи,
И без свиданий, и без встреч,
Они тебя из душевной тучи
Живою молнией будут жечь.

24 декабря 1901 (Декабрь 1915)

«Старый год уносит сны...»

Старый год уносит сны
Безмятежного расцвета.
На заре другой весны
Нет желанного ответа.

Новый год пришел в ночи
И раскинул покрывало.
Чьи-то крадутся лучи,
Что-то в сердце зазвучало.

Старый год уходит прочь.
Я невнятною мольбою,
Злая дева, за тобою
Вышлю северную ночь.

Отуманю страстью сны
Безмятежного расцвета,
Первый день твоей весны
Будет пламенное лето...

25 декабря 1901

Двойнику

Ты совершил над нею подвиг трудный,
Но, бедный друг! о, различил ли ты
Ее наряд, и праздничный и чудный,
И странные весенние цветы?..

Я ждал тебя. А тень твоя мелькала
Вдали, в полях, где проходил и я,
Где и она когда-то отдыхала,
Где ты вздыхал о тайнах бытия...

И знал ли ты, что я восторжествую?
Исчезнешь ты, свершив, но не любя?
Что я мечту безумно-молодую
Найду в цветах кровавых без тебя?

Мне ни тебя, ни дел твоих не надо,
Ты мне смешон, ты жалок мне, старик!
Твой подвиг – мой, – и мне твоя награда
Безумный смех и сумасшедший крик!

27 декабря 1901

«Черты знакомых лиц...»

Черты знакомых лиц,
Знакомые огни
Уходят от меня.
Мне памятны одни
Те, бедные мои,
Задумчивые дни,
Когда ты, притаясь,
Ждала меня в тени,
И путь бежал, вясь,
И были мы одни...

Таков он был тогда —
Мой сумрачный рассвет,
Начало всех блаженств,
Всех небывалых бед.
Когда же мне блеснет
Тот — настоящий свет?
Когда же мне сверкнет
Тот — пламенный рассвет?
Когда ж он пропоет
Тот — радостный ответ?

28 декабря 1901 (Май 1918)

«Мы, два старца, бредем одинокие...»

Мы, два старца, бредем одинокие,
Сырая простерлась мгла.
Перед нами – окна далекие,
Голубая даль светла.

Но откуда в сумрак таинственный
Смотрит, смотрит свет голубой?
Мы дрожим мечтою единственной,
О, невнятное! пред тобой.

О, откуда, откуда мгlistые
Заалели тучи, горя,
И нити бегут золотистые,
И сумрак румянит заря?..

Мы, два старца, в сумрак таинственный
Бредем, – а в окнах свет.
И дрожим мечтою единственной,
Искушенные мудростью бед.

29 декабря 1901 (1915?)

Ночь на новый год

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.

Скрипнет снег – сердца займутся —
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше – улица темна.
Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные – помеха,
Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полуночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...
Скрипнет снег – в морозной дали
Тихий крадущийся свет.
Чьи-то санки пробежали...
«Ваше имя?» Смех в ответ...
Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо...
И смеющийся и нежный
Закрывает мне лицо...

Лежат холодные туманы,
Бледнея, крадется луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена...

31 декабря 1901

Стихотворения 1902 года

«Я шел – и вслед за мною шли...»

Я шел – и вслед за мною шли
Какие-то неистовые люди.
Их волосы вставали под луной,
И в ужасе, с растерзанной душой
Зубами скрежетали, били в груди,
И разносился скрежет их вдали.

Я шел – и вслед за мной влеклись
Усталые, задумчивые люди.
Они забыли ужас роковой.
Вдыхали тихо аромат ночной
Их впалые измученные груди,
И руки их безжизненно сплелись.

Передо мною шел огнистый столп.
И я считал шаги несметных толп.
И скрежет их, и шорох их ленивый
Я созерцал, безбрежный и счастливый.

7 января 1902

«Бегут неверные дневные тени...»

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятн колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив – и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь;
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятн колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен – я жду твоих шагов.

4 января 1902

«Сгущался мрак церковного порога...»

Сгущался мрак церковного порога
В дни свадеб, в дни рождений, похорон;
А там – вилась широкая дорога,
И путник шел, закатом озарен.

Там не было конца свободной дали,
Но здесь, в тени, не виделось ни зги;
И каждый раз прохожего встречали
Из сумрака ответные шаги.

Церковный свод давал размерным звоном
Всем путникам напутственный ответ,
И в глубине, над сумрачным амвоном,
Остерегающий струился свет.

И, проходя в смеющиеся дали,
Здесь путник ждал, задумчив и смущен,
Чтоб меркнул свет, чтоб звуки замирали...
И дале шел, закатом озарен.

4 января 1902 (Декабрь 1911)

«Высоко с темнотой сливается стена...»

Высоко с темнотой сливается стена,
Там – светлое окно и светлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лестница темна,
И бродит по углам знакомое дрожанье.

В дверях дрожащий свет, и сумерки вокруг
И суета и шум на улице безмерней.
Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг
Последняя мечта моей души вечерней.

11 января 1902

«Туман скрывает берег отдаленный...»

Туман скрывает берег отдаленный.
Ладья бежит – заметней и смелей.
Кто на руле – прекрасный и влюбленный
Тебе поет и гладит шелк кудрей?

Смотрю я вдаль без воли и без плена,
Мой берег пуст, но ясно вижу я —
Поет и блещет розовая пена,
В лучах зари бегущая ладья.

И внятен крик тоскующий и страстный,
И даль нема, и взор еще немей.
И на руле – влюбленный и прекрасный
Тебе поет и гладит шелк кудрей.

12 января 1902

«Там, в полусумраке собора...»

Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.

В речах о мудрости небесной
Земные чуются струи.
Там, в сводах – сумрак неизвестный,
Здесь – холод каменной скамьи.

Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чутся познание
И дрожь голубки и змеи.

14 января 1902

«Из царства сна выходит безнадежность...»

Из царства сна выходит безнадежность —
Как птица серая – туман.
В явь ото сна умчит меня безбрежность,
Как ураган.

Здесь – все года, все боли, все тревоги,
Как птицы черные в полях.
Там нет предела голубой дороге —
Один размах.

Из царства сна звенящей крикну птицей,
Орлом – в туман.
А вы – за мной, нестройной вереницей,
Туда – в обман!

17 января 1902

«Озарен таинственной улыбкой...»

Озарен таинственной улыбкой,
Проводил он дни земли.
Шел на берег – и на глади зыбкой
Льдистый призрак виделся вдали.

Открывались красные ворота
На другом, на другом берегу.
И там – прекрасное что-то,
Казалось, пело в лугу.

Озарен таинственной улыбкой,
Последние проводил он дни —
Не в дневной надежде зыбкой,
Не в ночной приветной тени.

17 января 1902

«Но прощай, о, прощай, человеческий род!...»

Но прощай, о, прощай, человеческий род!
Ты в тумане свои переходишь моря —
Через Красное море туман поползет,
Я покинул туман, предо мною – Заря!
Я смотрю ей в глаза, о, народ, о, народ,
Думы нет, мысли нет, только льдина плывет
Голубая, холодная, – прочь от земли!
Озаренная солнцем смеется вдали!

17 января 1902

«Мы преклонились у завета...»

Мы преклонились у завета,
Молчаньем храма смущены.
В лучах божественного света
Улыбка вспомнилась Жены.

Единодушны и безмолвны,
В одних лучах, в одних стенах,
Постигли солнечные волны
Вверху – на темных куполах.

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины
На праздник мой спустился Кто-то
С улыбкой ласковой Жены.

*18 января 1902 Исаакиевский собор
(Лето 1904)*

На могиле друга

Удалены от мира на кладбище,
Мы вновь с тобой, негданный мертвец.
Ты перешел в последнее жилище,
Я всё в пыли, но вижу свой конец.

Там, в синеве, мы встретим наши зори,
Все наши сны продлятся наяву.
Я за тобой, поверь, мой милый, вскоре
За тем же сном в безбрежность уплыву

22 января 1902 (1910)

«Я укрыт до времени в приделе...»

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет – исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Ты услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели, —
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приделе,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет – в холодные мятели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе.
Но растут всемошнные крыла.

29 января 1902 (1918)

«Целый день – суета у могил...»

Целый день – суета у могил.
В синеватом кадильном дыму
Неизвестный уныло бродил,
Но открылся – лишь мне одному.

Не впервые встречаюсь я с ним.
Он – безликий и странный пришлец.
Задрожали бы все перед ним,
Мне же – радостен бледный мертвец.

Мглистый призрак стоял предо мной
В синеватом куреньи кадил.
Он владеет моею душой.
Он за мною тогда приходил.

Январь 1902 (1918)

«Война горит неукротимо...»

Война горит неукротимо,
Но ты задумайся на миг, —
И голубое станет зримо,
И в голубом – Печальный Лик.

Лишь загляни смиренным оком
В непреходящую лазурь, —
Там – в тихом, в голубом, в широком
Лазурный дым – не рокот бурь.

Старик-пастух стада покинет,
Лазурный догоняя дым.
Тяжелый щит боец отринет,
Гонясь без усталости за ним.

Вот – равные, идут на воле,
На них – одной мечты наряд,
Ведь там, в широком божьем поле,
Нет ни щитов, ни битв, ни стад.

Январь 1902 (25 декабря 1914)

«Вдали мигнул огонь вечерний...»

Вдали мигнул огонь вечерний —
Там расступились облака.
И вновь, как прежде, между терний
Моя дорога нелегка.

Мы разошлись, вкусивши оба
Предчувствий неги и земли.
А сердце празднует до гроба
Зарю, мигнувшую вдали.

Так мимолетно перед нами
Перепорхнула жизнь – и жаль:
Всё мнится – зорь вечерних пламя
В последний раз открыло даль.

Январь 1902 (10 января 1916)

«...И были при последнем издыханьи...»

...И были при последнем издыханьи.
Болезнь пришла и заразила всех.
В последний раз в прерывистом дыханьи
Боролись жизнь, любовь и смертный грех
Он, озарен улыбкой всепознанья,
Нашел удушливый голубоватый смех.

Январь 1902

«В пути – глубокий мрак, и страшны высоты...»

В пути – глубокий мрак, и страшны высоты
Миндаль уже цветет, кузнечик тяжелеет,
И каперса осыпались цветы.
Но здешней суеты душа не сожалеет.

Свершай свои круги, о, чадо смертных чад,
Но вечно жди суда у беспощадной двери
Придет урочный час – и стражи задрожат,
И смолкнут жернова, и смолкнут пеня дочери

Январь 1902

«Уходит день. В пыли дорожной...»

Уходит день. В пыли дорожной
Горят последние лучи.
Их красный отблеск непреложно.
Слился с огнем моей свечи.

И ночь моя другой навстречу
Плывет, медлительно ясна.
Пусть красный отблеск не замечу, —
Придет наверное она.

И всё, что было невозможно
В тревоге дня или поутру,
Свершится здесь, в пыли дорожной,
В лучах закатных, ввечеру.

1 февраля 1902

«Сны раздумий небывалых...»

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.

Все лучи моей свободы
Заалели там.
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши...
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?

3 февраля 1902 (Лето 1914)

«На весенний праздник света...»

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Новый день – не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без умолку смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем...

3 февраля 1902

«Ты была светла до странности...»

Ты была светла до странности
И улыбкой – не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа.
Проглянул сквозь тучи прежние
Яркий отблеск неземной.
Нас колышет безмятежнее
Изумрудною волной.
Я твоей любовной ласкою
Озарен – и вижу сны.
Но, поверь, считаю сказкою
Небывалый знак весны.

8 февраля 1902 (1910)

«Не поймут бескорбные люди...»

Не поймут бескорбные люди
Этих масок, смехов в окне!
Ищу на распутьи безлюдий,
Веселий – не надо мне!

О, странно сладки напевы...
Они кажутся так ясны!
А здесь уже бледные девы
Уготовали путь весны.

Они знают, что мне неведомо,
Но поет теперь лишь одна...
Я за нею – горящим следом —
Всю ночь, всю ночь – у окна!

10 февраля 1902

«Или устал ты до времени...»

Или устал ты до времени,
Просишь забвенья могил,
Сын утомленного племени,
Чуждый воинственных сил?

Ищешь ты кротости, благи,
Где ж молодые огни?
Вот и задумчивой старости
К нам придвигаются дни.

Негде укрыться от времени —
Будет и нам череда...
Бедный из бедного племени!
Ты не любил никогда!

11 февраля 1902 (1918)

«Сны безотчетны, ярки краски...»

*Для солнца возврата нет
«Снегурочка» Островского*

Сны безотчетны, ярки краски,
Я не жалею бледных звезд.
Смотри, как солнечные ласки
В лазури нежат строгий крест.

Так – этим ласкам близ заката
Он отдается, как и мы,
Затем, что Солнцу нет возврата
Из надвигающейся тьмы.

Оно пойдет, и, замирая,
Утихнем мы, погаснет крест, —
И вновь очнемся, отступая
В спокойный холод бледных звезд.

12 февраля 1902

«Мы живем в старинной келье...»

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.

18 февраля 1902 (1915)

«Ты – божий день. Мои мечты...»

Ты – божий день. Мои мечты —
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи – нет конца
Хвалам, и клёкоту, и крикам!

21 февраля 1902 (1910)

«Верю в Солнце Завета...»

*И Дух и Невеста говорят прииди
Апокалипсис*

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

«Кто-то с богом шепчется...»

Кто-то с богом шепчется
У святой иконы.
Тайна жизни теплится,
Благовестны звоны.
Непорочность просится
В двери духа божья.
Сердце переносится
В дали бездорожья.
Здесь – смиренномудрия
Я кладу обеты.
В ризах целомудрия,
О, святая! где ты?
Испытаний силою
Истомленный – жду я
Ласковую, милую,
Вечно молодую.

27 февраля 1902

«Мы всё простим – и не нарушим...»

Мы всё простим – и не нарушим
Покоя девственниц весны,
Огонь божественный потушим,
Прогоним ласковые сны.

Нет меры нашему познанию,
Вещественный не вечен храм
Когда мы воздвигали зданье,
Его паденье снилось нам.

И каждый раз, входя под своды,
Молясь и плача, знали мы:
Здесь пронесутся непогоды,
Снега улягутся зимы.

Февраль 1902

«Целый день передо мною...»

Целый день передо мною,
Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Так, сливаясь с милой, дальней,
Проводил я день весенний
И вечерней светлой тени
Шел навстречу, беспечальный.

Дней блаженных сновиденье —
Шла Ты чистою стезею.
О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Февраль 1902 (1907)

У дверей

Я один шепчу заклатья,
Двери глухо заперты.
Смутно чуются объятия,
В голове – Твои цветы.

Неизведанные шумы
За дверями чужды мне,
И пленительные думы —
Наяву, а не во сне.

Наяву шепчу заклатья, —
Наяву со мною Ты.
Долгожданные объятия —
Не обманы, не мечты.

Февраль 1902 (1916)

«Всю зиму мы плакали, бедные...»

Всю зиму мы плакали, бедные.
Весна отворила двери.
Мы вышли – грустные, бледные,
На сердце – боль и потери.

И шли навстречу томлению,
Полны предчувствий нестройных
И было нам дуновение
Весенних струй беспокойных.

В порыве ветра летучего —
Мечта иль воспоминание
Чего-то смутного, чего-то жгучего
Не этой весны дыхание.

Февраль 1902 (Январь 1916)

«Там сумерки невнятно трепетали...»

Там сумерки невнятно трепетали,
Таинственно сменяя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижали
Заполонил упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинул взоры
На этот смутно отходящий день?
Там, в глубинах, – мечты и мысли скоры
Здесь, на земле, – как сон, и свет и тень

Но я пойму и всё мечтой объемлю,
Отброшу сны, увижу наяву,
Кто тронул здесь одну со мною землю,
За ним в вечерний сумрак уплыву

Февраль 1902 (1912)

«Мы странствовали с Ним по городам...»

Мы странствовали с Ним по городам.
Из окон люди сонные смотрели.
Я шел вперед; а позади – Он Сам,
Всёпроникающий и близкий к цели.

Боялся я моих невольных сил,
Он направлял мой шаг замороженный.
Порой прохожий близко проходил
И тайно вздрагивал, смущенный...

Нас видели по черным городам,
И, сонные, доверчиво смотрели:
Я шел вперед; но позади – Он Сам,
Подобный мне. Но – близкий к цели.

Февраль 1902 (1912)

«Успокоительны, и чудны...»

Успокоительны, и чудны,
И странной тайной повиты
Для нашей жизни многотрудной
Его великие мечты.

Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет,
И все суровые загадки
Находят дерзостный ответ —

В одном луче, туман разбившем,
В одной надежде золотой,
В горячем сердце – победившем
И хлад, и сумрак гробовой.

6 марта 1902

«Гадай и жди. Среди полночи...»

Гадай и жди. Среди полночи
В твоём окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.

И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.

15 марта 1902

«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...»

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.

Остановись на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжести были небеса.

И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали – зубчатые вершины
День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

16 марта 1902 (1913)

«Ты не пленишь. Не жди меня...»

Ты не пленишь. Не жди меня,
Я не вернусь туда,
Откуда в утро злого дня
Ушла моя звезда.

Я для другой храню лучи
Моих великих сил.
Ты не пленишь меня в ночи.
Тебя я не любил.

Я за звездой – тебе чужой,
Я холоден с тобой.
В земле родной огонь живой
Храню я для другой.

16 марта 1902

«Мы шли заветною тропою...»

Мы шли заветною тропою
Сегодня ночью в светлом сне,
Ты в покрывало голубое
Закуталась, клонясь ко мне.

И, наяву не знавший ласки,
Всегда томившийся от ран,
В неизреченной, сонной сказке
Я обнимал твой милый стан.

Как бесконечны были складки
Твоей одежды голубой...
И в сердце больше нет загадки
Да, Ты и наяву – со мной.

22 марта 1902 (20 февраля 1915)

«Травы спят красивые...»

Травы спят красивые,
Полные росы.
В небе – тайно лживые
Лунные красы.

Этих трав дыхания
Нам обманный сон.
Я в твои мечтания
Страстно погружен.

Верится и чудится:
Мы – в согласном сне,
Всё, что хочешь, сбудется
Наклонись ко мне.

Обними – и встретимся,
Спрячемся в траве,
А потом засветимся
В лунной синеве.

22 марта 1902

«Мой вечер близок и безволен...»

Мой вечер близок и безволен.
Чуть вечереют небеса, —
Несутся звуки с колоколен,
Крылатых слышу голоса.

Ты – ласковым и тонким жалом
Мои пытаешь глубины,
Слежу прозрением усталым
За вестью чуждой мне весны.

Меж нас – случайное волнение.
Случайно сладостный обман —
Меня обрек на поклоненье,
Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдалении
Замрут печально голоса,
Когда окутанные тенью
Мои погаснут небеса.

27 марта 1902 (Лето 1904)

«Ты – злая колдунья. Мой вечер в огне...»

Ты – злая колдунья. Мой вечер в огне
Багрянец и злато горят.
Ты светишься денно и ночью во мне,
Но твой презираю наряд.

Я царь еще в жизни, – твоих багряниц
Не страшен ни звон мне, ни свет.
Воспряну в отчизне, поверженный ниц,
Исторгну последний ответ!

30 марта 1902

«На темном пороге тайком...»

На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.
Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...

Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...
Слова о какой-то любви...
И, боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Всё призрак – всё горе – всё ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902 (1910)

«Я медленно сходил с ума...»

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902 (Февраль 1914)

«Я жалок в глубоком бессильи...»

Я жалок в глубоком бессильи,
Но Ты всё ясней и прелестней.
Там бьются лазурные крылья,
Трепещет знакомая песня.

В порыве безумном и сладком,
В пустыне горящего гнева,
Доверюсь бездонным загадкам
Очей Твоих, Светлая Дева!

Пускай не избегну неволи,
Пускай безнадежна утрата, —
Ты здесь, в неисходной юдоли,
Безгневно взглянула когда-то!

Март 1902 (1916)

«Испытанный, стою на грани...»

Испытанный, стою на грани.
Земных свершений жизни жду.
Они взметнутся в урагане,
В экстазе, в страсти и в бреду.

Испытанный, последних терний
Я жду перед вечерней мглой.
Но засветить огонь вечерний
В моей ли власти молодой?

Март 1902

«Весна в реке ломает льдины...»

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.

Что сожалеть в дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

Март 1902

«Ищи разгадку ожиданий...»

Ищи разгадку ожиданий
В снегах зимы, в цветах весны,
В часы разлук, в часы свиданий
Изведай сердца глубины...

В томленьях страстного недуга,
В полях ожесточенных битв,
В тиши некошенного луга
Не забывай своих молитв.

Март 1902 (Январь 1916)

«Кто-то вздохнул у могилы...»

Кто-то вздохнул у могилы,
Пламя лампадки плывет.
Слышится голос унылый —
Старый священник идет.
Шепчет он тихие речи,
Всё имена, имена...
Тают и теплятся свечи,
И тишина, тишина...
Кто же вздохнул у могилы,
Чья облегчается грудь?
Скорбную душу помилуй,
Господи! Дай отдохнуть.

Март 1902

«Кто плачет здесь? На мирные ступени...»

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все – в открытые врата.
Там – в глубине – Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена.
Твой милый пал, но весть в кровавом поле,
Весть о Любви – по-прежнему ясна.

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь всё – Любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Март 1902

«Ловлю дрожащие, хладеющие руки;...»

Ловлю дрожащие, хладеющие руки;
Бледнеют в сумраке знакомые черты!..
Моя ты, вся моя – до завтрашней разлуки,
Мне всё равно – со мной до утра ты.
Последние слова, изнемогая,
Ты шепчешь без конца, в неизреченном сне.
И тусклая свеча, бессильно догорая,
Нас погружает в мрак, – и ты со мной,
во мне...
Прошли года, и ты – моя, я знаю,
Ловлю блаженный миг, смотрю в твои черты,
И жаркие слова невнятно повторяю...
До завтра ты – моя... со мной до утра ты...

Март 1902

«У окна не ветер бродит...»

У окна не ветер бродит,
Задувается свеча.
Кто-то близкий тихо входит,
Встал – и дышит у плеча.

Обернусь и испугаюсь...
И смотрю вперед – в окно:
Вот, шатаясь, извиваясь,
Потянулся на гумно...

Не туман – красивый, белый,
Непонятный, как во сне...
Он – таинственное дело
Нашептать пришел ко мне...

Март 1902

«Ты, отчаянье жизни моей...»

Ты, отчаянье жизни моей,
Без цветов предо мной и без слез!
В полусумраке дней и ночей
Безответный и страшный вопрос!

Ты, тревога рассветных минут,
Непонятный, торжественный гул,
Где невнятные звуки растут,
Где Незримый Хранитель вздохнул!

Вас лелея, зову я теперь:
Укажите мне, скоро ль рассвет?
Вот уж дрогнула темная дверь,
Набежал исчезающий свет.

1 апреля 1902 (Февраль 1914)

«Утомленный, я терял надежды...»

Утомленный, я терял надежды,
Подходила темная тоска.
Забелели чистые одежды,
Задрожала тихая рука.

«Ты ли здесь? Долина потонула
В безысходном, в непробудном сне.
Ты сошла, коснулась и вздохнула, —
День свободы завтра мне?» —

«Я сошла, с тобой до утра буду,
На рассвете твой покину сон,
Без следа исчезну, всё забуду, —
Ты проснешься, вновь освобожден».

1 апреля 1902

«Странных и новых ищущих на страницах...»

Странных и новых ищущих на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шепотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни – строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блекнут ланиты у дев златокудых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

4 апреля 1902

«Днем вершу я дела суеты...»

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная – ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд,
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и люблюсь, и жду
Переливчатых красок и слов
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по сердцу белая ложь..
Завершая дневные дела,
Знаю – вечером снова придешь.

5 апреля 1902

«Люблю высокие соборы...»

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с неизменным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот – содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

«В сумерки девушку стройную...»

В сумерки девушку стройную
В рощу уводит луна.
Смотрит на рощу спокойную,
Бродит, тоскует она.

Стройного юноши пение
В сумерки слышно в лугах.
В звуках – печаль и томление,
Милая – в грустных словах.
В сумерки белый поднимется,
Рощу, луга окружит,
Милая с милым обнимется,
Песня в лугах замолчит.

10 апреля 1902 (Декабрь 1915)

«Я знаю день моих проклятий...»

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой довременный скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он – распутье сторожит.

Его докучливые крики —
То близко, то издалика —
И страх, и стыд, и ужас дикий,
И обнаженная тоска.

И на распутьи – пленник жалкий
Я спотыкаюсь, я кричу...
Он манит белою русалкой,
Он теплит издали свечу...

И, весь измучен, в исступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На безысходное мученье,
На безысходную любовь.

13 апреля 1902 (1908?)

«Мы отошли и стали у кормила...»

Мы отошли и стали у кормила,
Где мимо шли серебристые струи.
И наблюдали вздутое ветрило,
И вечер дня, и линии твои.

Теряясь в мгле, ты ветром управляла
Бесстрашная, на водной быстрине.
Ты, как заря, невнятно догорала
В его душе – и пела обо мне.

И каждый звук – короткий и протяжный
Я измерял, блаженный, у руля.
А он смотрел, задумчивый и важный,
Как вдалеке туманилась земля...

13 апреля 1902

«Завтра в сумерки встретимся мы...»

Завтра в сумерки встретимся мы
Ты протянешь приветливо руки.
Но на памяти – с прежней зимы
Непонятно тоскливые звуки.
Ты, я знаю, запомнила дни
Заблуждений моих и тревог.
И когда мы с тобою одни
И безмолвен соседний порог,
Начинают незримо летать
Одинокие искры твои,
Начинаю тебя узнавать
Под напевами близкой любви,
И на миг ты по-прежнему – ты,
Легкой дрожью даешь вспоминать
О блаженстве протекшей зимы,
Отдаленной, но верной мечты,
Под напевом мороза и тьмы
Начинаешь дрожать и роптать,
И, как прежде, мгновенную речь
Я стараюсь во тьме подстеречь...

13 апреля 1902

«Я тишиною очарован...»

Я тишиною очарован
Здесь – на дорожном полотне.
К тебе я мысленно прикован
В моей певучей тишине.

Там ворон каркает высоко,
И вдруг – в лазури потонул.
Из бледноватого далека
Железный возникает гул.

Вчера твое я слышал слово,
С тобой расстался лишь вчера,
Но тишина мне шепчет снова.
Не так нам встретиться пора.

Вдали от суетных селений,
Среди зеленой тишины
Обрести утраченные сны
Иных, несбыточных волнений.

*18 апреля 1902
На полотне Фин. жел. дороги
(Декабрь 1915)*

«Я – тварь дрожащая. Лучами...»

Я – тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснеют сны.
Перед Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какие цели
Таишь в глубинах Роз Твоих,
Какие ангелы слетели,
Кто у преддверия затих...
В Тебе таятся в ожиданьи
Великий свет и злая тьма —
Разгадка всякого познания
И бред великого ума.

26 апреля 1902 (1915)

«Ты – молитва лазурная...»

Ты – молитва лазурная,
Ты – пустынная тишь,
В это небо безбурное
Молчаливо глядишь.

Здесь – пустыня безгранная,
Я замолк, и приник,
И вдыхаю, желанная,
Твой певучий родник.

Мне и мнится и верится
В бездыханной тиши:
В этой жизни измерится
Гнев пустынной души.

27 апреля 1902 (1908)

«Слышу колокол. В поле весна...»

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез.
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес...
Ты забудешь меня, как простила.

Апрель 1902 (Лето 1904)

«Там – в улице стоял какой-то дом...»

Там – в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, – и снова тьма бродила.

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикреплен болтом
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице – при свете лампы желтом.

Там наверху окно смотрело вниз,
Завешанное неподвижной шторой,
И, словно лоб наморщенный, карниз
Гримасу придавал стене – и взоры...

Там, в сумерках, дрожал в окошках свет,
И было пенье, музыка и танцы.
А с улицы – ни слов, ни звуков нет, —
И только стекло выступали глянца.

По лестнице над сумрачным двором
Мелькала тень, и лампа чуть светила.
Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

1 мая 1902

«Я и мир – снега, ручьи...»

Я и мир – снега, ручьи,
Солнце, песни, звезды, птицы,
Смутных мыслей вереницы —
Все подвластны, все – Твои!

Нам не страшен вечный плен,
Незаметна узость стен,
И от грани и до грани
Нам довольно содроганий,
Нам довольно перемен!

Возлюбить, возненавидеть
Мироздания скрытый смысл,
Чёт и нечет мертвых числ, —
И вверху – Тебя увидеть!

10 мая 1902 (1918)

«Мы встречались с тобой на закате...»

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди – на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, стараний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

13 мая 1902

«Ты не ушла. Но, может быть...»

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе
Могла исчерпать и избыть
Всё мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

28 мая 1902 (Декабрь 1911)

«Тебя скрывали туманы...»

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

«Когда святого забвения...»

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь,
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь, тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, —
Иду, — и песни не те...

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Май 1902

«Проходят сны и женственные тени...»

Проходят сны и женственные тени,
В зеленый пруд смотрю я, не дыша.
Туда сойдут вечерние ступени,
Забывтый сон воспразднует душа.

Безводный сон мгновенной и короче,
Мой сон продлит зеленая вода.
Настанет ночь – и влажно вскроешь очи
И ты на дне заглохшего пруда.

Они проходят, женственные тени
Безмирные и сладостные сны.
К ним возведу забытые ступени,
Воспраздную желаний глубины.

Май 1902

Ботанический сад

«Поздно. В окошко закрытое...»

Поздно. В окошко закрытое
Горькая мудрость стучит.
Всё ликование забытое
Перелетело в зенит.

Поздно. Меня не обманешь ты.
Смейся же, светлая тень!
В небе купаться устанешь ты —
Вечером сменится день.

Сменится мертвенной скукою —
Краски поблекнут твои...
Мудрость моя близорукая!
Темные годы мои!

Май 1902

«Сплетались времена, сплетались страны...»

Сплетались времена, сплетались страны
Мы из Венеции на север шли.
Мы видели дождливые туманы,
Оторвались, – и к Лидо подошли.

Но берег пуст, и даль оделась в сети
И долгого и тонкого дождя.
Мы подождем. Мы будем только дети,
В живой игре на север уходя.

Так началось времен изображение.
Игра веков! О, как ты дорога!
Бесчисленные развернулись звенья,
Летели брызги, искры, жемчуга.

Но кто прошел? кто заглянул в туманы?
Игру, мечту – кто видел издали?..
Сплетались времена, сплетались страны,
Мы, не свершив, на север отошли.

2 июня 1902

«Брожу в стенах монастыря...»

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брезжит бледная заря, —
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег – белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братии мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

11 июня 1902

«Ушли в туман мечтания...»

Ушли в туман мечтания,
Забылись все слова:
Вся в розовом сиянии
Воскресла синева.

Умчались тучи грозные,
И пролились дожди.
Великое, бесслезное!..
Надейся, верь и жди.

30 июня 1902

«Вот снова пошатнулись дали...»

Вот снова пошатнулись дали,
Бегут, синеющие, в высь.
Открыли всё, что закрывали,
И, засмеявшись, вновь слились...

Пусть же долго без просвета
Клубятся тяжко облака.
Ты неизбежна. Дева Света,
Душа – предчувствием легка.

Она займется в час вечерний,
В прохладном таинстве струи,
И скроет свой восторг безмерный
В одежды белые Твои.

Июнь 1902 (1913)

«Хоронил я тебя, и, тоскуя...»

Хоронил я тебя, и, тоскуя,
Я растил на могиле цветы,
Но в лазури, звеня и ликуя,
Трепетала, блаженная, ты.
И к родимой земле я клонился,
И уйти за тобою хотел,
Но, когда я рыдал и молился,
Звонкий смех твой ко мне долетел.
Похоронные слезы напрасны —
Ты трепещешь, смеешься, жива!
И растут на могиле прекрасной
Не цветы – огневые слова!

Июнь 1902 (18 ноября 1920)

«На ржавых петлях открываю ставни...»

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожке,
Твои черты, философ и ваятель,
Изобразу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображение,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!..»

Июнь 1902

«Золотокудрый ангел дня...»

Золотокудрый ангел дня
В ночную фею обратится,
Но и она уйдет, звеня,
Как мимолетный сон приснится.

Предел наш – синяя лазурь
И лоно матери земное.
В них тишина – предвестье бурь,
И бури – вестницы покоя.

Пока ты жив, – один закон
Младенцу, мудрецу и деве.
Зачем же, смертный, ты смущен
Преступным сном о божьем гневe?

Лето 1902 (1910)

«Пробивалась певучим потоком...»

Пробивалась певучим потоком,
Уходила в немую лазурь,
Исчезала в просторе глубоком
Отдаленным мечтанием бурь.
Мы, забыты в стране одичалой,
Жили бедные, чуждые слез,
Трепетали, молились на скалы,
Не видали сгарающих роз.
Вдруг примчалась на север угрюмый,
В небывалой предстала красе,
Назвала себя смертною думой,
Солнце, месяц и звезды в косе.
Отошли облака и тревоги,
Всё житейское – в сладостной мгле,
Побежали святые дороги,
Словно небо вернулось к земле.
И на нашей земле одичалой
Мы постигли сгарания роз.
Злые думы и гордые скалы —
Всё растаяло в пламени слез.

1 июля 1902

На смерть деда (1 июля 1902 г.)

Мы вместе ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдруг ветерком пахнуло от окна,
Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шел – уже, как лунь, седой —
Походкой бодрою, с веселыми глазами,
Смеялся нам, и всё манил рукой,
И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был, – и стар и млад
Узнали в нем того, кто перед нами,
И, обернувшись с трепетом назад,
Застали прах с закрытыми глазами...

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидеть веселье.
Пришел наш час – запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

2 июля 1902

«Не бойся умереть в пути...»

Не бойся умереть в пути.
Не бойся ни вражды, ни дружбы.
Внимай словам церковной службы,
Чтоб грани страха перейти.

Она сама к тебе сойдет.
Уже не будешь в рабстве тленном
Манить смеющийся восход
В обличьи бедном и смиренном.

Она и ты – один закон,
Одно веленье Высшей Воли.
Ты не навеки обречен
Отчаянной и смертной боли.

5 июля 1902 (1915)

«Я, отрок, зажигаю свечи...»

*Имеющий невесту есть жених,
а друг жениха, стоящий и внимающий ему,
радостью радуется, слыша голос жениха.*

От Иоанна III, 21

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

7 июля 1902

«Говорили короткие речи...»

Говорили короткие речи,
К ночи ждали странных вестей.
Никто не вышел навстречу.
Я стоял один у дверей.

Подходили многие к дому,
Крича и плача навзрыд.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнал
Сумасшедший бред о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить.

Так стоял один – без тревоги.
Смотрел на горы вдали.
А там – на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

15 июля 1902

«Сбежал с горы и замер в чаще...»

Сбежал с горы и замер в чаще.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце – злей и чаще!
Меня проищут до зари.

Огонь болотный им неведом.
Мои глаза – глаза совы.
Пускай бегут за мною следом
Среди запутанной травы.

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.

21 июля 1902

«Как сон, уходит летний день...»

Как сон, уходит летний день,
И летний вечер только снится.
За ленью дальних деревень
Моя задумчивость таится.

Дышу и мыслю и терплю.
Кровавый запад так чудесен...
Я этот час, как сон, люблю,
И силы нет страшиться песен.

Я в этот час перед тобой
Во прахе горестной душою.
Мне жутко с песней громовой
Под этой тучей грозвою.

27 июля 1902

«Зову тебя в дыму пожара...»

Зову тебя в дыму пожара,
В тревоге, в страсти и в пути.
Ты – чудодейственная кара,
К земле грозящая сойти.

Но в этом сумраке бездумном,
В отдохновительные дни —
Я полон мыслью о бесшумном,
И сердце прячется в тени.

О, пробуди на подвиг ратный,
Тревогой бранной напои!
Восторг живой и благодатный —
Бряцанья звонкие твои!

В суровом дуновеньи брани
Воспряну, вскрикну и пойму
Мечты, плывущие в тумане,
Черты, сквозящие в дыму!

26 июля 1902 (1918)

«Я и молод, и свеж, и влюблен...»

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленую, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листьям —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

31 июля 1902

«Ужасен холод вечеров...»

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Июль 1902

«Инок шел и нес святые знаки...»

Инок шел и нес святые знаки.
На пути, в желтеющих полях,
Разгорелись огненные маки,
Отразились в пасмурных очах.

Он узнал, о чем душа сгорала,
Заглянул в бледнеющую высь.
Там приснилось, ветром нашептало
«Отрок, в небо поднимись.

Милый, милый, вечные надежды
Мы лелеем посреди небес...»
Он покинул темные одежды,
Загорелся, воспарил, исчез.

А за ним – росли восстаний знаки,
Красной вестью вечного огня
Разгорались дерзостные маки,
Побеждало солнце Дня.

1 августа 1902

«За темной далью городской...»

За темной далью городской
Терялся белый лед.
Я подружился с темнотой,
Замедлил быстрый ход.

Ревело с черной высоты
И приносило снег.
Навстречу мне из темноты
Поднялся человек.

Лицо скрывая от меня,
Он быстро шел вперед —
Туда, где не было огня
И где кончался лед.

Он обернулся – встретил я
Один горящий глаз.
Потом сомкнулась полынья
Его огонь погас.

Слилось морозное кольцо
В спокойный струйный бег.
Зарделось нежное лицо,
Вздохнул холодный снег.

И я не знал, когда и где
Явился и исчез —
Как опрокинулся в воде
Лазурный сон небес.

4 августа 1902

«Свет в окошке шатался...»

Свет в окошке шатался,
В полумраке – один —
У подъезда шептался
С темнотою арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху – за стеною —
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

Он – мечом деревянным
Начертал письма.
Восхищенная странным,
Потуплялась Она.

Восхищенью не веря,
С темнотою – один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

6 августа 1902

Боец

Я облачился перед битвой
В доспехи черного слуги.
Вам не спасти себя молитвой,
Остервенелые враги!

Клинок мой дьяволом отточен,
Вам на погибель, вам на зло!
Залог побед за мной упрочен
Неотвратимо и светло.

Ты не спасешь себя молитвой
Дрожи, скрывайся и беги!
Я облачился перед битвой
В доспехи черного слуги.

13 августа 1902 (24 января 1916)

«Всё, чем дышал я...»

Всё, чем дышал я,
Чем ты жила,
Вчера умчал я
В пустыню зла.

Там насажу я
Мои цветы.
В гробу вздохну я —
Услышишь ты

О темной дали
Великих лет,
Когда мы знали
Вечерний свет.

14 августа 1902 (1908)

«Тебе, Тебе, с иного света...»

Тебе, Тебе, с иного света,
Мой Друг, мой Ангел, мой Закон!
Прости безумного поэта,
К тебе не возвратится он.

Я был безумен и печален,
Я искушал свою судьбу,
Я золотистым сном ужален
И чаю таинства в гробу.

Ты просияла мне из ночи,
Из бедной жизни увела,
Ты долу опустила очи,
Мою Ты музу приняла.

В гробу я слышу голос птичий,
Весна близка, земля сыра.
Мне золотой косы девичьей
Понятна томная игра.

14 августа 1902 (1908)

«Моя душа в смятеньи страха...»

Моя душа в смятеньи страха
На страже смерти заждалась,
Как молодая Андромаха
В печальный пеплум облеклась.

Увы, не встанет Гектор новый,
Сражен Ахиллом у стены,
И долговечные оковы
Жене печальной суждены.

Вот он ведет ее из брани —
Всесокрушающий Ахилл,
И далеко, в горящем стане,
Сраженья затихает пыл.

15 августа 1902

«Прости. Я холодность заметил...»

Прости. Я холодность заметил
Равно – в тревоге и в тиши.
О, если бы хоть миг был светел
Бесцельный май твоей души!

О, если б знала ты величье
Неслыханное бытия!
О, если б пало безразличье,
Мы знали б счастье – ты и я!

Но это счастье невозможно,
Как невозможны все мечты,
Которые порою ложно
Моей душе внушаешь ты.

26 августа 1902 (Февраль 1914)

«Пытался сердцем отдохнуть я...»

Пытался сердцем отдохнуть я —
Ужель не сбросить этих снов!
Но кто-то ждал на перепутьи
Моих последних, страшных слов...

Он ждет еще. Редуют тени,
Яснее, ближе сон конца.
Он спрятал голову в колени
И не покажет мне лица.

Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен.

И в этот час в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье Пришлеца.

27 августа 1902

«Золотистой долиной...»

Золотистой долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.

29 августа 1902

«Без Меня б твои сны улетали...»

Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты вспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.

Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...

Август 1902 (1915)

«В чужбину по гудящей стали...»

В чужбину по гудящей стали
Лечу, опомнившись едва,
И, веря обещаньям дали,
Твержу вчерашние слова.

Теперь я знаю: где-то в мире,
За далью каменных дорог,
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу бог.

И нам недолго любоваться
На эти, здешние пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут новые миры.

Август 1902 (Февраль 1914)

«Я вышел в ночь – узнать, понять...»

Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, наполнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я – и услышал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далёко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Но здесь, и дальше – ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

6 сентября 1902

«Безрадостные всходят семена...»

Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
В моей душе открылись письма.
Я их таю – в селеньях, на распутьях...
И крадусь я, как тень, у лунных стен.
Меняются, темнеют, гложут стены.
Мне сладостно от всяких перемен,
Мне каждый день рождает перемены.
О, как я жив, как бьет ключами кровь!
Я здесь родной с подземными ключами!
Мгновенья тайн! Ты, вечная любовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!
Растет, растет великая стена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях..
Я вас открыл, святые письма.
Я вас храню с улыбкой на распутьях.

6 сентября 1902 (1910)

«Давно хожу я под окнами...»

Давно хожу я под окнами,
Но видел ее лишь раз.
Я в небе слежу за волокнами
И думаю: день погас.

Давно я думу печальную
Всю отдал за милый сон.
Но песню шепчу прощальную
И думаю: где же он?

Она окно занавесила —
Не смотрит ли милый глаз?
Но сердцу, сердцу не весело:
Я видел ее лишь раз.

Погасло небо осеннее
И розовый небосклон.
А я считаю мгновения
И думаю: где же сон?

7 сентября 1902

«Смолкали и говор, и шутки...»

Смолкали и говор, и шутки,
Входили, главы обнажив.
Был воздух туманный и жуткий,
В углу раздавался призыв... —

Призыв к неизвестной надежде,
За ним – тишина, тишина...
Там женщина в черной одежде
Читала, крестясь, письмена.

А люди, не зная святыни,
Искали на бледном лице
Тоски об утраченном сыне,
Печали о раннем конце...

Она же, собравшись в дорогу,
Узнала, что жив ее сын,
Что где-то он тянется к богу,
Что где-то он плачет один...

И только последняя тягость
Осталась – сойти в его тьму,
Поведать великую радость,
Чтоб стало полегче ему...

11 сентября 1902 (24 мая 1918)

«В городе колокол бился...»

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.
Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,
Билось по-прежнему сердце,
Не изменялась душа.

Всё отошло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

15 сентября 1902 (1907)

«Я просыпался и всходил...»

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну – и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1902

«Как старинной легенды слова...»

Как старинной легенды слова,
Твоя тяжкая прелесть чиста.
Побелела, поблекла трава —
Всё жива еще сила листа.

Как трава, изменяя цвета,
Затаилась – а всё не мертва,
Так – сегодня и завтра не та —
Ты меняешь убор – и жива.

Но иная проснется весна,
Напряжется иная струна, —
И уйдешь Ты, умрешь, как трава,
Как старинной легенды слова.

22 сентября 1902 (Декабрь 1915)

«Мы – чернецы, бредущие во мгле...»

Мы – чернецы, бредущие во мгле,
Куда ведет нас факел знания
И старый жрец с морщиной на челе,
Изобличающей страдания.

Молчим, точа незнаемый гранит,
Кругом – лишь каменные звуки.
Он свысока рассеянно глядит
И направляет наши руки.

Мы дрогнем. Прозвонит, упав, кирка —
Взглянуть в глаза не всякий смеет...
Лишь старый жрец – улыбкой свысока
На нас блеснет – и страх рассеет.

24 сентября 1902 (Апрель 1918)

Экклесиаст

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда – в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдненным солнцем залитая;
Идешь – повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот – кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся деревья.

Всё диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

«Она стройна и высока...»

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Следил за ней, на всё готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она – и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.
Мелькали желтые огни

И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее серебристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

27 сентября 1902

«Они говорили о ранней весне...»

Они говорили о ранней весне,
О белых, синих снегах.
А там – горела звезда в вышине,
Горели две жизни в мечтах.

И смутно помня прошедший день,
Приветствуя сонную мглу,
Они чуяли храм – и холод ступень,
И его золотую иглу.

Но сказкой веяла синяя даль, —
За сказкой – утренний свет.
И брезжило утро – и тихо печаль
Обнимала последний ответ.

И день всходил – величав и строг —
Она заглянула в высь...
В суровой мгле холодел порог
И золото мертвых риз.

1 февраля – 28 сентября 1902 (1915)

«Когда я вышел – были зори...»

Когда я вышел – были зори,
Белело утро впереди.
Я думал: забелеет вскоре
Забытое в моей груди.
О, час коварный, миг случайный'
Я сердцем слаб во тьме ночной,
И этой исповедью тайной
В слезах излился пред тобой...
И вышел в снах – и в отдаленьи
Пошла покинутая там,
И я поверил на мгновенье
Встающим в сумраке домам.
Смотрел на ласковые зори,
Мечтал про утро впереди
И думал: забелеет вскоре
Давно забытое в груди...

17 апреля – 28 сентября 1902

«Был вечер поздний и багровый...»

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искарюта
Улыбку видели гонцы.

19 апреля – 28 сентября 1902 (1907?)

Старик

А. С. Ф.

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то – там – нас было двое,
Но то во сне – не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было, или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

Случайному

Ты мне явился, темнокудрый,
Ты просиял мне и потух.
Всё, что сказал ты, было мудро,
Но ты бедней, чем тот пастух.

Он говорил со мной о счастье,
На незнакомом языке,
Он пел о буре, о ненасти
И помнил битвы вдалеке.

Его слова казались песней.
Восторг и бури люблю,
Он показался мне чудесней
И увлекательней тебя.

И я, задумчиво играя
Его богатством у костра,
Сегодня томно забываю
Тебя, сиявшего вчера.

30 сентября 1902 (13 ноября 1915)

«Стремленья сердца непомерны...»

Стремленья сердца непомерны,
Но на вершинах – маяки.
Они испытаны и верны,
И бесконечно далеки.
Там стерегут мое паденье
Веселых ангелов четы.
Там лучезарным сновиденьем
В лазури строгой блещешь Ты.
Призвал ли я Тебя из праха,
Иль Ты Сама ко мне сошла,
Но, неизведанного страха,
Душа, вкусивши, замерла...

15 – 30 сентября 1902 (1908?)

«Передо мной – моя дорога...»

Передо мной – моя дорога,
Хранитель вьется в высоте:
То – ангел, ропщущий на бога
В неизъяснимой чистоте.

К нему не долетают стоны,
Ему до неба – взмах крыла,
Но тайновиденья законы
Еще земля превозмогла.

Он, белокрылый, звонко бьется,
Я отразил его мятеж:
Высоко песня раздается, —
Здесь – вздохи те же, звуки те ж.

И я тянусь, подобный стеблю,
В голубоватый сумрак дня,
И тайно вздохами колеблю
Траву, обнявшую меня.

30 сентября 1902

«Всё, что в море покоит волну...»

Всё, что в море покоит волну,
Всколыхнет ее в бурные дни.
Я и ныне дремлю и усну —
До заката меня не мани...

О, я знаю, что солнце падет
За вершину прибрежной скалы!
Всё в единую тайну сольет
Тишина окружающей мглы!

Если знал я твои имена, —
Для меня они в ночь отошли...
Я с Тобой, золотая жена,
Облеченная в сумрак земли.

Сентябрь 1902

«Все они загораются здесь...»

Все они загораются здесь.
Там – туманы и мертвенный дым,
Безначальная хмурая весь,
С ней роднюся я духом моим.
Но огни еще всё горячи,
Всё томлюсь в огневой полосе...
Только дума рождает ключи,
Холодеющий сон о красе...
Ах, и дума уйдет и замрет,
Будет прежняя сила кипеть,
Только милая сердцу вздохнет,
Только бросит мне зов – улететь.
Полетим в беззаконную весь,
В вышине, воздыхая, замрем..
Только ужас рождается здесь.
Там – лишь нежная память о нем.

Сентябрь 1902

«Я ждал под окнами в тени...»

Я ждал под окнами в тени,
Готовый гибнуть и смеяться.
Они ушли туда – одни —
Любить, мечтать и целоваться

Рука сжимала тонкий нож.
В лохмотьях, нищий, был я жалок
Мечтал про счастье и про ложь,
Про белых, девственных русалок.

И, дрогнув, пробежала тень,
Спешил рассеянный прохожий.
Там смутно нарождался день,
С прошедшим схожий и несхожий.

И вот они – вдвоем – одни...
Он шепчет, жмет, целует руки...
И замер я в моей тени,
Раздавлен тайной серой скуки.

Сентябрь 1902

«При желтом свете веселились...»

При желтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.

Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...

Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...

Сентябрь 1902

«О легендах, о сказках, о тайнах...»

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думах случайных
Начертался и вихри пронес.

Мы терзались, стирались веками,
Закаляли железом сердца,
Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И пред ним распростерты долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной железом мечте.

Сентябрь 1902

«Он входил простой и скудный...»

Он входил простой и скудный,
Не дыша, молчал и гас.
Неотступный, изумрудный
На него смеялся глаз.

Или тайно изумленный
На него смотрел в тиши.
Он молчал, замороженный
Сладкой близостью души.

Но всегда, считая миги,
Знал – изменится она.
На страницах тайной книги
Видел те же письмена.

Странен был, простой и скудный
Молчаливый нелюдим.
И внимательный, и чудный
Тайный глаз следил за ним.

Сентябрь 1902

«Явился он на стройном бале...»

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре – в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит – пристальный – один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там – в углу – под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

«Свобода смотрит в синеву...»

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За желто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью – светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у побережий.

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос.

10 октября 1902 (Лето 1904)

«Ушел он, скрылся в ночи...»

Ушел он, скрылся в ночи,
Никто не знает, куда.
На столе остались ключи,
В столе – указанье следа.

И кто же думал тогда,
Что он не придет домой?
Стихла ночная езда —
Он был обручен с Женой.

На белом холодном снегу
Он сердце свое убил.
А думал, что с Ней в лугу
Средь белых лилий ходил.

Вот брезжит утренний свет,
Но дома его всё нет.
Невеста напрасно ждет,
Он был, но он не придет.

12 октября 1902 (1916)

«О легендах, о сказках, о мигах:...»

О легендах, о сказках, о мигах:
Я искал до скончания дней
В запыленных, зачитанных книгах
Сокровенную сказку о Ней.

Об отчаяньи муки напрасной:
Я стою у последних ворот
И не знаю – в очах у Прекрасной
Сокровенный огонь, или лед.

О последнем, о светлом, о зыбком:
Не открою, и дрогну, и жду:
Верю тихим осенним улыбкам,
Золотистому солнцу на льду.

17 октября 1902 (1907)

Religio⁹

1

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, Хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

2

Безмолвный призрак в терему,
Я – черный раб проклятой крови
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронутом алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь – один Завет
Завет служенья Непостижной.

18 октября 1902

⁹ Благочестие (лат.).

«Вхожу я в темные храмы...»

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю, бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни
Но я верю: Милая – Ты.

25 октября 1902

«Ты свята, но я Тебе не верю...»

Ты свята, но я Тебе не верю,
И давно всё знаю наперед:
Будет день, и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я взывать к Тебе: «Осанна!»,
Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний

29 октября 1902

«Будет день, словно миг веселья...»

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда – величавей и краше,
Без сомнений и дум приму
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

«Блаженный, забытый в пустыне...»

Блаженный, забытый в пустыне,
Ищу небывалых распятий.
Молюсь небывалой богине —
Владыке исчезнувших ратей.

Ищу тишины и безлюдий,
Питаюсь одною отравой.
Истерзанный, с язвой кровавой,
Когда-нибудь выйду к вам, люди!

Октябрь 1902 (20 февраля 1915)

«Его встречали повсюду...»

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чужак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

«Они живут под серой тучей...»

Они живут под серой тучей.
Я им чужда и не нужна.
Они не вспомнят тех созвучий,
Которым я научена.

Я всё молчу и всё тоскую.
Слова их бледны и темны.
Я вспоминаю голубую
Лазурь родимой стороны.

Как странно им на все вопросы
Встречать молчанье и вопрос!
Но им приятно гладить косы
Моих распущенных волос.

Их удивленье не обидно,
Но в предвечерние часы
Мне иногда бывает стыдно
Моей распущенной косы.

Октябрь 1902

«Мысли мои утопают в бессилии...»

Мысли мои утопают в бессилии.
Душно, светло, безотрадно и весело.
Ты, прозвеневшая в странном обилии,
Душу мою торжеством занавесила.

Нет Тебе имени. Незреченная,
Ты – моя тайна, до времени скрытая,
Солнце мое, в торжество облеченное,
Чаша блаженная и ядовитая!

Октябрь 1902

«Разгораются тайные знаки...»

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.

Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре – голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар – впереди.

Октябрь 1902

«Мне страшно с Тобой встречаться...»

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму – живут, или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты – там.

5 ноября 1902

«Дома растут, как желанья...»

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись...»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

7 – 8 ноября 1902 года

Осанна! Тыходишь в терем!
Ты – Голос, Ты – Слава Царицы!
Поем, вопием и верим,
Но нас гнетут багряницы!
Мы слепы от слез кровавых,
Оглушенные криками тлений.

.....
Но в небывалых словах
Принесла нам вздохи курений!

«Я их хранил в приделе Иоанна...»

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, – хранил огонь лампад.

И вот – Она, и к Ней – моя Осанна —
Венец трудов – превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
О на дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один – пророк – дрожал в дыму кадил.

И в Оный День – один участник Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902

Сфинкс

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Задрожали слова оскорбленных богинь
И готовы слететь с языка...
Преломилась излучиной гневная бровь,
Зарываются когти в песке...
Я услышу забытое слово *Любовь*
На забытом, живом языке...
Но готовые врыться в сыпучий песок
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной – только тайный намек
Нераскрытой мечты торжество.

8 ноября 1902 (Апрель 1918)

«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...»

Загляжусь ли я в ночь на метелицу,
Загорюсь – и погаснуть невмочь.
Что в очах Твоих, красная девица,
Нашептала мне синяя ночь.

Нашепталась мне сказка косматая,
Нагадал заколдованный луг
Про тебя сновиденья крылатые,
Про тебя, неугаданный друг.

Я завьюсь снеговой паутиною,
Поцелуй, что долгие сны.
Чую сердце твое лебединое,
Слышу жаркое сердце весны.

Нагадала Большая Медведица,
Да колдунья, морозная дочь,
Что в очах твоих, красная девица
На челе твоём, синяя ночь.

12 ноября 1902

«Стою у власти, душой одинок...»

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

«Ушел я в белую страну...»

Ушел я в белую страну,
Минуя берег возмущенный.
Теперь их голос отдаленный
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

Им нет числа. В своих гробах
Они замкнулись неприступно.
Я знаю: больше чем преступно
Будить сомненье в их сердцах.

Я кинул их на берегу.
Они ужасней опьяненных.
И в глубинах невозмущенных
Мой белый светоч берегу.

16 ноября 1902 (1907)

«Еще бледные зори на небе...»

Несбыточное грезится опять.

Фет

Еще бледные зори на небе,
Далеко запеваёт петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.
И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902 (1918)

Жрец

Там – в синевах – была звезда.
Я шел на башню – ждать светила.
И в синий мрак, в огнях стыда,
На башню девушка входила.
Внизу белели города
И дол вздыхающего Нила.

И ночь текла – влажней мечты,
Вся убеленная от счастья.
Мы жгли во славу чистоты,
Во славу непорочной страсти
Костры надзвездной красоты
И целомудренные страсти.

И я, недвижно бледнолиц,
Когда заря едва бледнела,
Сносил в покровах багряниц
Ее нетронутое тело.
И древний Нил, слуга цариц,
Свершал таинственное дело.

17 ноября 1902

«Я надел разноцветные перья...»

Я надел разноцветные перья,
Закалил мои крылья – и жду.
Надо мной, подо мной – недоверье,
Расплывается сумрак – я жду.

Вот сидят, погружаясь в дремоту,
Птицы, спутники прежних годов.
Всё забыли, не верят полету
И не видят, на что я готов.

Эти бедные, сонные птицы —
Не взлетят они стайей с утра,
Не заметят мерцанья денницы,
Не поймут восклицанья: «Пора!»

Но сверкнут мои белые крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученные снами бессилья,
Засыпая на долгие дни.

21 ноября 1902

Песня Офелии

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное.
Он ушел печальной дорогой,
А я забыла вчерашнее —
забыла вчерашнее.

Вчера это было – давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
Я не искала плакучей ивы —
плакучей ивы.

Ах, давно ли! Со мною, со мною
Говорили – и меня целовали...
И не помню, не помню – скрою,
О чем берега шептали —
берега шептали.

Я видела в каждой былинке
Дорогое лицо его страшное...
Он ушел по той же тропинке,
Куда уходило вчерашнее —
уходило вчерашнее...

Я одна приютилась в поле,
И не стало больше печали.
Вчера это было – давно ли?
Со мной говорили, и меня целовали
меня целовали.

23 ноября 1902 (Лето 1904)

«Мы проснулись в полном забвении...»

Мы проснулись в полном забвении —
в полном забвении.
Не слышали ничего. Не увидели никого.
Больше не было слуха и зрения —
слуха и зрения...

Колыхались, качались прекрасные —
венчались прекрасные
Над зыбью Дня Твоего...
Мы были страстные и бесстрастные —
страстные и бесстрастные.

Увидали в дали несвязанной —
в дали нерассказанной
Пересвет Луча Твоего.
Нам было сказано. И в даль указано.
Всё было сказано. Всё рассказано.

23 ноября 1902 (1907)

«Я, изнуренный и премудрый...»

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне. —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.

Зима пройдет – в певучей вьюге
Уже звенит издалика.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна. Ты близка.

30 ноября 1902

«Золотит моя страстная осень...»

Золотит моя страстная осень
Твои думы и кудри твои.
Ты одна меж задумчивых сосен
И поешь о вечерней любви.

Погружаясь в раздумья лесные,
Ты училась меня целовать.
Эти ласки и песни ночные —
Только ночь – загорятся опять.

Я страстнее и дольше пробуду
В упоенных объятьях твоих
И зарей светозарному чуду
Загорюсь на вершинах лесных.

Ноябрь 1902

Голос

Жарки зимние туманы —
Свод небесный весь в крови
Я иду в иные страны
Тайнодейственной любви.

Ты – во сне. Моих объятий
Не дарю тебе в ночи.
Я – царица звездных ратей,
Не тебе – мои лучи.

Ты обманут неизвестным:
За священные мечты
Невозможно бестелесным
Открывать свои черты.

Углубись еще бесстрастней
В сумрак духа своего:
Ты поймешь, что я прекрасней
Привиденья твоего.

3 декабря 1902 (1918)

«Я буду факел мой блюсти...»

Я буду факел мой блюсти
У входа в душный сад.
Ты будешь цвет и лист плести
Высоко вдоль оград.

Цветок – звезда в слезах росы
Сбежит ко мне с высот.
Я буду страж его красы —
Безмолвный звездочет.

Но в страстный час стена низка,
Запретный цвет любим.
По следу первого цветка
Откроешь путь другим.

Ручей цветистый потечет —
И нет числа звездам.
И я забуду строгий счет
Влекущимся цветам.

4 декабря 1902

«Мы всюду. Мы нигде. Идем...»

Мы всюду. Мы нигде. Идем,
И зимний ветер нам навстречу
В церквах и в сумерки и днем
Поет и задувает свечи.

И часто кажется – вдали,
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит Кто-то.

На ветер зимний я гляжу:
Боюсь понять и углубиться.
Бледнею. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю всё. Но мы – вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что Кто-то задувает свечи.

5 декабря 1902

«Я смотрел на слепое людское строение...»

Андрею Белому

Я смотрел на слепое людское строение,
Под крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услышал приближение
И думал о том, что было давно.

Занавески шевелились и падали.
Поднимались от невидимой руки.
На лестнице тени прядали.
И осторожные начинались звонки.

Еще никто не вошел на лестницу,
А уж слышали счет ступень.
И везде проснулись, кричали, поджидая
вестницу,
И седые головы наклонялись в тень.

Думали: за утром наступит день.

Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.

И понял, что будет темно.

5 декабря 1902

«Любопытство напрасно глазело...»

Любопытство напрасно глазело
Из щелей развратных притонов.
Окно наверху потемнело —
Не слышно ни вздохов, ни стонов.

Недовольные, сытые люди,
Завидуйте верхнему счастью!
Вы внизу – безвластные судьи,
Без желаний, без слез, без страсти.

Мы прошли желанья и слезы,
Наши страсти открыли тайны.
И мы с высоты, как грозы,
Опалили и вас – случайно...

13 декабря 1902 (1908)

«Царица смотрела заставки...»

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась богородице кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.
А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпала Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему – под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко —
Царевна-Невеста, что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые да красные заставки.

Поклонись, царица. Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

14 декабря 1902

«Вот она – в налетевшей волне...»

Вот она – в налетевшей волне
Распылалась последнею мезтью,
В камышах пробежала на дне
Догорающей красною везтью.

Но напрасен манящий наряд;
Полубуйся на светлые латы:
На корме неподвижно стоят
Обраченные грудью к закату.

Ты не видишь спокойных твердынь,
Нам не страшны твои непогоды
Догорающий факел закинь
В безмятежные, синие воды.

24 декабря 1902

«Все кричали у круглых столов...»

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел – и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слышал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усильи,
Как будто поняв зловещий намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу
И звонко сказал, пронизывая мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И те, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902

«Покраснели и гаснут ступени...»

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».
У входа в сумрак молений
Я открыл мое сердце. – Жду.

Что скажу я тебе – не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Над храмом, над нами
Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902

«На обряд я спешил погребальный...»

На обряд я спешил погребальный,
Ускоря таинственный бег.
Сбил с дороги не ветер печальный —
Закрутил меня розовый снег.

Притаился я в тихой долине —
Расступилась морозная мгла.
Вот и церковь видна на равнине —
Золотятся ее купола...

Никогда не устану молиться,
Никогда не устану желать, —
Только б к милым годам возвратиться
И младенческий сон увидеть!

Декабрь 1902

«Я искал голубую дорогу...»

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Декабрь 1902

«МЫ ОТОШЛИ – И ТЯЖКО ПОДНИМАЛИ...»

Мы отошли – и тяжело поднимали
Веселый флаг в ночные небеса,
Пока внизу боролись и кричали
Нестройные людские голоса.

И вот – заря последнего сознания, —
Они кричат в неслыханной борьбе,
Шатается испытанное зданье,
Но обо мне – воздушный сон в Тебе.

Декабрь 1902

«Она ждала и билась в смертной муке...»

Она ждала и билась в смертной муке.
Уже маня, как зов издалека,
Туманные протягивались руки,
И к ним влеклась неверная рука.

И вдруг дохнул весенний ветер сонный,
Задул свечу, настала тишина,
И голос важный, голос благосклонный
Запел вверху, как тонкая струна.

Декабрь 1902

«Запевающий сон, зацветающий цвет...»

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидел я сирень.
Это было весной – в улетающий день.

Раздышались цветы – и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задышалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.

И не помню – откуда дохнула в лицо,
Запевая, старая, вошла на крыльцо.

11 сентября – декабрь 1902

Стихотворения 1903 года

«Целый год не дрожало окно...»

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось – забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

6 января 1903

«Здесь ночь мертва. Слова мои дики...»

Здесь ночь мертва. Слова мои дики.
Мигает красный призрак – заря.
Наутро ввысь пуцу мои крики,
Как белых птиц на встречу, Царя.

Во сне и в яви – неразличимы
Заря и зарево – тишь и страх...
Мои безумья – мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкий – черный монах

Рука или ветер шевелит лоскутья?
Костлявые пальцы – обрывки трав...
Зеленые очи горят на распутьи —
Там ветер треплет пустой рукав...

Закрит один, или многие лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста!..
До утра – без солнца – пуцу мои крики.
Как черных птиц, на встречу Христа!

9 января 1903

«Я к людям не выйду навстречу...»

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами – сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне – потаенное знание
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

Отшедшим

Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду
И в этих камышах увижу всё, что мило.
Осиротел мой пруд. Но сердце не остыло
В нем всё отражено – и возвращений жду

Качаются и зеленеют травы.
Люблю без слов колеблемый камыш.
Всё, что ты знал, веселый и кудрявый,
Одной мечтой найдешь и возвратишь.

Дождусь ли здесь условленного знака,
Или уйду в ласкающую тень, —
Заря не перейдет, и не погаснет день.

Здесь тихо и светло. В душе не будет мрака.
Она перенесла – и смотрит сквозь листву
В иные времена – к иному торжеству.

22 января 1903

«В посланьях к земным владыкам...»

В посланьях к земным владыкам
Говорил я о Вечной Надежде.
Они не поверили крикам,
И я не такой, как прежде.

Никому не открою ныне
Того, что рождается в мысли.
Пусть думают – я в пустыне
Блуждаю, томлюсь и числю.

Но, боже! какие посланья
Отныне шлю я Пречистой!
Мое роковое познание
Углубилось в сумрак лучистый...

И только одна из мира
Отражается в каждом слове...
Но она – участница пира
В твоём, о, боже! – чертоге.

27 января 1903 (1918)

«Днем за нашей стеной молчали, – ...»

Днем за нашей стеной молчали, —
Кто-то злой измерял свою совесть.
И к вечеру мы услышали,
Как раскрылась странная повесть.

Вчера еще были объятья,
Еще там улыбалось и пело.
По крику, по шороху платья
Мы узнали свершенное дело.

Там в книге открылась страница,
И ее пропустить не смели...
А утром узнала столица
То, о чем говорили неделю...

И всё это – здесь за стеною,
Где мы так привыкли к покою!
Какой же нам-то ценою
Досталось счастье с тобою!

29 января 1903

«Здесь память волны святой...»

Здесь память волны святой
Осталась пенистым следом.
Беспечальный иду за Тобой —
Мне путь неизвестный вedom.

Когда и куда поведешь,
Не знаю, но нет сомнений,
Что погибла прежняя ложь,
И близится вихрь видений.

Когда настанет мой час,
И смолкнут любимые песни,
Здесь печально скажут: «Угас»,
Но Там прозвучит: «Воскресни!»

31 января 1903

«Потемнели, поблекли залы...»

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решетка окна.
У дверей шептались вассалы:
«Королева, королева больна».

И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там – в конце галереи дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в плаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый —
Незнакомец с бледным лицом.

4 февраля 1903

«Разгадал я, какие цветы...»

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась, наверное, ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Всё равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскаленный блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошел и запел,
И не скроешь — услышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

9 февраля 1903

«Старуха гадала у входа...»

Старуха гадала у входа
О том, что было давно.
И вдруг над толпой народа
Со звоном открылось окно.
Шуршала за картой карта.
Чернела темная дверь.
И люди, полны азарта,
Хотели знать – что теперь?
И никто не услышал звона —
Говорил какой-то болтун.
А там, в решетке балкона,
Шатался и пел чугунок.
Там треснули темные балки,
В окне разлетелось стекло.
И вдруг на лице гадалки
Заструилось – стало светло.
Но поздно узнавшие чары,
Увидавшие страшный лик,
Задыхались в дыму пожара,
Испуская пронзительный крик.
На обломках рухнувших зданий
Извивался красный червяк.
На брошенном месте гаданий
Кто-то встал – и развеял флаг

13 февраля 1903

«Погружался я в море клевера...»

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

«Зимний ветер играет терновником...»

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Все равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

«Снова иду я над этой пустынной равниной...»

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой, —
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца – и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

«Всё ли спокойно в народе?...»

– Всё ли спокойно в народе?

– Нет. Император убит.

Кто-то о новой свободе

На площадях говорит.

– Все ли готовы подняться?

– Нет. Каменеют и ждут.

Кто-то велел дожидаться:

Бродят и песни поют.

– Кто же поставлен у власти?

– Власти не хочет народ.

Дремлют гражданские страсти.

Слышно, что кто-то идет.

– Кто ж он, народный смиритель?

– Темен, и зол, и свиреп:

Инок у входа в обитель

Видел его – и ослеп.

Он к неизведанным безднам

Гонит людей, как стада...

Посохом гонит железным...

– Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

«Дела свершились...»

Дела свершились.
Дни сочтены.
Мы здесь молились
У сонной реки.

Там льды носились
В дни весны.
И дни забылись!
Как далеки!

Мой день свершенный
Кончил себя.
Мой дух обнаженный
Для всех поет.

Утомленный, влюбленный,
Я жду тебя,
Угрюмый, бессонный,
Холодный, как лед.

4 марта 1903

«Мне снились веселые думы...»

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною – весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

«Никто не умирал. Никто не кончил жить...»

Никто не умирал. Никто не кончил жить.
Но в звонкой тишине блуждали и сходились
Вот близятся, плывут... черты определились..
Внезапно отошли – и их не различить.

Они – невдалеке. Одна и та же нить
Связует *здесь* и *там*; лишь два пути открылись:
Один – безбурно ждать и юность отравить,
Другой – скорбеть о том, что пламенно молились...

Внимательно следи. Разбей души тайник:
Быть может, там мелькнет твое же повторенье
Признаешь ли его, скептический двойник?

Там – в темной глубине – такое же томленье
Таких же нищих душ и безобразных тел —
Гармоний безрадостный предел.

12 марта 1903 (5 ноября 1904)

«Отворяются двери – там мерцанья...»

Отворяются двери – там мерцанья,
И за ярким окошком – виденья.
Не знаю – и не скрою незнания,
Но усну – и потекут сновиденья.

В тихом воздухе – тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами – розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

Noli tangere circulos meos¹⁰

Символ мой знаком отметить,
Счастье мое сохранить...
Только б на пути никого не встретить,
Не обидеть, не говорить...

Не заметить участливого сомнения,
Не услышать повторенную речь,
Чтоб когда-нибудь от сновидения
Свой таинственный факел зажечь!

Миновать не знавших сияния,
Не истратить искры огня...
Кто не знал моего содрогания,
Отойди от меня!

Дальше, дальше, слепые, странные!
Вас душит любопытство и смех!
Мои думы – веселые, слова несказанные!
Я навек – один! – Я навек – для всех!

19 марта 1903 (16 марта 1918)

¹⁰ Не тронь моих кругов (*лат.*)

«Всё тихо на светлом лице...»

Всё тихо на светлом лице.
И росистая полночь тиха.
С немым торжеством на лице
Открываю грани стиха.

Шепчу и звеню, как струна.
То – ночные цветы – не слова.
Их росу убелила луна
У подножья Ее торжества.

19 марта 1903 (1907)

«Я вырезал посох из дуба...»

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день ради бога,
Вечеру постучусь в оконце..

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903

«У забытых могил пробивалась трава...»

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое – не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

«Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...»

Нет, я не отходил. Я только тайны ждал
И был таинственно красив, как ожиданье.

Но Ты не приняла вечернего молчанья,
Когда я на заре Тебя лишь различал.

Ты бурно вознесла Единственную Весть,
Непобедимую Зарницу Откровений...

Ты, в сумрак отойдя. Сама не можешь счесть
Разбросанных лучей Твоих Преображений!

2 апреля 1903

«Вот они – белые звуки...»
(При посылке белой азалии)

Вот они – белые звуки
Девственно-горных селений
Девушки бледные руки,
Белые сказки забвений...
Медленно шла от вечерни,
Полная думы вчерашней...
У колокольни вечерней
Таяли белые башни...
Белые башни уплыли,
Небо горит на рассвете.
Песню цветы разбудили —
Песню о белом расцвете..

5 апреля 1903. Пасха

А. М. Добролюбов

*А. М. Д. свою кровью
Начертал он на щите.*

Пушкин

Из городского тумана,
Посохом землю чертя,
Холодно, странно и рано
Вышло больное дитя.
Будто играющий в жмурки
С Вечностью – мальчик больной,
Странствуя, чертит фигурки
И призывает на бой.
Голос и дерзок и тонок,
Замысел – детски-высок.
Слабый и хилый ребенок
В ручке несет стебелек.
Стебель вселенского дела
Гладит и кличет: «Молись!»
Вкруг исхудалого тела
Стебли цветов завились...
Вот поднимаются выше —
Скоро уйдут в небосвод...
Голос всё тише, всё тише..
Скоро заплачет – поймет.

10 апреля 1903

«Кто заметил огненные знаки...»

Кто заметил огненные знаки,
Не уйдет безмолвный прочь.
Ты светла – и в светлом зраке
Отражаешь ночь.

Есть молчанье – тягостное горе,
Вздохи сердца у закрытых врат.
Но в моем молчаньи – зори
Тают и горят.

Ты взойдешь в моей немой отчизне
Ярче всех других светил
И – поймешь, какие жизни
Я в Тебе любил.

13 апреля 1903

«Глухая полночь медленный кладет покров...»

Глухая полночь медленный кладет покров.
Зима ревушим снегом гасит фонари.

Вчера высокий, статный, белый подходил к окну,
И Ты зажгла лицо, мечтой распалена.

Один, я жду, я жду, я жду – Тебя, Тебя.
У черных стен – Твой профиль, стан и смех.

И я живу, живу, живу – сомненьем о Тебе.
Приди, приди, приди – душа истомлена.

Горящий факел к снегу, к небу вознесла
Моя душа, – Тобой, Тобой, Тобой распалена.

Я трижды звал – и трижды подходил к окну
Высокий, статный, белый – и смеялся мне.

Один – я жду, я жду – Тебя, Тебя, Тебя – Одну.

18 апреля 1903

«У берега зеленого на малой могиле...»

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Все они – помощью Вышнего Веления —
В крове бога Небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадиланицы, а с зеленой земли

24 апреля 1903

«Я был весь в пестрых лоскутьях...»

Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Развертывал длинные сказанья
Бесвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

«По городу бегал черный человек...»

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

«Мой остров чудесный...»

Мой остров чудесный
Средь моря лежит.
Там, в чаще древесной,
Повесил я щит.

Пропал я в морях
На неясной черте.
Но остался мой страх
И слова на щите.

Когда моя месь
Распевает в бою,
Можешь, Дева, прочесть
Про душу мою.

Можешь Ты увидеть,
Что Тебя лишь страшусь
И, на черную рать
Нападая, молюсь!

Апрель 1903

«Просыпаюсь я – и в поле туманно...»

Просыпаюсь я – и в поле туманно,
Но с моей вышки – на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь – и забудьте про него

2 мая 1903

«Моя сказка никем не разгадана...»

Моя сказка никем не разгадана,
И тому, кто приблизится к ней,
Станет душно от синего ладана,
От узорных лампадных теней.

Безответное чуждым не скажется,
Я открою рекущим: аминь.
Только избранным пояс развяжется,
Окружающий чресла богинь.

Я открою ушедшим в познание,
Опаленным в горниле огня,
Кто придет на ночное Свидание
На исходе четвертого дня.

8 мая 1903 (1910)

«На Вас было черное закрытое платье...»

На Вас было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глаз.
Только на груди, может быть, над распятым,
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть,
Влюбленный
В Свое Создание, замкнул Вам уста.

Кто был Он – не знаю – никогда не узнаю,
Но к Нему моя ревность, и страх мой к Нему
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю – я не знаю. Кому.

5 мая 1903 (1907?)

«Я умер. Я пал от раны...»

Я умер. Я пал от раны.
И друзья накрыли щитом.
Может-быть, пройдут караваны.
И вожатый растопчет конем.

Так лежу три дня без движенья.
И взываю к песку: «Задуши!..»
Но тело хранит от истленья
Красноватый уголь души.

На четвертый день я восстану,
Подыму раскаленный щит,
Растравлю песком свою рану
И приду к Отшельнице в скит.

Из груди, сожженной песками,
Из плаща, в пыли и крови,
Негодую, вырвется пламя
Безначальной, живой любви.

19 мая 1903

«Если только она подойдет...»

Если только она подойдет —
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосвод...
Голубая спокойная гладь.

Кто прикликал моих лебедей?
Кто над озером бродит, смеясь?
Неужели среди этих людей
Незаметно Заря занялась?

Всё равно – буду ждать, буду ждать.
Я один, я в толпе, я – как все...
Окунусь в безмятежную гладь —
И всплыву в лебединой красе.

*3 июня 1903
Bad Nauheim*

«Когда я стал дряхлеть и стынуть...»

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далече —
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усилием поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

*4 июня 1903
Bad Nauheim
(1906?)*

«Неправда, неправда, я в бурю влюблен...»

Неправда, неправда, я в бурю влюблен,
Я люблю тебя, ветер, несущий листы,
И в час мой последний, в час похорон,
Я встану из гроба и буду, как ты!

Я боюсь не тебя, о, дитя, ураган!
Не тебя, мой старый ребенок, зима!
Я боюсь неожиданно колющих ран...
Так может изранить – лишь Она... лишь Сама

Сама – и Душой непостижно кротка,
И прекрасным Лицом несравненно бела.
Но она убьет и тебя, старина, —
И никто не узнает, что буря была...

10 июня 1903
Vad Nauheim

«Скрипка стонет под горой...»

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный – Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

*10 июня 1903
Bad Nauheim*

«Очарованный вечер мой долог...»

Очарованный вечер мой долог,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зелёные нивы Твои.

Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...
Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...

Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.
Всё, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.

Всё, что в сердце, смежило ресницы,
Но, едва я слышу: «Лети», —
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути...

*11 июня 1903
Bad Nauheim
(1908?)*

«Сердито волновались нивы...»

К. М. С.

Сердито волновались нивы.
Собака выла. Ветер дул.
Ее восторг самолюбивый
Я в этот вечер обманул...

Угрюмо шепчется болото.
Взошла угрюмая луна.
Там в поле бродит, плачет кто-то.
Она! Наверное – она!

Она смутила сон мой странный —
Пусть приютит ее другой:
Надутый, глупый и румяный
Паяц в одежде голубой.

12 июня 1903
Bad Nauheim

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...»

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца – невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме – в глубокой
тишине
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, – свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни – спою когда-нибудь.

*16 июня 1903
Bad Nauheim*

«Многое замолкло. Многие ушли...»

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.

Но остались песни и остались дни.
Истина осталась: мы с тобой – одни

Всё, что миновалось, вот оно – смотри:
Бледная улыбка утренней зари.

Сердце всё открыто, как речная гладь,
Если хочешь видеть, можешь увидеть.

*Июнь 1903
Bad Nauheim*

«День был нежно-серый, серый, как тоска...»

День был нежно-серый, серый, как тоска.
Вечер стал матовый, как женская рука.

В комнатах вечерних прятали сердца,
Усталые от нежной тоски без конца.

Пожимали руки, избегали встреч,
Укрывали смехи белизною плеч.

Длинный вырез платья, платье, как змея,
В сумерках белее платья чешуя.

Над скатертью в столовой наклонились ниц,
Касаясь прическами пылающих лиц.

Стуки сердца чаще, напряженной взгляд,
В мыслях – он, глубокий, нежный, душный сад.

И молча, как по знаку, двинулись вниз.
На ступеньках шорох белых женских риз.

Молча потонули в саду без следа.
Небо тихо вспыхнуло заревом стыда.

Может быть, скатилась красная звезда.

*Июнь 1903
Bad Nauheim*

Заклинание

Луна взошла. На вздох родимый
Отвечу вздохом торжества,
И сердце девушки любимой
Услышит страстные слова.

Слушай! Повесила дева
Щит на высоком дубу,
Полная страстного гнева,
Слушает в далях трубу.

Юноша в белом – высоко
Стал на горе и трубит.
Вспыхнуло синее око,
Звук замирает – летит.

Полная гневной тревоги
Девушка ищет меча...
Ночью на горной дороге
Падает риза с плеча...

Звуки умолкли так близко.
Ближе! Приди! Отзовись!
Ризы упали так низко.
Юноша! ниже склонись!

Луна взошла. На вздох любимой
Отвечу вздохом торжества.
И сердце девы нелюдимой
Услышит страстные слова.

*Июнь 1903
Bad Nauheim
(1917)*

«Пристань безмолвна. Земля близка...»

Пристань безмолвна. Земля близка.
Земли не видно. Ночь глубока.

Стою на серых мокрых досках.
Буря хохочет в седых кудрях.

И слышу, слышу, будто кричу:
«Поставьте в море на камне свечу!

Когда пристанет челнок жены,
Мы будем вместе с ней спасены!»

И страшно, и тяжело в мокрый песок
Бьют волны, шлют волны седой намек..

Она далёко. Ответа нет.
Проклятое море, дай мне ответ!

Далёко, там, камень! Там ставьте свечу!
И сам не знаю, я ли кричу.

22 июля 1903

«Я – меч, заостренный с обеих сторон...»

Я – меч, заостренный с обеих сторон.
Я правлю, архангел. Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, – господней рукой.

Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.

Поставлю на страже звенящий стих.
Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
И камень будет Ей друг и жених,
И Ей не солжет, как я не лгу.

25 июля 1903

Двойник

Вот моя песня – тебе. Коломбина.
Это – угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое – мы тащимся вдоль по базару,
Оба – в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйте на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя не похожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой»

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним – вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро»
Я повторяю: «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно,
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душно!»
Он повторяет: «Иди. Не пущу».

Там, где на улицу, в звонкую давку,
Взглянет и спрячется розовый лик, —
Там мы войдем в многолюдную лавку, —
Я – Арлекин, и за мною – старик.

О, если только заметят, заметят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же – лукавый, смеющийся взгляд!

Там – голубое окно Коломбины,
Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном весельи – мы два Арлекина —
Юный и старый – сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый – он тупо глумится над вами,
Юный – он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне, – розовой навечерий,
Та, что вверху, – ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте, как дети. Поймите меня.

30 июля 1903 (24 февраля 1906)

«Горит мой день, будя ответы...»

Горит мой день, будя ответы
В сердцах, приявших торжество.
Уже зловещая комета
Смутилась заревом его.

Она бежит стыдливым бегом,
Оставив красную черту,
И гаснет над моим ночлегом
В полуразрушенном скиту.

8 августа 1903

«Над этой осенью – во всем...»

Над этой осенью – во всем
Ты прошумела и устала.
Но я вблизи – стою с мечом,
Спустив до времени забрало.

Души кипящий гнев смири,
Как я проклятую отвагу.
Остался красный зов зари
И верность голубому стягу.

На верном мы стоим пути,
Избегли плена не впервые.
Веди меня. Чтоб всё пройти,
Нам нужны силы неземные.

11 августа 1903

Вербная суббота

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... — «Проснитесь, мы тут.
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен.
Прозрачная тучка. Жемчужный узор.

Там было свиданье. Там был разговор...
И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903

«Я был невенчан. Премудрость храня...»

Я был невенчан. Премудрость храня,
У Тайны ключами зловеще звенел.

Но Ты полюбила меня.
Ты – нежная жрица Лазурного Дня

Блуждая глазами, в подземных ходах
Искал – и достался мне камень в удел —
Тяжелый и черный. Впотьмах
Впился я глазами – и видеть хотел
Все жилы, все ходы и все письма.

Но властный поток Твоих роз
Восставил меня. И на выси вознес,
Где Ты пробуждалась от зимнего сна,
Где Весна
Победила мороз.

11 сентября 1903

«Я мог бы ярче просиять...»

Я мог бы ярче просиять,
Оставив след на синей влаге.
Но в тихо-сумрачном овраге
Уже струится благодать.

И буду верен всем надеждам.
Приму друзей, когда падут.
Пусть в тихом сне к моим одеждам
Они, избитые, прильнут.

Но эта Муза не выносит
Мечей, пронзающих врага.
Она косою мирной косит
Головку сонного цветка.

15 сентября 1903

Ответ

С. М. Соловьёву

Сквозь тонкий пар сомнения
Смотрю в голубоватый сон.
В твоих словах – веления
И заповедь святых времен.
Когда померкнут звонкие
Раздумья трехвенечных снов,
Совьются нити тонкие
Немеркнувших осенних слов.
Твои слова – любимый клик,
Спокойный зов к осенним дням,
Я их люблю – и я привык
Внимать и верить глубинам.
Но сам – задумчивей, чем был,
Пою и сдерживаю речь.
Мой лебедь здесь, мой друг приплыл
Мою задумчивость беречь.

19 сентября 1903 (1908?)

«Мой месяц в царственном зените...»

Мой месяц в царственном зените.
Ночной свободой захлебнусь
И там – в серебряные нити
В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволю
И только будущей Заре —
Киваю синему раздолью,
Ныряю в темном серебре!..

На площадях столицы душной
Слепые люди говорят:
«Что над землею? Шар воздушный.
Что под луной? Аэростат».

А я – серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду.
И в складки ризы темно-синей
Укрыл Любимую Звезду.

1 октября 1903

«Возвратилась в полночь. До утра...»

Возвратилась в полночь. До утра
Подходила к синим окнам зала.
Где была? – Ушла и не сказала.
Неужели мне пора?

Беспокойно я брожу по зале...
В этих окнах есть намек.
Эти двери мне всю ночь бросали
Скрипы, тени, может быть, упрек?.

Завтра я уйду к себе в ту пору,
Как она придет ко мне рыдать.
Опущу белеющую штору,
Занавешу пологом кровать.

Лягу, робкий, улыбаясь мигу,
И один, вкусив последний хлеб,
Загляжусь в таинственную книгу
Совершившихся судеб.

9 октября 1903

«Я бежал и спотыкался...»

Андрею Белому

Я бежал и спотыкался,
Обливался кровью, бился
Об утесы, поднимался,
На бегу опять молился.
И внезапно повеяло холодом.
Впереди покраснела заря.
Кто-то звонким, взывающим молотом
Воздвигал столпы алтаря.
На черте горизонта пугающей,
Где скончалась внезапно земля,
Мне почудился ты – умирающий,
Истекающий кровью, как я.
Неужели и ты отступаешь?
Неужели я стал одинок?
Или ты, испытывая, мигаешь,
Будто в поле кровавый платок?
О, я увидел его, несчастный,
Увидел красный платок полей...
Заря ли кинула клич свой красный?
Во мне ли грянула мысль о Ней?
То – заря бесконечного холода,
Что послала мне сладкий намек.
Что рассыпала красное золото,
Разостлала кровавый платок.
Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована —
Угадать Ее Имена.

18 октября 1903 (Лето 1904)

«Сижу за ширмой. У меня...»

Иммануил Кант

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое темное окошко...
Тепло и темно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной – колечки.

18 октября 1903

«...И снова подхожу к окну...»

...И снова подхожу к окну,
Влюблен в мерцающую сагу.
Недолго слушать тишину:
Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушел от дня,
И сон гоню, чтоб длить молчанье.
Днем никому не жаль меня, —
Мне ночью жаль мое страданье...

Оно в бессонной тишине
Мне льет торжественные муки.
И кто-то милый, близкий мне
Сжимает жалобные руки...

26 октября 1903

«Когда я уйду на покой от времен...»

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бела,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день, —
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой, —
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

«Так. Я знал. И ты задул...»

Андрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле.
В бездне – мрак, а в небе – гул.
Милый друг! Звезда иная
Нам открылась на земле.

Неразлучно – будем оба
Клятву Вечности нести.
Поздно встретимся у гроба
На серебряном пути.

Там – сжимающему руки
Руку нежную сожму.
Молчаливому от муки
Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Онный День – знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда – в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

«Ты у камина, склонив седины...»

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою – незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя – в креслах – весны розовой,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...
Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка – забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

«Крыльцо Ее словно паперть...»

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу – и стихает гроза.
На столе – узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее – нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе – кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя – мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903 (1905)

Рассвет

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

18 ноября 1903

«Облака небывалой улады...»

Облака небывалой улады —
Без конца их лазурная лень.
Уходи в снеговые громады
Розоватый приветствовать день.
Тишины снегового намека,
Успокоенных дум не буди...
Нежно-синие горы глубоко
Притаились в небесной груди.
Там до спора – сквозящая ласка,
До войны – только нежность твоя,
Без конца – безначальная сказка,
Рождество голубого ручья...
Невозможную сладость приемли,
О, изменник! Люблю и зову
Голубые приветствовать земли,
Жемчужовые сны наяву.

21 ноября 1903 (1906?)

«Спустишь в подземные ущелья...»

Спустишь в подземные ущелья,
Земные токи разбуди,
Спасай, спасай твое веселье,
Спасай ребенка на груди!

Уж поздно. На песке ложбины
Лежит, убита горем, мать.
Холодный ветер будет в спину
Тебе, бегущему, хлестать!

Но ты беги, спасай ребенка,
Прижав к себе, укутав в плащ,
И равномерным бегом звонко
Буди, буди нагорный хрящ!

Успеешь добежать до срока,
Покинув горестную мать,
И на скале, от всех далекой,
Ему – ребенку – имя дать!

21 ноября 1903

«Темная, бледно-зеленая...»

М. А. Олениной-д'Альгейм

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитяtko».

В углу – лампадка зеленая.
От нее – золотые лучики.
Нянюшка, над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали – три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитяtko, преставился...
Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился».

23 ноября 1903

Фабрика

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

Заключение спора

И. Д. Менделееву

Ты кормчий – сам, учитель – сам.
Твой путь суров. Что толку в этом?
А я служу Ее зарям,
Моим звездащимся обетам.
Я изменений сон люблю,
Открытый ветру в час блужданий.
Изменник сам – не истреблю
Моих' задумчивых гаданий.
Ты также гредишь над рулем,
Но ветх твой челн, старо кормило,
А мы в урочный час придем —
И упадет твое ветрило.
Скажи, когда в лазури вдруг
Заплещут ангелы крылами,
Кто первый выпустит из рук
Свое трепещущее знамя?

2 декабря 1903 (1910)

«Что с тобой – не знаю и не скрою...»

Что с тобой – не знаю и не скрою —
Ты больна прозрачной белизной.
Милый друг, узнаешь, что с тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, в подушках лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рук.
И тогда сойдет к тебе на ложе
Непрерывный, заунывный звук.

Тень лампадки вздрогнет и встревожит
Кто-то, отделившись от стены,
Подойдет – и медленно положит
Нежный саван снежной белизны.

5 декабря 1903 (1915)

«Мы шли на Лидо в час рассвета...»

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка – птица, чайка – дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903 (1910)

«Мне гадалка с морщинистым ликом...»

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.
Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда взывало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там – бессмертною волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

13 декабря 1903 (Лето 1904)

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...»

Е. П. Иванову'

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанию
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданию, дыханию.

В роще косматый беззвучно дрожит
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке

14 декабря 1903

«Среди гостей ходил я в черном фраке...»

Среди гостей ходил я в черном фраке
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму – по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом – очнусь у двери с ручкой медной.
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

18 декабря 1903

Из газет

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звонящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

Статуя

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос.
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье несло.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

28 декабря 1903

«По берегу плелся больной человек...»

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя, как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядком,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

«Протянуты поздние нити минут...»

Протянуты поздние нити минут,
Их все сосчитают и нам отдадут.
«Мы знаем, мы знаем начертанный круг» —
Ты так говорила, мой Ангел, мой Друг.
Судьбой назвала и сказала: «Смотри,
Вот только: от той до последней зари.
Пусть ходит, тревожит, колеблет ночник,
Твой бледный, твой серый, твой жалкий двойник
Все нити в Одной Отдаленной Руке,
Все воды в одном голубом роднике,
И ты не поднимешь ни края завес,
Скрывающих ужас последних небес».
Я знаю, я помню, ты так мне велишь,
Но ты и сама эти ночи не спишь,
И вместе дрожим мы с тобой по ночам,
И слушаем сказки, и верим часам...
Мы знаем, мы знаем, подруга, поверь:
Отворится поздняя, древняя дверь,
И Ангел Высокий отворит гробы,
И больше не будет соблазна судьбы.

28 декабря 1903 (1907?)

«Я кую мой меч у порога...»

Я кую мой меч у порога.
Я опять бесконечно люблю.
Предо мною вьется дорога.
Кто пройдет – того я убью.

Только ты не пройди, мой Глашатай.
Ты вчера промелькнул на горе.
Я боюсь не Тебя, а заката.
Я – слепец на вечерней заре.

Будь Ты ангел – Тебя не узнаю
И смертельной сталью убью:
Я сегодня наверно чаю
Воскресения мертвых в раю.

28 декабря 1903 (1907)

«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудёт.

Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжело и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно..
Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

«Отдых напрасен. Дорога крута...»

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к Тебе.

Купол стремится в лазурную высь
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903 (Июль 1904 ?)

Стихотворения 1904 года

«Жду я смерти близ денницы...»

Л. Семенову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вокруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

Последний день

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безднадежно догорели свечи,
Оплывший огарок маячил в оплывших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор
в волосах

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Вербя, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег.
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница – от ложа пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь.

Высоко – над домами – в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полнощных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904 (1915)

Петр

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских – крикливых, женских —
струнных
Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

Поединок

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льнет к деннице,
Несказанной вечера.

И зарей – очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном шлеме голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый – черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздольный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

«СВЕТЛЫЙ СОН, ТЫ НЕ ОБМАНЕШЬ...»

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.

Солнце небо опояшет,
Вот и вечер – весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.

На балконе, где алеют
Мхи старинных балюстрад,
Деда дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.

Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж,

Протянув больную руку,
Сладко юным погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.

И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягком стеганом халате
Перебраться на кровать...

Скажут: «Поздно, мы устали...»
Разойдутся на заре.
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.

Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...

25 февраля 1904

Обман

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженье.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

.....
Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки – трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак.

Пронеслись, – и струйки шепчут невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

«Я восходил на все вершины...»

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Всё, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды —

До Той Звезды, которой близость
Познав, – сторицей отплачу
За всё величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

Около 15 марта 1904

«Мой любимый, мой князь, мой жених...»

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к царице небесной придешь, —
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой – как свеча – я тиха,
Пред тобой – как цветок – я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста – и вечно жена.

26 марта 1904

МОЛИТВЫ

Наш Арго!
Андрей Белый

1

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно – завтра. У решетки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозových надежд,
Весь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. Утренняя

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высоко он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг.
На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. Вечерняя

Солнце сходит на запад. Молчанье
Задремала моя суета.
Окружающих мерно дыханье.
Впереди – огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри...
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зарю.

4. Ночная

Они Ее видят!

В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярк,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод.
Мой час молитвенный недолог —
Заутра обуяет сон.
Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток
Минут, мелькнувших наяву!
Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно-розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежещет
Суровый маг моей земли!
Тебя – племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая Тень!

Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тихости одень!

5. Ночная

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью внемлю.
Я грущу, как заоблачный воин,
Уронивший панцырь на землю.

Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Всё снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует, – в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты – в тени под мирной оливой.

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... Спи до срока.

Март – апрель 1904

« На перекрестке... »

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.

И в кружеве березки —
Далеко – глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце – как медный шлем воина,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...

И шишак – золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты – и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Всё дышит ленивым
И белым размером
Весны.

5 мая 1904 (Декабрь 1904)

«Ты оденешь меня в серебро...»

Ты оденешь меня в серебро,
И когда я умру,
Выйдет месяц – небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу – зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым лицом
И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубенцом...

Знаю – сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной наготе.
Но зловещий восходит угар —
К небесам, к высоте, к чистоте.

14 мая 1904

«Фиолетовый запад гнетет...»

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатье десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед —
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных плащах.
Брызжут искры и блещут кольчуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

Ставим троны иным временам —
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятенье сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: мертвец
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

«Дали слепы, дни безгневны...»

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.

Были дни – над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат.

Брата брат из дальних келий
Извещал: «Хвала!»
Где-то голуби звенели,
Расплескав крыла.

С золотистых ульев пчелы
Приносили мед.
Наполнял весельем доли
Праздничный народ.

В пестрых бусах, в алых лентах
Девушки цвели...
Кто там скачет в позументах
В голубой пыли?

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых кудрей бьются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый.
Блещут стремяна...
На кафтан его парчовый
Пролилась весна.

Пролилась – он сгинет в тучах,
Вспыхнет за холмом.
На зеленых встанет кручах
В блеске заревом,

Где-то перьями промашет,
Крикнет: «Берегись!»
На коне селом пропляшет,
К ночи канет ввысь...

Ночью девушкам приснится,
Прилетит из туч
Конь – мгновенная зарница,
Всадник – беглый луч...

И, как луч, пройдет в прохладу
Узкого окна,
И Царевна, гостю рада,
Встанет с ложа сна...

Или, в злые дни ненастий,
Глянет в сонный пруд,
И его, дрожа от страсти,
Руки заплетут.

И потом обманут – вскинут
Руки к серебру,
Рыбьим плёсом отодвинут
В струйную игру...

И душа, летя на север
Золотой пчелой,
В алый сон, в медовый клевер
Ляжет на покой...

И опять в венках и росах
Запоет мечта,
Засверкает на откосах
Золото щита,

И поднимет щит девица,
И опять вдали
Всадник встанет, конь вздыбится
В голубой пыли...

Будут вёсны в вечной смене
И падений гнет.
Вихрь, исполненный видений, —
Голубиный лет...

Что мгновенные бессилья?
Время – легкий дым...
Мы опять расплещем крылья,
Снова отлетим!

И опять, в безумной смене
Рассекая твердь,
Встретим новый вихрь видений,
Встретим жизнь и смерть!

22 апреля – 20 мая 1904 (1910)

Взморье

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднебесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаря таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издали мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

«В час, когда пьянеют нарциссы...»

В час, когда пьянеют нарциссы,
И театр в закатном огне,
В полутьне последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...

Арлекин, забывший о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Ветерок, приносящий с поля
Дуновений легкую дань?

Я, паяц, у блестящей рампы
Возникаю в открытый люк.
Это – бездна смотрит сквозь лампы
Ненасытно-жадный паук.

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутюсь и звеня..
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Нежный друг с голубым туманом,
Убаюкан качелью снов.
Сиротливо приникший к ранам
Легкоперстный запах цветов.

26 мая 1904

«Я живу в глубоком покое...»

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер – нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный – у входа в сени,
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,
Ипуская жалобный скрип.
В дальних залах – говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок – в конце вереницы —
Я – последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли.

Раздавив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

Около 15 июня 1904

«Вот он – ряд гробовых ступеней...»

Вот он – ряд гробовых ступеней.
И меж нас – никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное – бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи – твой отдых никто не прервет
Мы – окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог.

18 июня 1904

«Вечность бросила в город...»

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик – преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

«Город в красные пределы...»

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

28 июня 1904 (1915)

«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...»

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг – влюблен в луну – живет ее обманом.
Вот – третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И – трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Всё пусто – здесь и там – под зноем неустанным.
Заборы – как гроба. В канавах прееет гниль.
Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер – спит
ваш близкий...»
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904 (Январь 1906)

«Поет, краснея, медь. Над горном...»

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою – и карлик служит мне:
Согбенный карлик в платье черном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного – слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно – смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда – огромен бледным телом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

Гимн

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам – словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот – всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный, пылающий бич.

Вот – на груди горячих камней
Распростерта не смевшая пасть...
Грудь раскрыта – и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот – монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую груда
На распутях, в подвалах, на башнях – хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —
Наши гимны, и песни, и сны – без числа!..

Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла —
Хвала!

27 августа 1904 (1915)

«Поднимались из тьмы погребов...»

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег исступленный дракон,
Не пылала над нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь – мгновенна.

10 сентября 1904

«В высь изверженные дымы...»

В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней касе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заемный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе – вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Черный веер распустила,
Черным шелком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти – взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

Колыбельная песня

Спят луга, спят леса,
Пала божия роса,

В небе звездочки горят,
В речке струйки говорят,

К нам в окно луна глядит,
Малым детям спать велит

«Спите, спите, поздний час,
Завтра брат разбудит вас.

Братний в золоте кафтан,
В серебре мой сарафан,

Встречу брата и пойду,
Спрячусь в божием саду,

А под вечер брат уснет
И меня гулять пошлет.

Сладкий сон вам пошлю,
Тихой сказкой усыплю,

Сказку сонную скажу,
Как детей сторожу...

Спите, спите, спать пора.
Детям спится до утра...»

25 сентября 1904

«Зажигались окна узких комнат...»

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храня.
На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном взгляде
Не умел никто. Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе —
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирала руки к догорающей заре.

«Всё бежит, мы пребываем...»

Всё бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем концы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Всё кружится, круторогий
Месяц щурится вверху.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.
Вот – из кельи Вечной Пряжи
Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
«Всю ли ночь молились в нишах?
Всю ли ночь текли труды?» —
«Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел. Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
В ночь, когда Звезда пряла».

Сентябрь 1904

«Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...»

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел спрыгнул – и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

«Нежный! У ласковой речки...»

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты – голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказанных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высоко – в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людям предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904 (Январь 1906)

«Гроб невесты легкой тканью...»

Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.

Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними – благодатный
Несмежающийся день.

Над ее бессмертной дремой
Нить Свершений потекла...
Это – Третий – Незнакомый
Кротко смотрит в купола.

5 ноября 1904

«Тяжко нам было под вьюгами...»

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

Ночь

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте – голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье дольного волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная – плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеяньи,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сияньи —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий – половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904 (Май 1906)

«Вот – в изнурительной работе...»

Вот – в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы – птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синее тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

Моей матери

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились – и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, круженьи
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе – о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, —
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904

«Все отошли. Шумите, сосны...»

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют вёсны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хмельном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...

Над ней синее вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли – падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

14 декабря 1904

У полотна Финл. ж. д.

«День поблек, изящный и невинный...»

День поблек, изящный и невинный
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве —
Покачнулась – умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

«В кабаках, в переулках, в извивах...»

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари – не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху – на уступе опасном, —
Тихо съезжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

«Барка жизни встала...»

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

Стихотворения 1905 года

«Шли на приступ. Прямо в грудь...»

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен.»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто – не время вспоминать...

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом – земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905

«Улица, улица...»

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города – зимнего холода.

Спите. Забудьте слова лучезарных.

О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Всё тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

Январь 1905

Болотные чертенятки

А. М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот – сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий – месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый черт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами – вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы – забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

«Я живу в отдаленном скиту...»

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу – и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот – предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла – и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

Повесть

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно пронесли
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами – светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети – не белой, не черной —
Каждый скрывался – не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И – нежданно резко – раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой – кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный —
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком исступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых – взор упорно-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних этажах...
И нашел – и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу – в глазах открытых – сила умерла.

Умерла – и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на руки кричащего ребенка

И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон.
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

Твари весенние
(Из альбома «*Kindisch...*»¹¹ Т. Н. Гиппиус)

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в отдаленные грубы
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.

Утро сонной тропею пустило стрелу,
Но одна – на руке, опрокинутой в высь,

Ладонью в стволистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночью вы не радели —
Вот и всё ушло...
Ночку вы не жалели —

¹¹ «Детское» (нем.)

И становится слишком светло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.

Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чертик запросится
Ко Святым Местам.

19 февраля 1905

«Иду – и всё мимолетно...»

Иду – и всё мимолетно.
Вечереет – и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в подворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей.
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно еще...
И – внезапно – тенью гадательной —
Вольная дева в огненном плаще!..

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмет
В змеином логовище.

9 марта 1905

Песенка

Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон – тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе – бездумность и беспечность!
Там – вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...

Глаза горят, как две свечи.
О чем она тоскует звонко?
Пойдем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

Легенда

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли? —
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было – две.

Но Третий за ними – за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.
Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и синее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... «Ты слышишь? – сказала. —
О, как страшно, подруга... быть с тобой»

И была эта девушка в белом... в белом,
А другая – в черном... Твоя ли дочь?
И одна – дрожала слабеньким телом,
А другая – смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, господи? Сжался! О, сжался!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались.
Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,
И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток – в красной пачке
кредиток
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль —
И кругом стало душно... А в полях однозвучно
Хохотал Невидимка – и разбрасывал пыль

В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Соделай, чтобы твердь стала легче!
Отврати твой разящий и карающий меч!

И откликнулось небо: среди пыли и давки
Появился архангел с убеленной рукой:
Всем казалось – он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был он – перепачкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.
под дождем умолкала песня дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангел белую девушку в дом свой унес.

5 апреля 1905

«Ты в поля отошла без возврата...»

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излучённый путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

16 апреля 1905

«Я вам поведал неземное...»

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье – топор. В мечте – герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905

Невидимка

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дома,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воеет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко..

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отворенной в лавку..
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном – Жена.

16 апреля 1905

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

На весенней проталинке
За вечерней молитвою – маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила вокруг него свои тонкие руки.
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.

Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере».

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звериную лапу,
И за римского папу.

Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905

«На весеннем пути в теремок...»

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять на посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль

Там – в березовом дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
«Ты, красавица, верно, ко мне!
Стосковалась в своей тишине!»

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

«Вот на тучах пожелтелых...»

Вот на тучах пожелтелых
Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнувшей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались в тучах пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.

Кто там встанет с мертвым глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?

28 мая 1905

Война

Вот поднялась. В железных лапах
Визжит кровавой смерти весть.
В горах, в долинах, на этапах
Щетиной заметалась месть.

Не в силах мстительная гордость
Противостать тому кольцу,
Чьи равнодушие и твердость
Встречают смерть лицом к лицу.

И вот в парах и тучах тучных,
Гремя вблизи, свистя вдали,
Она краями крыльев звучных
Пускает ко дну корабли.

Но в воплях исполинской бури,
В мечте бойца, в его крови,
Одушевательница фурий —
Она вздыхает о Любви.

28 мая 1905

Влюбленность

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге
шептал о любви на заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала – не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты,
оторваться от светлой мечты

«Подними эту розу», – шепнула – и ветер донес
Тишину улетающих лат, бездыханный ответ.
«В синем утреннем небе найдешь Купину
расцветающих роз», —
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел,
и она полетела вослед.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы,
И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит.
И она, окрылясь, полетела из отчей тюрьмы —
На воздушном пути королевна полет свой стремится

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь – мечтанье раба,
Там – воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

3 июня 1905

«Она веселой невестой была...»

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец всё так же весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глубине – еще покой
С такой же старухой, как лунь, седой.

И те же нити, и те же мыши,
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном – темней пруда,
Со взором скромным – всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит всё тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как ночь,
Нежный, как отошедшая дочь...

«Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
Дай мне спокойно умереть».

3 июня 1905 (1915)

«Полюби эту вечность болот:...»

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот злак, что сгорел, – не умрет.
Этот куст – без истления – тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

Июнь 1905

«Белый конь чуть ступает усталой ногой...»

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схима – желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голоса,
Всё о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне
знаком?
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой – навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревого свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей —
Старину озаренных болот.

Июнь 1905, Новоселки

«Болото – глубокая впадина...»

Болото – глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смежённых ресниц —
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
«Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила».
И когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые – смеются,
А у девушек – ясно видны
За плечами белые крылья.

Июнь 1905

«Не строй жилищ у речных излучин...»

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

Кто придет к тебе, будь он, как ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне,
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

«Потеха! Рокочет труба...»

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом – возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу – далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке всё шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над проклятым местом;
Гадает... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взвиваются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

Июль 1905

Старушка и чертенята

Григорию Е

Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам —
Приложилась к мощам — и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злачными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высоко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть...»

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевет и нам Купина...»

Июль 1905

У моря

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
– Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

– Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри; он несет по волнам
Нам светлым – темную ночь...

– Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

– Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

Балаганчик

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный черт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

Мальчик

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это – адская свита...
Королева – та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей – картонный шлем!
А в руке – деревянный меч!»

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик

Июль 1905

Поэт

Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.

– Дождик, дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

– Там весна. А ты – зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, девочка, за море.

– А за морем есть мама?

– Нет.

– А где мама?

– Умерла.

– Что это значит?

– Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

– О чем?

– О розовом капоре.

– Так у него нет мамы?

– Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.

– А эта Дама – добрая?

– Да.

– Так зачем же она не приходит?

– Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,
Кончился разговор папы с дочкой.

Моей матери

Тихо. И будет всё тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
Лик мой, как нимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

«Старость мертвая бродит вокруг...»

Старость мертвая бродит вокруг,
В зелених утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали – и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол —
И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность..

Всё закатное небо – в дреме,
Удлиняются дольные тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот – мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик – звездой падучей —
До свиданья!... летит за корму...

Июль 1905

«В туманах, над сверканьем рос...»

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где углый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.

И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

Осенняя воля

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или – каменным путем влекомый
Нищий, распевающий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас – свободных, юных, статных
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905

Рогачевское шоссе

«Не мани меня ты, воля...»

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля ?
Кудри ветром растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Белая рука...
Я крестом касался персти,
Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну, —
И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком.

Июль 1905

«Утихает светлый ветер...»

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнить обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с богом! Вечер близок,
Быстрый лет касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

«Оставь меня в моей дали...»

Оставь меня в моей дали.
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот – над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я всё тот же – у руля,
И я пою, всё так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

«Осень поздняя. Небо открытое...»

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

«Девушка пела в церковном хоре...»

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

«В лапах косматых и страшных...»

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

«Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался, —
Верно, есть у тебя печальный друг?» —

«Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне...»

Август 1905

«Там, в ночной завывающей стуже...»

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

С легким треском рассыпался веер, —
Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

Пляски осенние

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя.
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявша руки,
Устремивша руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струй,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопую твоей не сгорать.

С нами, к нам – легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих злаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905
Лесной

«В голубой далекой спальне...»

В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём – туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905

Эхо

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову – и трикраты

Мне издали звонко
Отвечает нимфа, отвечает Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повтореньи
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти и страсти —
Венчальные ветви
Осенних убранств и запястий...

Там – в синем раздольи – мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

«Вот Он – Христос – в цепях и розах...»

Евгению Иванову

Вот Он – Христос – в цепях и розах —
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но Лик и синее небо – одно.

Единый, Светлый, немного грустный —
За Ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

10 октября 1905

«Так. Неизменно всё, как было...»

Так. Неизменно всё, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности, – к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной, —
Мне улыбнулся тот же берег.

И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.

10 октября 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеял.

И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетающий,
И радость – без конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

«Вися над городом всемирным...»

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на домах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

«Еще прекрасно серое небо...»

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне..

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном¹² не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

18 октября 1905

¹² Статуя на кровле Зимнего дворца

«Ты проходишь без улыбки...»

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застылающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

Перстень-страданье

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы – лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними – девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Что я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой милый.
Перстень-Страданье нам свяжет сердца.

Что я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать...
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страданье тебе сковать».

30 октября 1905 (1915)

«Прискакала дикой степью...»

Прискакала дикой степью
На вспененном скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!»

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

«А, не хочешь! Ну, так с богом!»
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь. Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой.

31 октября 1905

Бред

Я знаю, ты близкая мне...
Больному так нужен покой...
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

Так слушай, как память остра, —
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал —
Ты слышишь? Ты веришь? Ты спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот иней мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года, —
Тому не бывать никогда!..

Я твердой стопою всхожу —
О, слушай предсмертный завет!..
В последний тебе расскажу:
Я Белую Деву бужу!

Вот спит Она в облаке мглы
На темной вершине скалы,
И звонко взывают орлы,
Свои расточая хвалы...

Как странен мой траурный бред!
То – бред обнищалой души...
Ты – свет мой, единственный свет
Другой – в этом трауре нет.

Уютны мне черные сны.
В них память свежееет моя:
В виденьях седой старины,
Бывалой, знакомой страны...

Мы были, – но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.

4 ноября 1905 (1915)

Сытые

Они давно меня томили;
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот – в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах – желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так – негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям – неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

«Свободны дали. Небо открыто...»

Свободны дали. Небо открыто.
Смотрите на нас, планеты,
Как наше веселое знамя развито,
Вкруг каждого лика – круг из света.

Нам должно точить такие косы,
Такие плуги,
Чтоб уронить все слезные росы,
Чтоб с кровью вскрыть земляные глубины

Друзья! Над нами лето, взгляните —
Безоблачен день, беззакатно светел.
И солнце стоит высоко – в зените,
И утро пропел давно уже петел.

Мы все, как дети, слепнем от света,
И сердце встало в избытке счастья.
О, нет, не темница наша планета:
Она, как солнце, горит от страсти!

И Дева-Свобода в дали несказанной
Открылась всем – не одним пророкам'
Так все мы – равные дети вселенной,
Любовники Счастья...

Ноябрь-декабрь (?) 1905

Стихотворения 1906 года

Сказка о петухе и старушке

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...

Вот – ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе – словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы – незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,

То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

«Милый брат! Завечерело...»

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Сонноокая прошла.

Проплыла она – и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами – семафора
Зеленеет огонек.

Небо – в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы – в пространстве новом,
Словно – в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали – локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Всё, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: «Будь весел.
За окном лежат снега».

13 января 1906
Ланская

«Мы подошли – и воды синие...»

Мы подошли – и воды синие,
Как две расплеснутых стены.
И вот – вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
На дымно блещущий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.

Так – и чудесным очарованы —
Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

«Ты придешь и обнимешь...»

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем,
Что прошло, – навсегда.
Тихо молвят люди:
«Вот еще звезда».

И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

«Лазурью бледной месяц плыл...»

Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор,

Что пили ночь и забытье,
Но день их опалил...
Как страшно мирное жильё
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость – я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блистательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

Январь 1906

Вербочки

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.
Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

10 февраля 1906

Учитель

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок.
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит, —
Верно, устал от работы:
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идет и пылит,
Дети за ним – врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

10 февраля 1906

Снег да снег

Снег да снег. Всю избу занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только черные, черные стены...

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюде;
Вон и бабушка с печки сползла,
И кругом ребятишки смеются.

Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятками кошка...
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в лукошко...

Прочь от дома на снежный простор
На салазках они покатали.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза, —
Вот возьмет, вот ухватит в охапку

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

10 февраля 1906

Ветхая избушка

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...

В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят, —
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна, —
Ан, уж дом растаял,
На дворе – весна!

10 февраля 1906

Зайчик

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На желтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать!

Октябрь 1903-10 февраля 1906

Иванова ночь

Мы выйдем в сад с тобою. Скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травую темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнет зеленым светом, —
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся – не спугну, дитя!

Но если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды – мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена – смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

Сольвейг

Сергею Городецкому
Сольвейг прибегает на лыжах.
Ибсен. «Пер Гюнт»

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту – весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо – твое!
Это небо – мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла – и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь
радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой – он звончей песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

«Ты был осыпан звездным цветом...»

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарю алой сочетал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот – осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.

Так, – не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

«Твое лицо бледней, чем было...»

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор – не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных тенях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.

Март 1906

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»¹³ кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,

¹³ «Истина в вине!» (лат.)

И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
М ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906
Озерки

«Там дамы щеголяют модами...»

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она – бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что делать мне с тобой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

Апрель 1906 (28 апреля 1911)

«Прошли года, но ты – всё та же...»

*Я знал ее еще тогда
В те баснословные года
Тютчев*

Прошли года, но ты – всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я – склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года...

Их светлый пепел – в длинной урне.
Наш светлый дух – в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

Ангел-хранитель

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле,

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы – муж и жена!

За цепи мои и заклатья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отметить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня..

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои – поколение рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма – впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем – неразрывно – навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

Деве-революции

О, Дева, иду за тобой —
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

19 августа 1906
Малиновая гора

Русь

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши – утлое жильё,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвёе.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых
Поет преданья старины...

Так – я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот – она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

«Есть лучше и хуже меня...»

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом – метанье огня,
И в каждом – печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я – царь над собой,
Со мною – да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого люблю.

Сентябрь 1906

«Передвечернею порою...»

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной – за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом,
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальной толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Всё, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

Холодный день

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где проклинали друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь на запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там – в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье – праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне – молоток, тебе – игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В октябре

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Всё, всё по-старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!

Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по-старому, бывалому,
Да только – без меня!

Сентябрь 1906

«Шлейф, забрызганный звездами...»

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженьи вечном,
Вся – в шелках тугих —
Ты – путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты – рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
Дух свой предал небожителям,
Сердце – матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

«Нет имени тебе, мой дальний...»

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась всё печальней
Ее сиделка – тишина.

Но счастье было безначальней,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокою меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрему, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки – тишины...

Мгновенье – в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням – встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задыхалась тишина.

И миг еще – в оконной раме
Я видела – уходишь ты...
И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка – тишина...
Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

«К вечеру вышло тихое солнце...»

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихую радостью

О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,

После моей ночной попойки.
Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906 (Февраль 1907)

«Ночь. Город угомонился...»

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
Всё рассказывают звезды.

Октябрь 1906 (Февраль 1907)

«Я в четырех стенах – убитый...»

Я в четырех стенах – убитый
Земной заботой и нуждой.
А в небе – золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, – она довольна
И благодарна за наряд.

Она – такой же голубою
Могла бы стать, как в небе – ты
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.

Но и в стенах – моя отрада
Лазурию твоей гореть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...

И в бледном небе – тихим дымом
Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

Угар

Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы – рабы.

Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Поиграем и потешим —
Будет маленьким царем,
Царь повырастет потом...

Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает, —
Видит красный свет костра:
На костер идти пора!

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем – венец царей...

Пойте стройную стихиру:
Царь отходит почивать!
Песня носится по миру —
Будут ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать.

Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели —
Сизый стелется дымок,
Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

Тишина цветет

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был вам намеком
И несказанным – каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

«Так окрыленно, так напевно...»

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнусь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву – прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья – весну».

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906 (1915)

«Ты можешь по траве зеленой...»

Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшённой,
И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.

И потому – ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.

Октябрь 1906

Окна во двор

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу – старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забытые в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать – одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!
Да нет, не заглянешь – пройдешь..
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

«Ищу огней – огней попутных...»

Ищу огней – огней попутных
В твой черный, ведовской предел
Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда – простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес верхушкой ели
Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Всё о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душистых зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

Рождество

Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работали не даром,
Будет светел отдых.

Серебрится легкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей
Ясной тверди звезды.

Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!
Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локон!

Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеешься – вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.

Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

И пойдешь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звезды и хлопушки...

Сестры будут куклам рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!

7 ноября 1906

Проклятый колокол

Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился – зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

А над болотом – проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, —
Месяц будет вам – красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

Ноябрь 1906 (1917 или 1918)

«О жизни, догоревшей в хоре...»

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоём.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах – свет, в чьих косах – мгла.

Ты дремлешь, боже, на иконе,
В дыму камильниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я – сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я – голубой, как дым кадила,
Она – туманная весна.

И мы под сводом веём, веём,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деём
И Мэри светлую поём,

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вокруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах – свет, в чьих косах – мгла.

Ноябрь 1906

«В синем небе, в темной глуби...»

В синем небе, в темной глуби
Над собором – тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она.

Удивленными очами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны.
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны,

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой – далече
В синих улицах – весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...

В синем небе, в темной глуби
Над собором – тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховейная весна!

Ноябрь 1906

Балаган

Ну, старая кляча, пойдем ломать своего Шекспира!

Кин

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

«Твоя гроза меня умчала...»

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги между.

Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

«В час глухой разлуки с морем...»

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибоем,
С отуманенною далью —

Мы одни, с великим горем,
Седины твои закроем
Белым саваном – печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
Будет старая тоска.

И в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, —

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

«Хожу, брожу понурый...»

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе – весна.

А мне – какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмутив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое блее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить – нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

Пожар

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди – скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной – где мы?..
Чьи вызывают голоса?..

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906 (1917)

«Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...»

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха – сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю – в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

«На серые камни ложилась дремота...»

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, —

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

«Ты смотришь в очи ясным зорям...»

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мима,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметал?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все – в урочный час.

Декабрь 1906 (1907)

На чердаке

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что – теперь?
Вот – я с ней лишь связан.,
Вот – закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит – не глядит,
Тихая – не дышит,
Белая – молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

«В серебре росы трава...»

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый знак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906 (1918)

«Вот явилась. Заслонила...»

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг»
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромн дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906 (1918)

«Я был смущенный и веселый...»

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил– твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся – театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас ramпы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот – опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной – вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

Поэмы 1897-1906 годов

Неоконченная поэма (*Bad nauheim. 1897-1903*)

1

Я видел огненные знаки
Чудес, рожденных на заре.
Я вышел – пламенные маки
Сложить на горном алтаре.
Со мною утро в дымных ризах
Кадило в голубую твердь,
И на уступах, на карнизах
Бездымно испарялась смерть.
Дремали розовые башни,
Курились росы в вышине.
Какой-то призрак – сон вчерашний
Кривлялся в голубом окне.
Еще мерцал вечерний хаос —
Восторг, достигший торжества, —
Но всё, что в пурпур облекалось,
Шептало белые слова.
И жизнь казалась смутной тайной...
Что в утре раннем, полном сна,
Я вскрыл, мудрец необычайный,
Чья усмехнулась глубина?

2

Там, на горах, белели виллы,
Алели розы в цепком сне.
И тайна смутно нисходила
Чертой, в горах неясной мне.
О, как в горах был воздух кроток!
Из парка бешено зывал
И спорил с грохотом пролетов
Веками стиснутый хорал.
Там – к исцеляющим истокам
Увечных кресла повлеклись,
Там – в парке, на лугу широком,

Захлопал мяч и lawn-tennis;¹⁴
Там – нить железная гудела,
И поезда вверху, внизу
Вонзали пламенное тело
В расплавленную бирюзу.
И в двери, в окна пыльных зданий
Врывался крик продавщика
Гвоздик и лилий, роз и тканей,
И cartes postales, и kodak'a.¹⁵

3

Я понял: шествие открыто, —
Узор явлений стал знаком.
Но было смутно, было слито,
Терялось в небе голубом.
Она сходила в час веселый
На городскую суету.
И тихо возгорались доли,
Приемля горную мечту...
И в диком треске, в зыбком гуле
День уползал, как сонный змей...
Там счастью в очи не взглянули
Миллионы сумрачных людей.

4

Ее огнем, ее Вечерней
Один дышал я на горе,
А город грохотал безмерней
На возрастающей заре.
Я шел свободный, утоленный...
А день в померкшей синеве
Еще вздыхал, замороженный,
И росы прятались в траве.
Они сверкнут завтра снова,
К встанет Горная – средь роз,
У склона дымно-голубого,
В сияньи золотых волос...

12 мая 1904

¹⁴ Лаун-тенис (англ.).

¹⁵ Cartes postales (фр.) – почтовые открытки; Kodak – марка фотоаппаратов.

Ее прибытие

1. Рабочие на рейде

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья —
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь – в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

2. Так было

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И – лицом к луне —

Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

3. Песня матросов

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!
Приневастилась
Морская глубина!
Неневестная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!

С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

4. Голос в тучах

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым – нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите – где-то —
За ночью, за бурей – взыванье сирен!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка!..

А там – горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

5. Корабли идут

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор – цветок!
Ваша почва – создание волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...

Невидим для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий Рок:
«Ничей».

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты – не свет от зари, ты – мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество – наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу – вперед!
Электрический свет не умрет!

6. Корабли пришли

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там – за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То – земля, о, дети страсти,
Дети бурь, – она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

7. Рассвет

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.

Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте уделя.

Сумерки близятся. В утренней дреме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там – в океане – в земном водоеме —
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далёко
Мерит и выси и глуби – и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть или жизнь тяготеет над морем,
Весть о победе – в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сияньи —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранних и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...

.....

Ноябрь – 16 декабря 1904 (1918)

Ночная фиалка Сон

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото, —
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извожичьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин.

Также не были чужды ему
Девицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но всё посерело, померкло,
И зренье у спутника – также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?).

Прохожих стало всё меньше.
Только тощие псы попадались навстречу,

Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку, —
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Все, что вижу во сне, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинута мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрему, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари, —
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром всё было спокойно
И торжественной встречей полно:
Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состоянии желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза, —

Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой, —
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.
В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной – перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в седирах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,

Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.
Было тяжело опять приступить
К исполнению сурового долга,
К поклонению забытым венцам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дождаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям,
И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит

За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.
И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть – у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сажу я в избе.
Рядом – кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, – в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, – и у шлема,
На истлевшем полу,

Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше – чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше – беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королева,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть может, – столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,

Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далёко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.

Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я – Ночною Фиалкой.

За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаясь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

18 ноября 1905 – 6 мая 1906

Стихотворения 1907 года

«Я в дольний мир вошла, как в ложу...»

Н.Н.В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой – факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я – звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроюсь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

Снежная маска

Посвящается Н. Н. В.

Снега

Снежное вино

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вокруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидеть себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

Снежная вязь

Снежная мгла взвилась.
Легли сугробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты – стихов моих пленная вязь.

И тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь – электрический свет.

Там – пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь всё той же пленной душой
В купол всё тот же – звездный...

И смотришь в печали,
И снег синей...

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, —

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.
И ты молчишь.
И в душе твоей безнадежной
Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы среброснежной!
Я читаю вас наизусть.

3 января 1907

Последний путь

В снежной пене – предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснеженный
Если встанешь – не сойдешь.

И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января 1907

На страже

Я – непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он – простерт над бездной водной
С поднятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января 1907

Второе крещение

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.

И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещения
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет – Смерть.

3 января 1907

Настигнутый метелью

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет..
Как быстро – так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,
За ней другая..
И звезда за звездой
Понеслась,
Открывая

Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее
Непомерный свет – заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января 1907

На зов метелей

Белоснежной не было зим
И перистей тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым.
Умидали звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,

Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января 1907

Ее песни

Не в земной темнице душной
Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.
Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Украти.
Вихри снежные над бездной
Закрути.
Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

Крылья

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дольные покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дольные, вздохните!

В сердце – легкие тревоги,
В небе – звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

Сны метели светлосмейной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января 1907

Влюбленность

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: «Навеки. Опусты глаза твои».
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали – пролетевшие ладьи.

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча – два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января 1907

Не надо

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежносинем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Ныря в ледяных струях.

И нет моей завидней доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января 1907

Тревога

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайними снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

4 января 1907

Прочь!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

«Кто ты? Кто ты?
Скован дремой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы – целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!»

– Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!

Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди – снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лет ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне – мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умиряющего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.
У меня над ложем – знаки
Черных дней.
И струит мое веселье.
Два луча.
То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января 1907

И опять снега

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.

И в полях гуляет смерть —
Снеговой трубач...

И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...

8 января 1907

Голоса

(Двое проносятся в сфере метелей)

Он

Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
Рукою, подъятой к тучам,
Ты влечешь меня к безднам!

Она

О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столетия минут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

Он

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

Она

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты – в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

Он

Сердце – громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

Она

Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

Он

Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!

Она

Внимай! Внимай! Я – ветер встречный!
Мы – в лунном круге!
Мы – в бездне звездной!

Он

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!

Она

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод, —
Расстанься с дольною жизнью!

Он

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?

(Вьюга вздымает белый крест)
8 января 1907

В снегах

И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор. Бесконечность,
Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января 1907

Маски

Под масками

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкалу дремали книги.
Там – к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января 1907

Бледные сказанья

– Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!
– Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:
– Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вокруг девицы

Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска – маске скромной...
Третья – смущена...

И еще темней – на темной
Завесе окна
Темный рыцарь – только мнится..

И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
– Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.
И она внимает в маске.
И за ними – тихий танец
Отдаленных встреч...

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними – тихий танец
Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
Золотится
Луч, протянутый от сердца —
Тонкий цепкий шнур,

И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.

9 января 1907

Сквозь винный хрусталь

В длинной сказке
Тайно кроясь,
Бьет условный час.

В темной маске
Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальной покрывала,
Тоньше стана нет...

– Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!

– Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.

9 января 1907

В углу дивана

Но в камине дозвенели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на вьюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я – поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Странных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит

Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

9 января 1907

Тени на стене

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны – мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января 1907

Насмешница

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не Знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что ты?
Это – сны твоей дремоты.
Что ты хочешь услышать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».

10 января 1907

Они читают стихи

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? – Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах – сказки,
А в жизни – только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою – ночь и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой,
И маской не дразни меня.
И в темной памяти не трогай
Иного – страшного – огня.

10 января 1907

Неизбежное

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит,
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...

И под маской – так спокойно
Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января 1907

Здесь и там

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Коней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
По бурьянам,
И снопами мчались искры
По туманам, —
Ветер масок не догнал,
И с высот сереброзвездных
Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
Обозначились две тени,
Улетающие в дали
Незнакомой стороны...

Странных очерки видений
В черных масках танцевали —
Были влюблены.

13 января 1907

Смятение

Мы ли – пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января 1907

Обреченный

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призерами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января 1907

Нет исхода

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!
И приветно глядят на меня:
«Восстань из мертвых!»

13 января 1907

Сердце предано метели

Свергни, последняя игла,
В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!

Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января 1907

На снежном костре

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры – пряжи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила

От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же – легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января 1907

Усталость

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: смерть.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

Ненужная весна

1

Отсеребрилась; отзвучала...
И вот из-за домов, пьяна,
В пустую комнату стучала
Ненужно ранняя весна.

Она сера и неумыта,
Она развратна до конца.
Как свиньи тычутся в корыта,
Храпит у моего крыльца.

И над неубранной постелью
Склонилась, давит мне на грудь,
И в сердце, смятое метелью,
Бесстыдно хочет заглянуть.

Ну, что же! Стисну зубы, встречу,
И, выбрав хитрый, ясный миг,
Ее заклятьем изувечу
И вырву пожелтелый клык!

Пускай трясет визгливым рылом:
Зачем непрошеной вошла,
Куда и солнце не входило,
Где ночь метельная текла!

2

В глазах ненужный день так ярок,
Но в сердце неотлучно – ночь.
За красоту мою – в подарок
Старуха привела мне дочь.

«Вот, проводи с ней дни и ночи:
Смотри, она стройна, как та.
Она исполнит всё, что хочешь:
Она бесстыдна и проста».

Смотрю. Мой взор – слепой и зоркий
«Она красива, дочь твоя.
Вот, погоди до Красной Горки:
Тогда с ней повенчаюсь я».

3

Зима прошла. Я болен.
Я вновь в углу, среди книг.
Он, кажется, доволен,
Досужий мой двойник.

Да мне-то нет досуга
Болтать про всякий вздор.

Мы поняли друг друга?
Ну, двери на запор.

Мне гости надоели.
Скажите, что грущу.
А впрочем, на неделе —
Лишь одного впушу:

Того, кто от занятий
Утратил цвет лица,
И умер от заклятий
Волшебного кольца.

18 марта 1907

«Придут незаметные белые ночи...»

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключают очи.
И буду ждать я с лицом воздетым.

Я буду мертвый – с лицом подъятым
Придет, кто больше на свете любит
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют – уйдут беспокойно прочь
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот – помешала белая ночь'.

18 марта 1907

«Ушла. Но гиацинты ждали...»

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,

И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоём – безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозových.

И, миру дольнему подвластна,
Меж всех – не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

*31 марта
1907*

«За холмом отзвенели упругие латы...»

За холмом отзвенели упругие латы,
И копьё потерялось во мгле.
Не сияет и шлем – золотой и пернатый —
Всё, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
Обольют меня тучами стрел.

Если близкое утро пророчит мне гибель,
Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на горном изгибе
Лик твой молнийный гневом горит!

Воротясь, ты направишь копьё полуночи
Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в змеиных кудрях твои очи,
Я услышу твой голос: «Забудь».

Надо мною ты в синем своем покрывале,
С исцеляющим жалом – змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
Под неверным мерцаньем копыя!

2 апреля 1907

«Зачатый в ночь, я в ночь рожден...»

Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.

Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.

Что быть должно – то быть должно,
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот – я стал поэт.

Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.

И всё, как быть должно, пошло:
Любовь, стихи, тоска;
Всё приняла в свое русло
Спокойная река.

Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: Бог с тобой.

В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: «Вот, река идет».
И я пошел вперед.

В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та – незнакомая – пришла

И встала на мосту.

Она была – живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.

И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.

«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка».

Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь! Глухая смерть?

12 апреля 1907

«В темной комнате ты обещана...»

В темной комнате ты обещана,
Светлой улице ты предана,
Ты идешь, красивая женщина,
Ты пьяна!

Шлейф ползет за тобой и треплется,
Как змея, умирая в пыли...
Видишь ты: в нем жизнь еще теплится'
Запыли!

12 апреля 1907

«Я насадил мой светлый рай...»

Моей матери

Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

«Сын, милый, где ты?» – Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,
И снова кличет: «Сын мой! Где ты?»
Цветов стараясь не измять...

Всё тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

«Ты пробуждалась утром рано...»

Ты пробуждалась утром рано
И покидала милый дом.
И долго, долго из тумана
Копье мерцало за холмом.

А я, чуть отрок, слушал толки
Про силу дивную твою,
И шевелил мечей осколки,
Тобой разбросанных в бою.

Довольно жить в разлуке прежней
Не выйдешь из дому с утра.
Я всё влюбленней и мятежней
Смотрю в глаза твои, сестра!

Учи меня дневному бою —
Уже не прежний отрок я,
И миру тесному открою
Полет свободного копья!

Апрель (?) 1907

«С каждой весной пути мои круче...»

С каждой весной пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весной ясней и певучей
Таинства белых ночей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле, – и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

Смехом волнуемый черным и громким
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло;
Душит красавица ночь...
Краски последние смысла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь..

Ласки мои неумелы и грубы.
Ты же – нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

«Ты отошла, и я в пустыне...»

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты – родная Галилея
Мне – невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.

30 мая 1907

«Я ухо приложил к земле...»

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу

Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хриплый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна – над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

«Тропами тайными, ночными...»

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё – да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

Девушке

Ты перед ним – что стебель гибкий,
Он пред тобой – что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверь стань и стереги:
Успеешь – в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои отгиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

«Сырое лето. Я лежу...»

Сырое лето. Я лежу
В постели – болен. Что-то подступает
Горячее и жгучее в груди.
А на усадьбе, в тенях светлой ночи,
Собаки с лаем носятся вокруг дома.
И меж своих – я сам не свой. Меж кровных
Бескровен – и не знаю чувств родства.
И люди опостытели немногим
Лишь меньше, чем убитый мной комар.
И свечкою давно озарено
То место в книжке, где профессор скучный.
Как ноющий комар, – поет мне в уши,
Что женщина у нас угнетена
И потому сходна судьбой с рабочим.
Постой-ка! Вот портрет: седой профессор —
Прилизанный, умытый, тридцать пять
Изданий книги выпустивший! Стой!
Ты говоришь, что угнетен рабочий?
Постой: весной я видел смельчака,

Рабочего, который смело на смерть
Пойдет, и с ним – друзья. И горны замолчат
И останутся работы разом
На фабриках. И жирный фабрикант
Поклонится рабочим в ноги. Стой!
Ты говоришь, что женщина – раба?
Я знаю женщину. В ее душе
Был сноп огня. В походке – ветер.
В глазах – два моря скорби и страстей
И вся она была из легкой персти —
Дрожащая и гибкая. Так вот,
Профессор, четырех стихий союз
Был в ней одной. Она могла убить —
Могла и воскресить. А ну-ка, ты
Убей, да воскреси потом! Не можешь?
А женщина с рабочим могут.

20 июня 1907

Песельник

*Там за лесом двадцать девок
Расцветало краше дня.*

Сергей Городецкий

Я. – песельник. Я девок вывожу
В широкий хоровод. Я с ветром ворожу.
Я голосом тот край, где синь туман, бужу,
Я песню длинную прилежно вывожу.

Ой, дальний край! Ты – мой! Ой, косыньку
развей!
Ой, девка, заводи в глухую топь весной!
Эй, девка, собирай лесной туман косой!
Эй, песня, веселей! Эй, сарафан, алей!

Легла к земле косой, туманится росой...
Яр темных щек загар, что твой лесной пожар...
И встала мне женой... Ой, синь туман, ты – мой
Ал сарафан – пожар, что девичий загар!

24 июня 1907

«В этот серый летний вечер...»

В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,

Черноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?

Разлюбил тебя и бросил,
Знаю – взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?

25 июня 1907

Вольные мысли

(Посв. Г. Чулкову)

1. О смерти

Всё чаще я по городу брожу.
Всё чаще вижу смерть – и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на горах щебня,
А за глухим забором – ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом – внезапный крик:
«Упал! Упал!» – кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенек,
Увидел всё зараз: вдали летели

Жокеи в пестром – к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремяна.
А за листвою кудрявеньких березок,
Так близко от меня – лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал – с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг – в мозгу прошли все мысли
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах

Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песку,
Таскали – то кирпичик, то полена,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери – с отвислыми грудями
Под грязным платьем – ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой – кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик.
«Упал! Упал!» – опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу – лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино

Пойду еще бродить. Покуда солнце,

Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!
Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,
Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

2. Над озером

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый, —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит – и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый —
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне – ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной – могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,

В широкой шляпе, средь ночных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный
в мир

Но некому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру – красавице – ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там – самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющим задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штанов!
Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далёко, так далёко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! – И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!.. – И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..
А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой.
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил – незримый и высокий...
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» – И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!
И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» – я кричу...
И голосом красавицы – леса
Прибрежные отвечают мне: «Здравствуй!»
Кричу: «Прощай!» – они кричат: «Прощай!»
Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Ночь белая, и бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле,
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...»

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

3. В северном море

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,

Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там – закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневном мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
Здесь были Коля с Катей», «Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божий дела», —
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.
На горизонте, за спиной, далёко

Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий Вольный остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вежи,
Метелками фарватер оградив,
И далеко – от вежи и до вежи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем – штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица – морская яхта.
На тонкой мачте – маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.
На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами...
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

4. В дюнах

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой»,
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду – и запою».

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней – всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен – нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе

Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
её глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом – вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она – и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» – И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

*Дюны
Июнь – июль 1907*

«Везде – над лесом и над пашней...»

Везде – над лесом и над пашней,
И на земле, и на воде —
Такою близкой и вчерашней
Ты мне являешься – везде.

Твой стан под душной летней тучей
Твой стан, закутанный в меха,
Всегда пою – всегда певучий,
Клубясь туманами стиха.

И через годы, через воды,
И на кресте и во хмелю,
Тебя, Дитя моей свободы,
Подруга Светлая, люблю.

8 июля 1907

«В густой траве пропадешь с головой...»

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня – куст белых роз.
Вот здесь вчера – повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь – тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой – зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне»
И опять за травой колокольчик звенит..

12 июля 1907

Осенняя любовь

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь; —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда – просторно и далёко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах – такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой – будет ли причален
К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.

Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным

И радость, и слава —
Всё в этом сияньи бездонном,
И дальнем.

Но смятые травы

Печальны,
И листья крутятся в лесу обнаженном.

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне всё жальче и жальче...

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

3

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отрадно:
Ты думаешь – нежная ласка,
Я знаю – восторг мятежа!

И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...

О, в этот сияющий вечер
Ты будешь всё так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!

Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрастна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пиновала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

«Когда я создавал героя...»

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик – зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

«Всюду ясность божия...»

Всюду ясность божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь всё,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротись
В самый ясный свет.

3 октября 1907 (Февраль 1908)

«В те ночи светлые, пустые...»

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались как чужие,
Забыв, что есть простое ты.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод

Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим меря,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить – и укротить.

И чуждый – чуждой жал он руки
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.

10 октября 1907 (24 декабря 1913)

Снежная дева

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стан, —
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —

Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд
За то, что я в стальной кольчуге
И на кольчуге – строгий крест

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.
Но сердце Снежной Девы немо

И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.
И я, как вождь враждебной рати

Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1907

«И я провел безумный год...»

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые – и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом – опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном – гулко
Звенят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свету,
И вьется шлейф, как хвост кометы

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, —

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца – чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, —
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь – буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительную страстью
День обессиленный погас, —
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

Заклятие огнем и мраком

*За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, траву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне.*

Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами – хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Привявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растёт, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город – яркий сноп огня.
Река – прозрачное стекло,
И только – нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене – смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огненным,
О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок – и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное – было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразнишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно,
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным,
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках платья
Мое безумное лицо...

Лишь утром воронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова – знаю, знаю

Твою земную красоту!

Что быть бесстрастным? Что – крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой – в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке – магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем – сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок.

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце – летящая птица...
Что в сердце – щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров

От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

Сердце – легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит, наверное, темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истоми ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится —
То вдали закружилась она —
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет – и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он – не отогнать
(И воля уничтожена):

«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одиноко,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

8

О, что мне закатный румянец,
Что злые тревоги разлук?
Всё в мире – кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А всё пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки – холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей – страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схимник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,

Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...

Ты виденьем, в пляске нежной,
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Всё, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропую зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стан твой гибкий
Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружит...
Всё – виденья, всё – измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...
Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
Смерти нет!
В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле —
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос – внятный.
Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом

Ты дразнишь и манишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И – вольная Русь?..

И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убегает, вскрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть, —
Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...
И странным сияньем сияют черты...
Удалая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска.
Гармоника – ты?

1 ноября 1907

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я – руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная – пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты – ночь, и вся ты – тьма,

И вся ты – во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник – другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.
Ты знай про себя, что не хуже

Другого плясал бы – вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!
Что ростом и станом ты вышел

Статнее и краше других,
Что та молодлица – повыше
Других молодниц удалых!
В ней сила играющей крови,

Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...
Ах, сладко, как сладко, так сладко

Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

11

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог

Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

«Меня пытали в старой вере...»

Меня пытали в старой вере.
В кровавый просвет колеса
Гляжу на вас. Что – взяли, звери?
Что встали дыбом волоса?

Глаза уж не глядят – клоками
Кровавой кожи я покрыт.
Но за ослепшими глазами
На вас иное поглядит.

27 октября 1907

Инок

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям – брат примерный,

И рясу черную несу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На ярое пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот – меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

«Она пришла с заката...»

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полночи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи,
И черными змеями
Распуталась коса.

И змеи окрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

8 ноября 1907

Клеопатра

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь – я воск. Я тлен. Я прах». —

«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь – будем оба
В веках равны перед судьбой?»

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колыхается едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта – слезы,
У пьяной проститутки – смех».

16 декабря 1907

«Стучится тихо. Потом погромче...»

Стучится тихо. Потом погромче.
Потом смеется.
И смех всё ярче, желанней, звонче,
И сердце бьется.

Я сам не знаю,
О чем томится
Мое жильё?

Не сам впускаю
Такую птицу
В окно свое!

И что мне снится
В моей темнице,
Когда поет
Такая птица?

Прочь из темницы
Куда зовет?

24 декабря 1907 (1915?)

Стихотворения 1908 года

«Всю жизнь ждала. Устала ждать...»

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь – какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка...»

Я тоже – здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сирий дух – твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава – вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне,

А люди – на могильном камне
Начертят прозвище: Поэт.

13 января 1908

«Когда вы стоите на моем пути...»

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

«Она пришла с мороза...»

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

6 февраля 1908

«Я миновал закат багряный...»

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы, —
Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человеческой,
Едва не оттеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...

Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Февраль 1908

Не пришел на свиданье

Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого – ушла.
Нету милого – одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

«Как он в губы целовал...
Как невестой называл...»

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружкой?

Белый саван – . снежный плат.
А под платом – голова...
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд...
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...

Выйди, выйди из ворот...
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай...

Приподымешь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.

Ревель

«Душа! Когда устанешь верить?...»

Душа! Когда устанешь верить?
Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...

Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять – зовет другая,
Другая вызывает день...

Но мглой весеннею повито
Всё, что кипело здесь в груди..
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

26 марта 1908

«И я любил. И я изведаль...»

И я любил. И я изведаль
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: враг; и слово: друг.

Их было много... Что я знаю?
Воспоминанья, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотой,
Чье имя: страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

30 марта 1908 (Январь 1912)

«Их было много – дев прекрасных...»

Их было много – дев прекрасных.
Ущелья гор, хребты холмов
Полны воспоминаний страстных
И потаенных голосов...

Они влеклись в дорожной пыли
Отвека ведомым путем,
Они молили и грозили
Кинжалом, ядом и огнем...

Подняв немые покрывала,
Они пасли стада мои,
Когда я крепко спал, усталый,
А в даях плакали ручьи...

И каждая прекрасной ложью
Со мною связана была,
И каждая заветной дрожью
Меня томила, жгла и жгла...

Но над безумной головою
Я бич занес, собрал стада
И вышел горною тропею,
Чтоб не вернуться – никогда!

Здесь тишина. Здесь ходят тучи.
И ветер шелестит травой.
Я слушаю с заветной кручи
Их дольний ропот под горой.

Когда, топча цветы лазури
Копытом черного коня,
Вернусь, как царь в дыханьи бури, —
Вы не узнаете меня!

Март 1908

«Свирель запела на мосту...»

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?.

22 мая 1908

«В глубоких сумерках собора...»

В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой:
Твой голос – только стон из хора,
Стон протяженный и глухой.

И испытать тебя мне надо:
Их много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаешь,
Ты смертью, может быть, умрешь,

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска – что мне до них?
Ты – только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого ль достоин?
Смотри, как жалок ты и слаб,
Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!

И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!

25 мая 1908 (1917)

«Май жестокий с белыми ночами!...»

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
«От страстей моих освободи!»

Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!

28 мая 1908

«Всё помнит о весле вздыхающем...»

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбачьих шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн...

28 мая 1908

Встречной

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет.
Твой муж – презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

2 июня 1908 (1912)

На поле Куликовом

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,

И опять, опять они кричат...

На пути – горючий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня

Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!

Быть светлым меня научи!»
Вздывается конская грива...
За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

5

«Опять над полем Куликовым...»

*И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.*

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

23 декабря 1908

«Я помню длительные муки:...»

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось..
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

9 июня 1908 (1 января 1911)

За гробом

Божья мать *Утоли мои печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом – в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец – родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем – бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И веноч случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

6 июля 1908

Мэри

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых перий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Укрась мое жильё,
Пусть будут те же речи
Про вольное житьё,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенести!

2

Жениха к последней двери
Проводив,
О нежданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой.
Спой о жизни одиноко
Прожитой...
Спой о том, что не свершил он,
Для чего от нас спешил он
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоём,
Тихий господи,
И не счесть светлых рос,
Не заплесть желтых кос
Тучки утренней.

17 января 1908 (1911?)

Друзьям

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля – так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

Поэты

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж не доступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пусть я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

«Она, как прежде, захотела...»

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жильё.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней..
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

30 июля 1908

«Усните блаженно, заморские гости, усните...»

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...
Что падают звезды, чертя серебристые нити,
Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку,
И винные змеи сплетутся в одну бесконечность?
Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.

30 июля 1908

«Когда замрут отчаянье и злоба...»

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасные,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

Всё та же ты, какой цвела когда-то,
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнувшей зари.

1 августа 1908 (8 февраля 1914)

Забывшие тебя

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой – туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел. из строя,
За мной – толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце – в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так – суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908 (8 февраля 1914)

«Твое лицо мне так знакомо...»

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался – ты сидела,
Я подошел – ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье – нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущий...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

«Я пригвожден к трактирной стойке...»

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё – равно.
Вон счастье мое – на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло..
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна..
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна...

26 октября 1908

«Часовая стрелка близится к полночи...»

Часовая стрелка близится к полночи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым годом, сердце! Я люблю вас тайно.
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

4 ноября 1908 (2 января 1914)

«Старинные розы...»

Старинные розы
Несу, одиноко,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропею,
С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат.,
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег?
Лишь розы на талый
Падают снег,
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

4 ноября 1908 12 января 1914)

«Вот он – ветер...»

Вот он – ветер,
Звнящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот – что ты мне сулила:
Могила.

4 ноября 1908

«Ночь – как ночь, и улица пустынна...»

Ночь – как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День – как день; ведь решена задача
Все умрут.

4 ноября 1908

«Ты так светла, как снег невинный...»

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

8 ноября 1908

«Своими горькими слезами...»

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять – бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И всё равно, чей вздох, чей шепот,
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так – сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...

С благоволеньем ? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908 (Осень 1910)

«Уже над морем вечерет...»

Уже над морем вечерет,
Уж ты мечтой меня томишь,
И с полуночи ветер веет
Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигаю,
Уходят в море корабли,
А ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива,
Вся – в отступающих огнях,
Во мгле вечернего залива,
В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный
Тебе навстречу развести,
В венок страстной и неизбежный —
Цветок влюбленности вплести...

Обетование неложно:
Передо мною – ты опять.
Душе влюбленной невозможно
О сладкой смерти не мечтать.

24 ноября 1908

«Не могу тебя не звать...»

Не могу тебя не звать,
Счастье мое!
Имя нежное твое
Сладко повторять!

Вся ты – бурная весна,
Вся ты – мной одним пьяна.,
Не беги же прочь!
Хочешь дня —
Приходит ночь...
Не избегнешь ты меня!

Золотистая коса, расплетись!
В эти жадные глаза заглядись!
Долгожданная гроза, разразись!

30 ноября 1908 (1918)

«Всё б тебе желать веселья...»

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной болью,
Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколотная змея!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!

7 декабря 1908

«Я не звал тебя – сама ты...»

Я не звал тебя – сама ты
Подошла.
Каждый вечер – запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий.
За плечами трепетали
Два крыла.

На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.

И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

7 декабря 1908

«Грустя и плача и смеясь...»

Грустя и плача и смеясь,
Звонят ручьи моих стихов
У ног твоих,
И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?

8 декабря 1908

«Опустишь, занавеска линиялая...»

Опустишь, занавеска линиялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами иссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шепоте, в забытьи,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал – не моя вина,
Ты, кому обещался, – прости...

30 декабря 1908

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

«Не затем величал я себя паладином...»

Не затем величал я себя паладином,
Не затем ведь и ты приходила ко мне,
Чтобы только рыдать над потухшим камином,
Чтобы только плясать при умершем огне'

Или счастье вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар?
Нет! В золе еще бродят последние искры —
Есть огонь, чтобы вспыхнул пожар!

30 декабря 1908

«Ты из шепота слов родилась...»

Ты из шепота слов родилась,
В вечеряющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день.
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов среди садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

Май 1903 – декабрь 1908

Стихотворения 1909 года

Осенний день

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётном журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

«Мой милый, будь смелым...»

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездою
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

7 января 1909

«Не венчал мою голову траурный лавр...»

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Праздный слух был исполнен громами литавр,
Сердце – музыкой буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил среди божественных чаш.
Сон мой длился века, все виденья собрав
В свой широкий, полунощный плащ.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайτε – вновь он сохнется во тьму.
Беззакатного дня, легковерные, нет.
Я ночного плаща не сниму.

22 января 1909

«Под шум и звон однообразный...»

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания
И забываю, что и как...
Кругом – снега, трамваи, зданья,
А впереди – огни и мрак.

Что, если я, замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

«Я сегодня не помню, что было вчера...»

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда – в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

3 февраля 1909

«Покойник спать ложится...»

Покойник спать ложится
На белую постель.
В окне легко кружится
Спокойная метель.
Пуховым ветром мчится
На снежную постель.

Снежинок легкий пух
Куда летит, куда?
Прошли, прошли года,
Прости, бессмертный дух,
Мятежный взор и слух!
Настало никогда.

И отдых, милый отдых
Легко прильнул ко мне.
И воздух, вольный воздух
Вздохнул на простыне.
Прости, крылатый дух!
Лети, бессмертный пух!

3 февраля 1909 (1912?)

«Так. Буря этих лет прошла...»

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: встань.
И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909 (Февраль 1914)

«В голодной и больной неволе...»

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ – венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного – и нам.

15 февраля 1909 17 февраля 1914)

«Уж вечер светлой полосой...»

Уж вечер светлой полосой
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжег и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь, —
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший мимо.
Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

На смерть младенца

Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна —
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозою сжималась
Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.

Но – быть коленопреклонным,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нет. Над младенцем, над блаженным
Скорбеть я буду без Тебя.

2 марта 1909

«Здесь в сумерки в конце зимы...»

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я – лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,

Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа...
Ушла – и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

27 марта 1909

«Не спят, не помнят, не торгуют...»

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

Над мировую чепухую;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

*30 марта 1909. Ревель
(Весна 1911)*

«Когда я прозревал впервые...»

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

«Дохла жизнь в лицо могилой...»

Дохла жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

Март 1909

«Весенний день прошел без дела...»

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы
День догорел в душе давно.

Март 1909

«Когда, вступая в мир огромный...»

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда – ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так – только замедляет шаг.

Март 1909

«Какая дивная картина...»

Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;

Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни древ;
И на камнях поют наяды
Беспольный гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя!

Март 1909

«Ты в комнате один сидишь...»

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!
Я твой давно забытый час,
Стучусь – откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!
Я всё равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
В янтарь закатный!
Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
Что толку в споре?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?
Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

Март 1909

Итальянские стихи

*Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.¹⁶*

Надпись под часами в церкви Santa Maria Novella (Флоренция)

Равенна

Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,

Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди – всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни

¹⁶ Так незаметно многих уничтожают годы, Так приходит к концу всё сущее в мире; Увы, улы, невозвратно минувшее время, Увы, торопится смерть неслышным шагом. (Лат.)

Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Май – июнь 1909

* * *

Почует в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там – виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек – весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! – страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

Девушка из Spoleto

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой – мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду
Где ты срываешь цветы, – и люблю!

Мимо, всё мимо – ты ветром гонима —
Солнцем палима – Мария! Позволь
Взору – прозреть над тобой херувима,

Сердцу – изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

3 июня 1909

Венеция

1

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких...

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести.

Адриатической любви —
Моей последней —
Прости, прости!

9 мая 1909 (16 января 1914)

2

«Холодный ветер от лагуны...»

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь – больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галлерей,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит – дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август – октябрь 1909

3

Слабеет жизни гул упорный,
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветер сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцонной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне – велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, – живо
Мечты, виденья, думы – прочь!
Волна возвратного прилива

Бросает в бархатную ночь!

Август – сентябрь 1909

Перуджия

День полувеселый, полустрадный,
Голубая гарь от Умбрских гор.
Вдруг – минутный ливень, ветер прохладный.
За окном открытым – громкий хор.

Там – в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине – белая записка:
«...Questa sera...¹⁷ монастырь Франциска...»

Июнь 1909 (5 мая 1911)

Флоренция

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Bella¹⁸, смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звонят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,

¹⁷ Нынче вечером (*ит.*)

¹⁸ Красавица (*ит.*) – название Флоренции в Италии.

Беато снился синий сон!

Ты пышных Медичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтажный —
Сгинь в очистительных веках!

Май – июнь, ноябрь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909 (5 мая 1911)

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубою
Унесет меня волной...

Июнь 1909 (17 марта 1914)

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.

О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

5

Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она – вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Июнь 1909 (17 марта 1914)

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

17 мая 1909 (11 февраля 1914)

7

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной.

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...
Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

Август 1909

«Вот девушка, едва развившись...»

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севера.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими тополями.

*15 мая 1909. Settignano
(16 января 1914)*

Madonna da Settignano

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок твой разубран цветами —
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику – мне?
Страстно твердить твое имя, Мария
Здесь, на чужой стороне?

3 июня 1909

Фьёзоле

Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьёзоле когда-то,
Когда впервые взор Беато

Флоренцию приметил с гор?

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

Сиена

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни – свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся – колчан упругих стрел
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг, —
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощура!..

7 июня 1909 (1914)

Сиенский собор

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь – Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.

Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот – мальчик над цветком и с птицей,
Вот – муж с пергаментом в руках,
Вот – дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристалльно-ясный час любви.

Июнь 1909 (5 мая 1911)

«Искусство – ноша на плечах...»

Искусство – ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего cinema!
А через год – в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, – и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!

*Июнь 1909. Foligt
(4 марта 1914)*

«Глаза, опущенные скромно...»

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...

Быть с девой – быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах...
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытьё...

Однако, братьям надоело

.....
.....
.....

Конец преданьям и туманам!
Теперь – во всех церквах она
Равно – монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной – поэт...
Он видит твой необычайный,
Немеркнувший, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В твою ласкающую высь!

12 июня 1909 (12 февраля 1914)

Благовещение

С детских лет – видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно – красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде – сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красы!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет – ближе, ближе,
Уж над ней – шумящих крыл шатер.
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда – незнаемую болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними – символ своеволья —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,

*Ніе amoris locus sacer est».*¹⁹

*Май – июнь 1909
Perugia – Spoleto*

Успение

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездой и зарею
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в даль.

*4 июня 1909
Spoleto*

Эпитафия фра Филиппо Липпи²⁰

Здесь я покоюсь, Филипп,

¹⁹ Идите прочь, непосвященные, здесь свято место любви (*лат.*).

²⁰ Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

живописец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти – у всех на устах.
Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных души умел – голосом бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья,
Принуждена меня звать мастером равным себе.

В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Медичи, прежде чем я в низменный прах обращусь.

17 марта 1914

«Кольцо существованья тесно:...»

Кольцо существованья тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять – любить Ее на небе
И изменить ей на земле.

Июнь 1909 (19 марта 1914)

Через двенадцать лет

К. М. С.

1

Всё та же озерная гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови – она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июнь 1909 (Май 1911)

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я – память, весь я – слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу – вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В тених траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всё – как призрак, всё – как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909 (Май, 1911)

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени, —

Не знал я, что в лесу девичьем
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьим:

«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

4

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки.

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

*1897-1909. Bad Nauheim
(19 марта 1914)*

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то.
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг – туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909 (3 января 1912)

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

*25 марта 1910
Елагин остров*

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недальний,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: улетим.

Март 1910

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

23 марта 1910

Утро в Москве

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро как прелесть твоя.

*Июль 1909. Москва
(Февраль 1914)*

«Чем больше хочешь отдохнуть...»

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...
Одно, одно —
Уснуть, уснуть...
Но всё равно —
Разбудит кто-нибудь.

27 августа 1909 (Весна 1911)

«„Дым от костра струею сизой...“»

«Дым от костра струею сизой...»

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари – покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздыхни небесной глубиной.

Смотри с печальною усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом – в алый круг.

Август 1909

«Всё это было, было, было...»

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклюет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю – не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Август 1909 (Весна 1911)

«Как прощались, страстно клялись...»

Как прощались, страстно клялись
В верности любви...
Вместе тайн приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б да не манила
Дальняя сторона!

Вспоминай же, ради бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

5 сентября 1909

«Всё на земле умрет – и мать, и младость...»

Всё на земле умрет – и мать, и младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда – и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи.

7 сентября 1909

«Из хрустального тумана...»

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный.
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал

Взор во взор – и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!

Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой – солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, —
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

«В эти желтые дни меж домами...»

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигаешь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром
Ты не даром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно не даром
Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

6 октября 1909

Песнь ада

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

Где спутник мой? – О, где ты, Беатриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас нежный – скупю
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, —
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там – брошены зияющие маски;

Там – старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце – знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волнением непонятым
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
«Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?»

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной

Едва наш город скроется во мгле, —
Томим волной безумного напева,
С печатью преступления на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева!

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
мной – чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг

С единственной, кто ласки презирала,

Я ликованье первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, нежданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист
И странно встали в небе метеоры.

Но был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И – сомкнутых безмерными цепями —
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованной навек глухими снами,

Дано ей чують боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел – могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, —
Так сострадай и помня, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спальной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень в белое плечо!»

31 октября 1909

Двойник

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот – в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу – из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг – он улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...

Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909 (26 августа 1914)

«Поздней осенью из гавани...»

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснежённом берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно – больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

На островах

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой – с пленной – с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только – продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

Сусальный ангел

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он – немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет – нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Создания хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка – душа...

25 ноября 1909 (1911)

«Как из сумрачной гавани...»

Как из сумрачной гавани,
От родимой земли
В кругосветное плаванье
Отошли корабли, —
Так и вы, мои
Золотые года —
В невозвратное
Отошли навсегда.

Ноябрь (?) 1909

Стихотворения 1910 года

«С мирным счастьем покончены счета...»

С мирным счастьем покончены счета,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор

11 февраля 1910 (25 декабря 1914)

«Седые сумерки легли...»

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно.
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

11 февраля 1910 (4 марта 1914)

«Черный ворон в сумраке снежном...»

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце – страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
И нем – твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

Голоса скрипок

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

На смерть Коммиссаржевской

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс – в хладном серебре.
Ушла. От всех великолепий —
Вот только: крылья на заре.

Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею – с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы – что мы на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел – в ночь..

Пускай хоть в небе – Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

«Дух пряный марта был в лунном круге...»

Дух пряный марта был в лунном круге
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось – сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А. шалый ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг – ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910

Часовня на Крестовском острове

На пасхе

В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новой гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертявая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.

Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

18 апреля 1910 (Май 1914)

В ресторане

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре – фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратись к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

Демон

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я – блуждал среди чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томлени твоём исступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил...

И снится – в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених – не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

«Как тяжело ходить среди людей...»

Там человек сгорел

Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910 (27 февраля 1914)

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локонов:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною
Скользнул – и поезд в даль умчал

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что – давно уж сердце вынуто
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами

Она раздавлена – всё больно.

14 июня 1910

Сон

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху – всё громче, всё нелепей;
И день последний настанет.

Чуть брезжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами – красные каменья
И мавзолеей из чугуна.

И Он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами – с Ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален». —

«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».

20 июня 1910 (5 мая 1911)

«Когда-то гордый и надменный...»

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот – прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, – и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё – не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще – смертная тоска.

11 июля 1910 (4 декабря 1913)

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...»

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться.
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла..
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

19 июля 1910

«Где отдается в длинных залах...»

Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лет,
Где вина теплятся в бокалах, —
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, вясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..

Там всё – игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далека
Печальный ангел просквозит...

19 июля 1910

«Сегодня ты на тройке звонкой...»

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь – проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик – будь он в поддевке темной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной, —
Не упускай его из глаз...

Задремлешь – и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка..

6 августа 1910

«Я коротаю жизнь мою...»

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня – трезво торжествую,
А завтра – плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот – необъятною рукою
Покрывший зеркало – стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

27 сентября 1910

«Там неба осветленный край...»

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редет.

Сентябрь 1910 (5 мая 1911)

Юрию Верховскому
(При получении «Идиллий и элегий...»)

Дождь мелкий, разговор неспешный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный —
Ведь так при встречах повелось?

Но вот – какой-то светлый гений
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я – в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.

Сентябрь 1910 (5 мая 1911)

Посещение

Голос

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемлют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, —
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи – в венце.
Вот они – еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоём голосе – возгласы моря,
На лице твоём – жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

Второй голос

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь пристальный враг
И душа для видений ослепла,
Если вспомню, – лишь ветер налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было – далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

Сентябрь 1910

Комета

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы – по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом —
Стальным и ровным – поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу – стремят отныне
Полет – стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь-октябрь 1910 (1917)

«Идут часы, и дни, и годы...»

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он – был. Но он – не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? – Их не было. – Что ж было?
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: Ессе homo!²¹
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных' жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный – служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: Нет, я не слуга.
Так падай, перевязь цветная!

²¹ Се человек! (лат.)

Хлынь, кровь, и обагри снега!

4 октября 1910

«Знаю я твое льстивое имя...»

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотании твоих жемчуга.

18 ноября 1910

«В неуверенном, зыбком полете...»

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце – и винт.

Ноябрь 1910

Стихотворения 1911 года

«В огне и холоде тревог...»

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный – у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем – священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек – у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева – есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве – воли дремлют,
Так точно – черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
В очарованья бездыханном,
Среди глубоких недр, – пока
В горах не запоеет кирка.

Январь 1911 (6 февраля 1914)

«Когда мы встретились с тобой...»

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) —
Над черной Вислой – черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир – жилище бога,
О холоде и об огне.

Январь 1911 (8 марта 1915)

«О, как смеялись вы над нами...»

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы – всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы
Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои...

Весна 1911 (6 февраля 1914)

«Да. Так диктует вдохновенье:...»

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где унижение,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже, —
Оттуда зримей мир иной...
*Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?*
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, —
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь – дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только – лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю – там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, —
Дням настоящим молвив: *нет!*

Сентябрь 1911 (7 февраля 1914)

«Земное сердце стынет вновь...»

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью – зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой
Уюта – нет. Покоя – нет.

Осень 1911 (6 февраля 1914)

Унижение

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука **подлеца** нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот – дом в самом деле?
Разве **так** суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве **это** мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел – твой свист замогильный.
Чу! опять – бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я – не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце – острый французский каблук!

6 декабря 1911

«Без слова мысль, волнение без названия...»

Без слова мысль, волнение без названия,
Какой ты шлешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молнией знания
Глухой декабрьский мрак?
Всё призрак здесь – и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, – ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)
Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвеса
Несбыточную явь...
Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знанием несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

Стихотворения 1912 года

«Ветр налетит, завоюет снег...»

Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь – тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг – малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

6 января 1912

«Шар раскаленный, золотой...»

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус – наша ночь земная.
За ней – опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

«Повеселясь на буйном пире...»

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно,
И ветер ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».

6 января 1912

«Благословляю всё, что было...»

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пусть и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой *скуке*
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть – вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательны очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

Авиатор

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом – напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа,
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух – ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто – неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука – мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведал ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910 – январь 1912

Шаги Командора

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном – туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ – победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа – тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета – ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?

Анна! Анна! – Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет
Анна встанет в смертный час.

Сентябрь 1910 – 16 февраля 1912

Пляски смерти

1

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца – к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем – изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка – дура и супруг – дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушен...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он/

Лишь у колонны встретится очами
С подругою – она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале» —
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». – «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там – NN уж ищет взором страстным
Его, его – с волнением в крови...

В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах – нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

3

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью Venena²²
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул,
И череп повернул... Аптекарь крякнул,

²² Яд (лат.)

Привстал – и на другой сжалился бок...
А гость меж тем – заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам безносым».
На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

4

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут – куда?
Там – лишь черная вода,
Там – забвеньё навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая – стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвеньё навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

Февраля 1914

5

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад

Смотрит месяц бледный,

Насыляет тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он – с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

Валерию Брюсову
(При получении «Зеркала теней...»)

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство – пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов поведено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обагрит алтарь любви».

20 марта 1912

Владимиру Бестужеву (*Ответ*)

Да, знаю я: пронзили ночь отвеса
Незримые лучи.
Но меры нет страданию человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне – мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

24 марта 1912

Вячеславу Иванову

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь – излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг – неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный – ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

18 апреля 1912

«Сквозь серый дым от краю и до краю...»

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая – нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточной верой?
Ведь мгла – всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912 (1913)

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится – снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне – колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от края до края,
И окошко твое.

Этот голос – он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

«И вновь – порывы юных лет...»

И вновь – порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений.
Но счастья не было – и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, —

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!

19 июня 1912

«Миры летят. Года летят. Пустая...»

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, – который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься – вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздыхнул, глядишь – опасность миновала...
Но в этот самый миг – опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! – Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

«Есть минуты, когда не тревожит...»

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна.
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души...

Июль 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кровати
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую – над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлетя в кроватке.
Дремлешь? – Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Около 8 октября 1912

На лугу

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.

Весна идет сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

25 октября 1912

Ворона

Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохматой...

А уж в воздухе – вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны – игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!

25 октября 1912

Сочельник в лесу

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне,
Тронет свечкою сучок —
Треснет, вспыхнет огонек,
Округлится, задрожит,
Как по нитке, побежит
Там и сям, и тут, и здесь...
Зимний лес сияет весь!..

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух
Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал.

Октябрь 1912

Тишина в лесу *После ночной метели*

Бушевали ночные метели,
Заметали лесные пути,
И гудели мохнатые ели,
И у ангелов не было силы
Звездный свет до земли донести.

Но полночные силы устали
В небе черные тучи клубить,
И деревья стонать перестали,
И у ангелов силы хватило
Звездным светом леса озарить.

И деревья торжественным строем
Перед ясным лицом тишины
Убеляются снежным покоем,
Исполняются светлою силой
Ледяной и немой белизны.

Чье там брезжит лазурное око?
Как поляна из звезд – небеса.
В тишине голубой и глубокой
С дивной ратью своей многокрылой
Бог идет сквозь ночные леса.

Октябрь 1912

«Болотистым, пустынным лугом...»

Болотистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут – дальный
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —

Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,
Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!

Октябрь 1912

Испанке

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик Handa²³ и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

²³ Давай! Пошел! (*исп.*).

«В небе – день, всех ночей суеверней...»

В небе – день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он – ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь – не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»

*Ночь без той, зовут кого
Светлым именем. Ленора.
Эдгар По*

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я – мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним – лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора смириться, сор».

«Но в старости – возврат и юности, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво прервал»
«Она – всё та ж: *Линор безумного Эдгара*.
Возврата нет. – Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была – восторгом, бурей, адом,
А здесь – в вечерний час – с чужим наедине —
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бессменно.
В час горький на меня оставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сор*.

2 ноября 1912

К музе

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? – Ты вся – не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты – и Муза, и чудо.
Для меня ты – мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

«Мой бедный, мой далекий друг!...»

Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно щадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль – порываний нам довольно,
И лишь недуг – надежный щит?

29 декабря 1912

«В сыром ночном тумане...»

В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул – исчез...

Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...

В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...

И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльём поросла...

И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прынул
Испуганный мой конь...

«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь – всё забудешь,
Забудешь – канешь в ночь!»

В тумане да в бурьяне,
Гляди, – продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Декабрь 1912

Стихотворения 1913 года

О чем поет ветер

1

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда..
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

19 октября 1913

2

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздыхнуть – и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:
С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

19 октября – 27 декабря 1913

3

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури – Азраил!

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

4

Из ничего – фонтаном синим
Вдруг брызнул свет.
Мы головы наверх закинем —
Его уж нет,
Рассыпался над черной далью
Златым пучком,
А здесь – опять, – дугой, спиралью,
Шаром, волчком,
Зеленый, желтый, синий, красный -
Вся ночь в лучах...
И, всполошив ее напрасно,
Зачах.

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

5

Вспомнил я старую сказку,
Слушай, подруга, меня;
Сказочник добрый и старый
Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
«Плохо теперь бесприютным!»
Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь отворил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивою тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
К старому сердцу приник.

«Что у тебя за игрушки?» —
«Их подарила мне мать». —
«Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?»

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и на пол спрыгнул.
«Вот как умею!» — сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века,
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло, —
Всё, всё.

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

6

Было то в темных Карпатах,

Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это – я помню неясно,
Это – отрывок случайный,
Это – из жизни *другой* мне
Жалобный ветер напел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров,
И темный времени полет
Следить,
И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеяться и ждать...

Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго, крепче спи,
Всё равно всё пройдет,

Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звеня...

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

«Есть времена, есть дни, когда...»

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря – в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Пол-сердца – туча грозовая,
Под ней – всё глушь, всё немота,
И эта – прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

22 ноября 1913

Седое утро

Утро туманное, утро седое...
Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я – который раз подряд —
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинутаго назад, —
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд – как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле.
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913

Новая Америка

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами – кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шепотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горячей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это – стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там князьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной – без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, – и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь – подземный мессия,
Черный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

Художник

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он – возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка – стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду – и скучаю опять.

12 декабря 1913

«Я вижу блеск, забытый мной...»

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками – иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доньше узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда былое без следа
Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне – о счастье.

12 декабря 1913

«Ты говоришь, что я дремлю...»

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю*.

Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня – прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговою...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

«Ваш взгляд – его мне подстеречь...»

Ваш взгляд – его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом – вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо,
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,

Тогда – угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.

12 декабря 1913

«О, нет! не расколдуешь сердца ты...»

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой —
Неузнанной, *красивой*, неживою.
Такой ведь ты искала? – Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты **простой** возжаждешь красоты.

И *он* придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от **неземного** сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел **недуг**.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг – очнешься: пусто; нет огня,
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь – меня!

Как иступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

Анне Ахматовой

«Красота страшна» – Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан – в волосах.

«Красота проста» – Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан – на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать, не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

«Есть игра: осторожно войти...»

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой – точно сразу поймет:
Вздрагнул плечи, рука у него;
Обернется – и нет ничего;
Между тем – беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так – игра, как игра у детей;
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей – не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока – в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913

«Натянулись гитарные струны...»

Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет.
Только тронь его голосом юным
Запоет!

И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

19 декабря 1913

«Как свершилось, как случилось?...»

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,

Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, – и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода – сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

19 декабря 1913

«Как растёт тревога к ночи!...»

Как растёт тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесь мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль – раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой – страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

30 декабря 1913

«Ты – буйный зов рогов призывных...»

Ты – буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты – серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох – странник,
Как воин – милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913

Стихотворения 1914 года

Черная кровь

1

Вполоборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне – искушенья тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко – гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользящий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже – свидание, даже – любовь!

2 января 1914

2

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не смей, и не смей
В эту страшную пропасть глядеть!

22 марта 1914

3

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воеет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощерись ты...

30 января 1914

4

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные. Чтоб долго длились муки,
Когда – ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста – нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горячей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! – Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай – бездонной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад,
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце – прочь, раскаяние – прочь!
Кто смеет мне помочь?

В опустошенный мозг ворвется только ночь
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет *никогда*,
Когда ты крикнешь: *Да!*

29 января 1914

6

Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.

2 января 1914

7

Ночь – как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне – старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрезжит бледный день едва...

Тогда – во взгляде глаз усталом
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!

27 декабря 1913

8

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольцо – померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви...

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

– О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

– Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

– Мой красавец, позор мой, бич....
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
– Ты мертва наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, —

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909 (Июль 1914)

9

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,

Горит заревая кайма.
Далекие, влажные доли
И близкое, бурное счастье!

Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.
Поют они дикие песни

О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

13 марта 1910 (21 февраля 1914)

«О, я хочу безумно жить:...»

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство – разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!*

5 февраля 1914

«Я – Гамлет. Холодеет кровь...»

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1911-6 февраля 1914

Aber Wrack, Finistere

Жизнь моего друга

1

Весь день – как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, – а в глубине покорный:
Не выгорит – и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но – страшная минута!
Средь всяких прочих дум -
Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто ночь на всё проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись – глядит в глаза пустые
И провожает – ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

3

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался *мукой ада*,
Перечислил все слова,
Но – болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похватъ, – а сердца нет.

Сердце – крашенный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

4

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделенье,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

5

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» – «Снес в кабак». –
«Где сердце?» – «Закинуто в омут».

«Чего ж тебе надо?» – «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего». —

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!),
Гляжу – близ меня никого...
В карман посмотрел – ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

30 декабря 1913 (3 января 1914)

6

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой – о Христе,
О газете – четвертый.
Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпитафий
(*Из Надсона и символистов*).
После – под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушенный чужими духами.
Розы поставьте на стол –
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...

После – собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, громя *футуризм*,
Символизмом шпынял,
Заклучив реализмом.
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто

В мир вернуть не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольнего мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — *не лучше ль,*
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914

7

Говорят черти:

Грешь, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в иступленном покаянии,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою

Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

8

Говорит смерть:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился – и ранний
Жар юности простыл – и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам – к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога —
Уж он – не голос, только – стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

10 декабря 1915

«Как день, светла, но непонятна...»

Как день, светла, но непонятна,
Вся – явь, но – как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней – всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, —

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914

«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки, —
Что нужды? – Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось, —
Молилось и пело тебя, но ведь ты – не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объятя, – тащиться без важного дела...

Но я – человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То *ревность по дому*, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: Что делаешь, делай скорее.

21 февраля 1914

Голос из хора

Как часто плачем – вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть – далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

6 июня 1910 – 27 февраля 1914

Кармен

Л. А. Д.

1

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, –
Так сердце под грозой невучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

4 марта 1914

2

На небе – празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа..

что месяца нежней, что зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

24 марта 1914

3

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь – перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей – червонно-красным,
И голос – рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

4

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

5

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвенят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

26 марта 1914

6

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий – таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере – ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...

О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы.)
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов – несчастному тому...
О, не глядеть, молчать – нет мочи,
Сказать – не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете – в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...

*А там: Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от этой грустной жизни!*
Кричит погибший человек...
И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

7

Вербы – это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит – теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный – поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит – мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит – ты вспоминаешь меня.

Розы – страшен мне цвет этих роз,
Это – рыжая ночь твоих кос?
Это – музыка тайных измен?
Это – сердце в плену у Кармен?

30 марта 1914

8

Ты – как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

9

*О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно – я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь – звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

10

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я – твой поклонник и поэт!

Здесь – страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную – постичь ее нет сил.
Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!

Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его – твоя безумна младость...
Всё – музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

31 марта 1914

«Петербургские сумерки снежные...»

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли – точно у девушки нежные,
А о чем – и сама не пойму.

Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно.
Вон лицо мое – злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный..
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

14 мая 1914

Последнее напутствие

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь – она вошла.
Вот она – с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это – легкий образ рая,
Это – милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять – коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,

Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

14 мая 1914

«Смычок запел. И облак душный...»

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей – то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

14 мая 1914

Королевна

Не было и нет во всей подлунной
Белоснежной плеч.
Голос нежный, голос многострунный,
Льстивая, смеющаяся речь.

Все певцы полночные напевы
Ей слагают, ей.
Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей.

Темный рыцарь, не подняв забрала,
Жадно рвется в бой;
То она его на смерть послала
Белоснежною рукой.

Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни
Из высокого окна.

И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...

Да еще – души ее властитель,
Тот, кто навсегда —
Путь забыл в далекую обитель, —
Не вернется никогда!

28 ноября 1908 – 16 мая 1914

«Я помню нежность ваших плеч...»

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна *верности*... твоей.

1 июля 1914

«Ты жил один! Друзей ты не искал...»

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..» —
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумиряющего счастья!»

26 августа 1914

«Грешить бесстыдно, непробудно...»

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

«Задобренные лесом кручи:...»

Задобренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горячий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не сплет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,
Спят, убаюканные ленью
Людской врагини – тишины.

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

Октябрь 1907 – 29 августа 1914

«Та жизнь прошла...»

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная – глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

31 августа 1914

«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо – всё мимо, мимо,
Впереди – неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

31 августа 1914

«Ветер стих, и слава заревая...»

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссейная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бога,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?.

И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссейный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...

Август 1914

Женщина

Памяти Августа Стриндберга

Да, я извела все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу – с печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встретя,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто – скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, —

И вдруг, с мучительным усилием,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,

Сказал: «Букет забыли вы». —

«Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914

«Петроградское небо мутилось дождем...»

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизнью цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
А другие – не в лад – *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.

И военной славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё несло к нам *ура*,
В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это – ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость – ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть – ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

«Рожденные в года глухие...»

З. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовется с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

Антверпен

Пусть это время далеко,
Антверпен! – И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты – во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но всё – притворство, всё – обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914

«Он занесен – сей жезл железный...»

Он занесен – сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозь,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

«Я не предал белое знамя...»

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой – одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрили из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи – всё пусто и немо,
В смертном сне – враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

«Разлетясь по всему небосклону...»

Разлетясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу – моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла.

Огнекрасные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

25 декабря 1914

«Распушилась, раскачнулась...»

Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья мать улыбнулась
С красного угла.

Отложила молодица
Зимнюю кудель...
Поглядеть, как веселится
В улице апрель!

Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удачью, тоскою
Задыхал туман.

И под ветром заметались
Кончики платка,
А прохожим примечтались
Алых два цветка.

И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у бога,
И весна пришла.

25 декабря 1914

Стихотворения 1915 года

«Протекли за годами года...»

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя – той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума – и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915 (9 июня 1916)

«За горами, лесами...»

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнюю,
Вспоминаю с печалью нездешнюю
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915 (9 июня 1916)

«Пусть я и жил, не любя...»

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, —
Всё ты волнуешь мне душу
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал – не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915

Перед судом

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала – в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой – не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе – ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь – такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

«Похоронят, зароят глубоко...»

Похоронят, зароят глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко – там осень,
Если бурно – там, значит, весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

18 октября 1915

«Милая девушка, что ты колдуешь...»

Милая девушка, что ты колдуешь
Черным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
Только – я здесь ни при чем.

Знаю, что этой игрою опасной
Будешь ты многих пленять,
Что превратишься из женщины страстной
В умную нежную мать.

Но, испытавши судьбы перемены, —
Сколько блаженств и потерь! —
Вновь ты родишься из розовой пены
Точно такой, как теперь.

9 декабря 1915

«На улице – дождик и слякоть...»

На улице – дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затемят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

«От знающего почерк ясный...»

От знающего почерк ясный
Руки прилежной и прекрасной,
На память вечную о том
Лишь двум сердцам знакомом мире,
Который вспыхнул за окном
Зимой, над Ponte dei Sospiri...²⁴

15 декабря 1915

²⁴ Мост Вздохов (*ит.*)

Стихотворения 1916 года

«Превратила всё в шутку сначала...»

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла – принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё – зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

« Дикий ветер...»

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую – чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

Демон

Иди, иди за мной – покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

9 июня 1916

«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...»

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитав ты умел,
Что грядущие ночи – темней и темней,
что ночам неизвестен предел.

Вот – свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь – тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались – улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты – железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

Стихотворения 1918 года

Скифы

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.*

Владимир Соловьев

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,

Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

А если нет, – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,

Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

3. Гиппиус (При получении «Последних стихов...»)

Женщина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневами звенящих строк!

Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу – море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне – бросаться в многопенный вал,
Вам – зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко – над нами – над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя – Интернационал!

6 июня 1918

Стихотворения 1919 года

Русский бред

Зачинайся, *русский бред*...

...Древний образ в темной раке,
Перед ним подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...

Три... в автомобиле...

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа —
Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох.
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым...

Февраль 1918 – 8 апреля 1919

«Вы жизнь по-прежнему нисколько...»

Вы жизнь по-прежнему нисколько
Не знаете. Сменилась полька
У них печальным *кикапу*...
И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?

Май 1919

Стихотворения 1920 года

«Яблони сада вырваны...»

Яблони сада вырваны,
Дети у женщины взяты,
Песню не взять, не вырвать,
Сладостна боль ее.

Август 1920

Две надписи на сборнике «Седое утро...»

1

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон – всю ночь один:
Так видит Даму паладин,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику – родной очаг,
И капитану – океан,
И деве – розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
Неизъясним, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, – забвенью не предам.

23 октября 1920

2

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, —
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас *она* дала...

24 октября 1920

Стихотворения 1921 года

Пушкинскому дому

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

Поэмы 1907-1921 годов

Соловьинный сад

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, – и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, – отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги – прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом – отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится
Жизнь другая – моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночью, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня – таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходной,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна,
Не стучал я – сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5

Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена, —
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг – виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что с тобою, возлюбленный мой?»

Но, вперяясь во мглу сиротливо,

Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, —
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? – И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,

Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, – он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

6 января 1914 – 14 октября 1915

Возмездие

Юность – это возмездие.

Ибсен

Предисловие

Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы²⁵ рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.

Интересно и небесполезно и для себя и для других припомнить историю собственного произведения. К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и – увы! – забыть их нельзя, – они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.

Поэма «Возмездие» была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году. Что это были за годы?

1910 год – это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем – громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий – вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность – мудрая человечность.

Далее, 1910 год – это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек – но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой то «первозданный Адам».

Зима 1911 года была исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепета. Я помню ночные разговоры, из которых впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. Мысль, которую, по-видимому, будили сильные толчки извне, одновременно стучалась во все эти двери, не удовлетворяясь более слиянием всего воедино, что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции, а также – в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею.

Именно мужественное веянье преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего – противоречий непримиримых и требовавших примирения. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга, которому остался всего год жизни. Уже был ощутив запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П. Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под заглавием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны». В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море разыгрался знаменательный эпизод «Пантера – Агадир».

²⁵ Предисловие было написано в связи с публикацией третьей главы поэмы.

Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты,

В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; все мы помним ряд красивых воздушных петель, полетов вниз головой, – падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции.

Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время.

Тогда мне пришлось начать постройку большой поэмы под названием «Возмездие». Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились всё уже и уже, и самый маленький круг, съезжившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался, – в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в понятии музыкальном и мускульном; о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время все движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. При систематическом ручном труде развиваются сначала мускулы на руках, так называемые – бицепсы, а потом уже – постепенно – более тонкая, более изысканная и более редкая сеть мускулов на груди и на спине под лопатками. Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея, и тема.

Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.; ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.). Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека, от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек – и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится-таки за него...

Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса.

Такую идею я хотел воплотить в моих «Rougon-Macquar'ax» в малом масштабе, в коротком обрывке рода русского, живущего в условиях русской жизни: «Два-три звена, и уж видны заветы темной старины»... Путем катастроф и падений мой «Rougon-Macquar'bi» постепенно освобождается от русско-дворянского education sentimentale²⁶, превращается в алмаз», Россия – в новую Америку; в новую, а не в старую Америку.

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога. Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; составляют ее фон.

Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народолюбивого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий «демон», первая ласточка «индивидуализма», человек, похожий на Байрона, с каким-то нездешними порывами и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся fin de siecle²⁷.

Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна быть посвящена сыну этого «демона», наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, – бесчувственному сыну нашего века. Это – тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.

В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим «демоном», в какую бездну упал этот яркий когда-то человек. Действие поэмы переносится из русской столицы, где оно с тех пор развивалось, в Варшаву – кажущуюся сначала «задворками России», а потом призванную, по-видимому, играть некую мессианскую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши. Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску, третьему звену все того же высоко взлетающего и низко падающего рода.

В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет; он начинает уже играть, он начинает повторять по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот».

Вот, по-видимому, круг человеческой жизни, съездившийся до предела, последнее звено длинной цепи; тот круг, который сам, наконец, начинает топорщиться, давить на окружающую среду, на периферию; вот отпрыск рода, который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю.

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом «возмездия»; этот лейтмотив есть *мазурка*, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры – глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского fin de siecle, знаменитой *veuve Clicquot*²⁸ еще более глухие – цыганские, апухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносящейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия.

12 июля 1919

²⁶ Чувствительного воспитания (*фр.*)

²⁷ Концом века (*фр.*)

²⁸ «Вдова Клико» (*фр.*). – знаменитая марка французского шампанского.

Пролог

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминучий,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пусть же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар – он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? – Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, – лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, —
И мир – он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно, —
Его рука – в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там – пожар.

Но песня – песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот – голову его на блюде

Царю плясунья подает;
Там – он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь – именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою, —
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом – юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена, – и уж ясны
Заветы темной старины;
Созрела новая порода, —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет – миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, камня!

Первая глава

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,

Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей – пополам!),
Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье, – а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...

А человек? – Он жил безвольно:
Не он – машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там – распри кровные решают
Дипломатическим умом,
Там – пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там – вместо храбрости – нахальство,
А вместо подвигов – «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкой обоз
Волочит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста – рог Роланда
И шлем – фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
И не устанут проклинять.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал – да жестко спать...

Двадцатый век... Еще бездомней,

Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж, человек? – За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем – машин немолчный скрежет?
Зачем – пропеллер, воя, режет
Туман холодный – и пустой?

Теперь – за мной, читатель мой,
В столицу севера больную,
На отдаленный финский брег!

Уж осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
А здесь – по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца много!
Куда народ валит с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется ура,

И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толпой,

Крик, давка, ругань площадная...
За самой городской чертой,
Где светится золотоголовый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой, —
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!
И пред растроганной царицей,
В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними – снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый и неслабый враг...
Вон – павловцы, вон – гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они – средь своего народа!
Чем встретит их родной народ?
Сегодня – прошлому забвенью,
Сегодня – тяжкие виденья
Войны – пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих – без рассвета,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то —
И настигающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,

Негреющий огонь костра,
И даже – бремя вечной розни
Среди штабных и строевых,
И (может, горше всех других)
Забыли интендантов козни...
Иль не забыли, может быть? —
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них – цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их – свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...

Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто – сменять
На ранах корпию и вату,
Кто – на вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным «штрюком»,
Играя новым темляком
На алой ленточке, – как дети...
Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера?

В глазах любого офицера
Стоят видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом,
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;

Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод —
То роковое *всё равно*,
Которое подготавливает

Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазеющих зевак,
Нас вовсе ликованье это
Заставило забыть вчера...
У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит *ура!*

И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновенный
Здесь – в петербургском сентябре!
Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,
И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чует
И, несмотря на общий смех,
Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет эхо,

А всё – не разогнать толпу;
Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрою тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню – орет
Уже по этому случаю
Бегущий подсобить народ
(Городовой – свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря, —
И сам отец семейства даже
Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждут чего-то...
Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет – нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно – придет другое,
Вглядись – уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возврата,
Ты в ней – как в старой старине...

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.
Ты мог бы в том окне приметить
За рамой – бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,
Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь – и не взглянешь,
Встречаешь – и не узнаешь,
Ты за другими в сумрак канешь,
Ты за толпой вослед пройдешь.
Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво теребя,
Пусть встречный человек и зданье —
Как все другие – для тебя.
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за *этими* стенами
И твой скрываться может рок...

(Но если б ты умом раскинул,
Забыв жену и самовар,
Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали
И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядись – увидишь ряд один
Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собрание не многоречиво,
И каждый гость, входящий в дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.
Вот кто-то вспыхнул папироской:
Средь прочих – женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное – всё просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;
Едва приметно затемнен
Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большоголовый, темновласый —
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья —
И гость к ребенку в черном платье
Идет, минуя остальных...

Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: «Поздравляю вас
С побегом. Соня... Софья Львовна!
Опять – на смертную борьбу!»
И вдруг – без видимой причины —
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало.
Над ней кладут крестом кинжалы.
Вот пламя ширится – и вдруг,
Взбежав над жженкой, задрожало
В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
Напев согласный зазвучал,
Как будто – свадьба, новоселье,
Как будто – всех не ждет гроза, —
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно – идет другое.
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья,
И, если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохновенье, —
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет – *пристальность* твоя.
В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья.

Дворяне – все родня друг другу,
И приучили их века
Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё в брезгливости природной

Меж волей царской и народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих воль.
Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда – меж двух огней.
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие – не скроем —
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И не чиновных, как чиновных...

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым
(Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь
Открыта настежь зимней выюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившейся стыда).
И *нигилизм* здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен,

«Семейство – вздор, семейство – блажь»,
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души – всё та ж
«Княгиня Марья Алексевна»...
Живая память старины
Должна была дружить с неверьем —
И были все часы полны
Каким-то новым «двоеверьем»,
И заколдован был сей круг:
Свои словечки и привычки,
Над всем чужим – всегда кавычки,

И даже иногда – испуг;
А жизнь меж тем кругом менялась,
И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
(В том видя долг гражданский свой),
А то – и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С «Народной Волею» в руках —
Советоваться впопыхах,
Что неурядиц всех причиной?
Что предпринять пред «годовщиной»?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? —
Всем ведомо, что в доме этом
И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к закату.
(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).

Глава семьи – сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещения,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь —
И немец грезит о Париже),
И – ярый западник во всем —
В душе он – старый барин русский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля

Брюзжит не плоше Щедрина:
То – недоварены форели,
А то – уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:
Нежданный, как цветок над бездной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая – томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй – всегда не лень учиться,
Меньшая – скачет и поет,
Велит ей нрав живой и страстный
Дразнить в гимназии подруг
И косоплеткой ярко-красной
Вводит начальницу в испуг...
Вот подросли: их в гости водят,
В карете возят их на бал;
Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый —
И первых слез так сладок пыл,
А старшей – чинной и стыдливой —
Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный малый;
Ее готовят под венец...
«Смотри, он дочку любит мало, —
Ворчит и хмурится отец, —
Смотри, не нашего он круга...»
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга
Они стараются скрывать...
Торопит мать наряд венчальный,
Приданое поспешно шьют,
И на обряд (обряд печальный)
Знакомых и родных зовут...
Жених – противник всех обрядов
(Когда «страдает так народ»)
Невеста – точно тех же взглядов:
Она – с ним об руку пойдет,
Чтоб вместе бросить луч прекрасный,
«Луч света в царство темноты»
(И лишь венчаться не согласна
Без флер д'оранжа и фаты).
Вот – с мыслью о гражданском браке,
С челом мрачнее сентября,
Нечесанный, в нескладном фраке
Он предстоит у алтаря,
Вступая в брак «принципиально», —

Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невнятны
Произносимые слова,
А у невесты – голова
Кружится; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута —
Они воротятся в семью,
И жизнь, при помощи уюта,
В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,
А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
Ему, как новому жильцу,
Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей по нутру
Народницей и недотрогой
Дразнить замужнюю сестру,
Второй – краснеть и заступаться,
Сестру резоня и уча,
А старшей – томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
Вступая в разговор с отцом
О сощьялизме, о коммуне,
О том, что некто – «подлецом»
Отныне должен называться
За то, что совершил донос.
И вечно будет разрешаться
«Проклятый и больной вопрос»...

Нет, вешний лед круша, не смоем
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
и юношу, и старика —
Смотреть, как будет лед носиться,
И как ломаться будет лед,

И им обоим будет сниться,
Что их «народ зовет вперед»...
Но эти детские химеры
Не помешают наконец
Кой-как приобрести манеры
(От этого не прочь отец),
Косоворотку на манишку
Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя «славном»,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк. .
Да, этим в жизнь – до смерти рано
Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать, – шалят;
Они – «не моего романа»:
Им – всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять
Тех, с *обреченными глазами*:

Другая статья, другая кровь —
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась – темна и широка,
И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Сию старинную ладью...
Но скоро пробил час туманный —
И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.

Встань, выйди поутру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг – птичий щебет и движенье...
Он слушает... еще мгновенье —
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный по ветру летит –
Он жертву бедную когтит...

И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел – чертить за кругом круг,
Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь, – кружит, кружит.

Россия-мать, как птица, тужит
О детях, но – ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
Суровой жизни скрасить бремя,
Набраться сведений и сил
Для «Дневника». (Он в это время
С Победоносцевым дружил.)
С простертой дланью вдохновенно
Полонский здесь читал стихи.
Какой-то экс-министр смиренно
Здесь исповедовал грехи.
И ректор университета
Бывал ботаник здесь Бекетов,
И многие профессора,
И слуги кисти и пера,
И также – слуги царской власти,
И недруги ее отчасти,
Ну, словом, можно встретить здесь
Различных состояний смесь.
В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки,
Славянофил и либерал
Взаимно руку пожимал
(Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава богу, руку жмут).
И всех – не столько разговором,
Сколь оживленностью и взором, —
Хозяйка в несколько минут
К себе привлечь могла на диво.
Она, действительно, слыла
Обворожительно-красивой,
И вместе – добрая была.
Кто с Анной Павловной был связан, —
Всяк помянет ее добром
(Пока еще молчать обязан

Язык писателя о том).
Вмещал немало молодежи
Ее общественный салон:
Иные – в убежденьях схожи,
Тот – попросту в нее влюблен,
Иной – с конспиративным делим...
И всем нужна она была,
Все приходили к ней, – и смело
Она участие брала
Во всех вопросах без изъятия,
Как и в опасных предприятиях...
К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.

Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был как свой
Один ученый молодой.
Непринужденный гость, привычный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? – он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской: —
Похож на Байрона». – Слово
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно – столь упрямый;
«Красив, умен», – твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет...
А чувств прекрасной половины
Никто, сам черт, не разберет...
И дамы были в восхищеньи:
«Он – Байрон, значит – демон...» – Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали...
(Вообще, в нем странность замечали —
И всем хотелось замечать.)
Пожалуй, не было, к несчастью,
В нем только *воли* этой... Он
Одной какой-то тайной страстью,

Должно быть, с лордом был сравнен:

Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений, —
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженье власти то ж,
И то же порыванье к бездне.
Но – тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отягчены сознаньем.
Так
Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.

«Как интересен, как умен», —
За общим хором повторяет
Меньшая дочь. И уступает
Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрон.
И приглашенье принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
Обычай вежливый и чинный:
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззрениях,
Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.
Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,
Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь сбитых крыльев треск? —
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда

Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...
Он в доме запросто обедал

И часто всех по вечерам
Живой и пламенной беседой
Пленял. (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал: Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн – с Флобером)
Свобода, право, идеал – .
Всё было для него не шуткой,
Ему лишь было втайне жутко:
Он, утверждая, отрицал
И утверждал он, отрицая.
(Всё б – в крайностях бродить уму,
А середина золотая
Всё не давалась ему!)
Он ненавистное – любовью
Искал порою окружить,
Как будто труп хотел налить
Живой, играющею кровью...
«Талант» – твердили все вокруг, —
Но, не гордясь (не уступая),

Он странно омрачился вдруг...
Душа больная, но молодая,
Страшась себя (она права),
Искала утешенья: чужды
Ей становились все слова...
(О, пыль словесная! Что нужды

В тебе? – Утешишь ты едва ль,
Едва ли разрешишь ты муки!) —
И на покорную рояль
Властительно ложились руки,
Срывая звуки, как цветы,
Безумно, дерзостно и смело,
Как женских тряпок лоскуты
С готового отдаться тела...
Прядь упала на чело...
Он сотрясался в тайной дрожи...
(Всё, всё – как в час, когда на ложе
Двоих желание сплело...)

И там – за бурей музыкальной —
Вдруг возникал (как и тогда)
Какой-то образ – грустный, дальний,
Непостижимый никогда...
И крылья белые в лазури,

И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? – Всё, что быть должно
Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотой
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом..
Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом —
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он – жизнь, он – счастье, он – стихия,

Она нашла героя в нем, —
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может
Она – почти сошла с ума...
А он? —
Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
Как бедный мучится ребенок,

Что счастье ребенку дать —
Теперь – в его единой власти.
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...
То – ум холодный, ум жестокий
Вступил в нежданные права...
То – муку жизни одинокой
Предугадала голова...
«Нет, он не любит, он играет, —
Твердит она, судьбу кляня, —
За что терзает и пугает
Он беззащитную меня...
Он объясненья не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...»
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас – больным крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
Уже от ужаса – безумной,
Дрожащей жертвы...) – Вот – любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!

Будь трижды проклят, жалкий век!

Другой жених на этом месте
Давно отряс бы прах от ног,
Но мой герой был слишком честен
И обмануть ее не мог:
Он не гордился нравом странным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя – смешно...
Он много знал – себе на горе,
Слывя недаром «чудаком»
В том дружном человечьем хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) – бараньим стадом...
Но – «глас народа – божий глас»,
и это чаще помнить надо,
Хотя бы, например, сейчас:
Когда б он был глупей немного
(Его ль, однако, в том вина?), —
Быть может, лучшую дорогу
Себе избрать могла она,
И, может быть, с такою нежной
Дворянской девушкой связав

Свой рок холодный и мятежный, —
Герой мой был совсем не прав...

Но всё пошло неотвратимо
Своим путем. Уж лист, шурша,
Крутился. И не удержиимо
У дома старилась душа.
Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:
Аресты, обыски, доносы
И покушенья – без числа...
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал средь этой мглы;
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском праве,
С душой, начавшей уставать, —
Он скромно предложил ей руку,
Связал ее с своей судьбой
И в даль увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку, —
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний – назван *первым марта*.

В семье – печаль. Упразднена
Как будто часть ее большая:
Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить – и путано, и трудно:
То – над Россией дым стоит..
Отец, седея, в дым глядит...
Тоска! От дочки вести скудны...
Вдруг – возвращается она...

Что с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна...
И на руках лежит ребенок.

Вторая глава <Вступление>

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык светил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,

И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура»
Заводит кто-то голосистый,
И царь – огромный, водянистый —
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи – целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете», —
Бормочешь, лужу обходя,
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами

Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?..
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь главой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпиле крепостном; и вот —
(Сон или явь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник...)
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

Третья глава

Отец лежит в «Аллее роз»,²⁹
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, —

²⁹ Улица в Варшаве.

И вот – в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Надуто мстительной химерой;
Коперник сам лелеет месть,
Склоняясь над пустою сферой...
«Мечь! Мечь!» – в холодном чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот оттепель: блеснет живею
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертят смелей
Свой круг ласкательный и льстивый...
Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.

Вокзал заплеванной, дома,
Коварно преданные вьюгам;
Мост через Вислу – как тюрьма,
Отец, сраженный злым недугом, —
Все внове баловню судеб;
Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак – на смертном ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря
Твоя, забывший Польшу, боже
Что здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? —
Забывший лист осенних дней
Да пыль сухую ветер носит!
А ночь идет, ведя мороз,
Усталость, сонные желанья...
Как улиц гадостны названья!
Вот, наконец, «Аллея Роз»!.. —
Неповторимая минута:
Больница в сон погружена, —
Но в раме светлого окна
Стоит, оборотясь к кому-то,
Отец... и сын, едва дыша,
Глядит, глазам не доверяя...
Как будто в смутном сне душа
Его застыла молодая,
И злую мысль не отогнать:
«Он жив еще!.. В чужой Варшаве

С ним разговаривать о праве,
Юристов с ним критиковать!..»
Но всё – одной минуты дело:
Сын быстро ищет ворота
(Уже больница заперта),
Он за звонок берется смело
И входит... Лестница скрипит...
Усталый, грязный от дороги
Он по ступенькам вверх бежит
Без жалости и без тревоги...
Свеча мелькает... Господин
Загородил ему дорогу
И, всматриваясь, молвит строго:
«Вы – сын профессора?» – «Да, сын...»
Тогда (уже с любезной миной):
«Прошу вас. В пять он умер. Там...»

Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой – а стал орлиный.
Был жалок этот смятый одр,
И в комнате, чужой и тесной,
Мертвец, собравшийся на смотр,
Спокойный, желтый, бессловесный...
«Он славно отдохнет теперь», —
Подумал сын, спокойным взглядом
Смотря в отворенную дверь...
(С ним кто-то неотлучно рядом
Глядел туда, где пламя свеч,
Под веяньем неосторожным
Склоняясь, озарит тревожно
Лик желтый, туфли, узость плеч, —
И, выпрямляясь, слабо чертит
Другие тени на стене...
А ночь стоит, стоит в окне...)
И мыслит сын: «Где ж праздник Смерти?
Отцовский лик так странно тих...
Где язвы дум, морщины муки,
Страстей, отчаянья и скуки?
Иль смерть смела бесследно их?» —
Но все утомлены. Покойник
Сегодня может спать один.
Ушли родные. Только сын
Склонен над трупом... Как разбойник,
Он хочет осторожно снять
Кольцо с руки оцепенелой...
(Неопытному трудно смело
У мертвых пальцы разгибать).
И только преклонив колени
Над самой грудью мертвеца,

Увидел он, *какие* тени
Легли вдоль этого лица...
Когда же с непокорных пальцев
Кольцо скользнуло в жесткий гроб,
Сын окрестил отцовский лоб,
Прочтя на нем печать скитальцев,
Гонимых по миру судьбой...
Поправил руки, образ, свечи,
Взглянул на вскинутые плечи
И вышел, молвив: «Бог с тобой»

Да, сын любил тогда отца
Впервой – и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панихид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца.
Отец лежал не очень строго:
Торчал измятый клок волос;
Всё шире с тайною тревогой
Вскрывался глаз, сгибался нос;
Улыбка жалкая кривила
Неплотно сжатые уста...
Но разложение – красота
Неизъяснимо победила...
Казалось, в этой красоте
Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...
А чернь старалась, как могла:
Над гробом говорили речи;
Цветками дама убрала
Его приподнятые плечи;
Потом на ребра гроба лег
Свинец полоскою бесспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не мог
Потом, с печалью непритворной,
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
Злой день сменяла злая ночь.
По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладбище называлось: «Воля»
Да! Песнь о воле слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
А жены – нам; когда, узнав

О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда... – На кладбище был мир,
И впрямь пахнуло чем-то вольным:
Кончалась скука похорон,
Здесь радостный галдеж ворон
Сливался с гулом колокольным...
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь – сгорела...
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаюсь
Хоть в желтой яме что-нибудь...
Но всё мелькало, расплываясь,
Слепя глаза, стесняя грудь...
Три дня – как три тяжелых года!
Он чувствовал, как стынет кровь...
Людская пошлость? Иль – погода?
Или – сыновняя любовь? —
Отец от первых лет сознанья
В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья —
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).
Отец ходил к нему, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный, тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум.
(А думы глупые, молодые...)
И только добрый льстивый взор,
Бывало, упал украдкой
На сына, странною загадкой
Врываясь в нудный разговор...
Сын помнит: в детской, на диване
Сидит отец, куря и злясь,
А он, безумно расшальясь,
Вертится пред отцом в тумане...
Вдруг (злое, глупое дитя!) —
Как будто бес его толкает,

И он стремглав отцу вонзает
Булавку около локтя...
Растерян, побледнев от боли,
Тот дико вскрикнул...
Этот крик
С внезапной яркостью возник
Здесь, над могилою, на «Воле», —
И сын очнулся... Вьюги свист,
Толпа; могильщик холм ровняет;
Шуршит и бьется бурый лист...
И женщина навзрыд рыдает
Неудержимо и светло...
Никто с ней не знаком. Чело
Покрыто траурной фатою.
Что там? Небесной красотою
Оно сияет? Или – там
Лицо старухи некрасивой,
И слезы катятся лениво
По провалившимся щекам?
И не она ль тогда в больнице
Гроб вместе с сыном стерегла?..
Вот, не открыв лица, ушла...
Чужой народ кругом толпится...
И жаль отца, безмерно жаль:
Он *тоже* получил от детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale.³⁰

От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдем
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
Поэтов не хвалили мира!).
Сын входит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чудачком считать
Отца – на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
Поесть – и не держал прислуги
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной

³⁰ Чувствительное воспитание (*фр.*). «Education sentimentale» – роман Г Флобера.

С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груди почернелых шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он «свел на нет»
Всё, что мы в жизни ценим строго

Не освежалась много лет
Его убогая берлога;
На мебели, на грудах книг
Пыль стлалась серыми слоями,
Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья,
Коробки из-под папирос,
Белья не стиранного груды,
Портреты, письма дам, родных
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец – убогий свет
Варшавский падал на киоты
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»...
Так, с жизнью счет сводя печальный,
Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и всё забыл;
Ведь жизнь уже не жгла – чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка – одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
Прямились сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец – чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слег в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон...

Так жил отец: скупцом, забытым
Людьми, и богом, и собой,

Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской.
А сам... Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души – какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож
Всю жизнь его – уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

Страна – под бременем обид,
Под игом наглого насилья —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..
А сын – он изменил отчизне!
Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...)

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,

Молчат магнатские дворцы...
Лишь Пан-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет – и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешённый повод,
И четко повторит чугуны
Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Мечь! Мечь! – Так эхо над Варшавой
Звенит в холодном чугуне!

Еще светлы кафэ и бары,
Торгует телом «Новый свет»,
Кишат бесстыдные троттуары,
Но в переулках – жизни нет,
Там тьма и вьюги завыванье...
Вот небо сжалилось – и снег
Глушит трескучей жизни бег,
Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он – тихий, вечный и старинный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе больной и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...
Как женщина, из-за угла
Вот кто-то льстиво подползает.
Вот – подольстилась, подползла,
И сердце торопливо сжала
Невыразимая тоска,
Как бы тяжелая рука
К земле пригнула и прижала...
И он уж не один идет,

А точно с кем-то новым вместе...
Вот быстро под гору ведет
Его «Краковское предместье»
Вот Висла – снежной бури ад.
Ища защиты за домами,
Стуча от холода зубами,
Он повернул опять назад...
Опять над сферою Коперник
Под снегом в думу погружен.
(А рядом – друг или соперник
Идет тоска...) Направо он
Поворотил – немного в гору...
На миг скользнул ослепший взор
По православному собору.
(Какой-то очень важный вор,
Его построив, не достроил...)
Герой мой быстро шаг удвоил,
Но скоро изнемог опять —
Он начинал уже дрожать
Непобедимой мелкой дрожью
(В ней всё мучительно сплелось:
Тоска, усталость и мороз...)
Уже часы по бездорожью
По снежному скитался он
Без сна, без отдыха, без цели...
Стихает злобный визг метели,
И на Варшаву сходит сон...
Куда ж еще идти? Нет мочи
Бродить по городу всю ночь. —
Теперь уж некому помочь!
Теперь он – в самом сердце ночи!
О, черен взор твой, ночи тьма,
И сердце каменное глухо,
Без сожаленья и без слуха,
Как те ослепшие дома!..
Лишь снег порхает – вечный, белый,
Зимой – он площадь оснежит,
И мертвое засыплет тело,
Весной – ручьями побежит...
Но в мыслях моего героя
Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах – какой-то смутный звон.
Вдруг – бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада.
К ней тихо прислонился он.

Когда ты загнан и забит

Людьми, заботой, иль тоскою,
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,
Тогда – остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушённым садом,
И небо – книгу между книг,
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь – безмерно боле,
Чем *quantum satis*³¹ Бранда воли,
А мир – прекрасен, как всегда

.....

³¹ «В полную меру» (лат.) – лозунг Бранда, героя драмы Г Ибсена.

Двенадцать

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса!
Предатели!
Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой – за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась
– Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И – бац – растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!
Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подола,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат
«Вся власть Учредительному Собранию»
И слова доносит

...И у нас было собрание.
...Вот в этом здании.
...Обсудили —
Постановили
На время – десять, на ночь – двадцать пять..
...И меньше – ни с кого не брать..
...Пойдем спать.
Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи'

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни
Кругом – огни, огни, огни...

В зубах – цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

– А Ванька с Катькой – в кабаке...
– У ей керенки есть в чулке!

– Ванюшка сам теперь богат...
– Был Ванька наш, а стал солдат

– Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..
Тра-та-та!

Кругом – огни, огни, огни...
Оплечь – ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг

Товарищ, винтовку держи, не трусь

Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить
В красной гвардии служить
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Електрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька – он плечист!
Вот так Ванька – он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,

Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью. Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...

Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи.'

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач. .

Стой, стой! Андрюха, помогай

Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах

.....

Вскрутился к небу снежный прах .

Лихач – и с Ванькой – наутек...

Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,

Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,

Расправлюсь завтра я с тобой

А Катька где? – Мертва, мертва

Простреленная голова!

Что, Катька, рада? – Ни гу-гу...

Лежи ты, падаль, на снегу

Революционный держите шаг

Неугомонный не дремлет враг

7

И опять идут двенадцать,

За плечами – ружьеца.

Лишь у бедного убийцы

Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее

Уторапливает шаг.

Замотал платок на шее —

Не оправиться никак...

– Что, товарищ, ты не весел?

– Что, дружок, оторопел?

– Что, Петруха, нос повесил,

Или Катьку пожалел?

– Ох, товарищи, родные,

Эту девку я любил...

Ночки черные, хмельные

С этой девкой проводил...

– Из-за удали бедовой

В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я стгоряча... ах!

– Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
– Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
– Поддержи свою осанку!
– Над собой держи контроль!

– Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел. .

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба

8

Ох ты, горе-горькое
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея.
Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметса шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —

Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
– Шаг держи революционный
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать – вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот – проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным шагом...
– Кто еще там? Выходи!
Это – ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди – сугроб холодный,
– Кто в сугробе – выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

– Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком щекечучу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались – поколочу!

...Скалит зубы – волк голодный —
Хвост поджал – не отстаёт —
Пес холодный – пес безродный...
– Эй, откликнись, кто идет?

– Кто там машет красным флагом?
– Приглядишься-ка, эка тьма!
– Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

– Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
– Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! – И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди – Иисус Христос.

Январь 1918

